

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ
КАФЕДРА СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

На правах рукописи

ЭМИРОВ РАШИД МАРАТОВИЧ

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Специальность 23.00.02 –
«Политические институты, процессы и технологии»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
ГАДЖИЕВ Камалудин Серажудинович

МОСКВА – 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Северный Кавказ как внутреннее геополитическое пространство Российской Федерации	18
1.1. Общая характеристика Северного Кавказа как внутреннего геополитического пространства России	18
1.2. Место и роль Северокавказского региона в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации	25
Глава 2. Конфессиональный и этнонациональный факторы, определяющие геополитические контуры Северного Кавказа.....	43
2.1. Исламский узел в геополитических реалиях региона	44
2.2. Взаимосвязь этнополитики и геополитики в регионе.....	62
2.3. Влияние миграций на этнополитическое положение региона	81
2.4. Полиэтничность как фактор трансформации этнонациональной составляющей региона.....	88
Глава 3. Приоритеты национальной и региональной безопасности в экономической и политической сферах.....	96
3.1. Общая характеристика экономики СКФО в контексте региональной и национальной безопасности.....	97
3.2. Перспективы вывода экономики региона на новый уровень развития	117
3.3. Политическая составляющая Северокавказского геополитического пространства	130
3.4. Особенности взаимоотношений федерального центра и северокавказских республик	150
3.5. Об успехах и неудачах политического руководства республик	159
Заключение.....	173
Список использованных источников и литературы	178

Введение

Актуальность темы исследования. В современном мире, характеризующемся глубокими изменениями на политической карте, для национальной безопасности всевозрастающее значение приобретают уровень развития национальной экономики, науки и технологий, их конкурентоспособность на мировых рынках, состояние здоровья общества, качество систем образования и здравоохранения, этнические конфликты и др. Возникли новые источники угроз национальной безопасности, такие как терроризм, распространение оружия массового поражения, межэтнические и межконфессиональные конфликты, разного рода болезни, международная преступность, наркобизнес и т.д. Превратившись в сложную, многофакторную и открытую систему, национальная безопасность охватывает внутривнутриполитическую, геополитическую, экономическую, военную, этнонациональную, региональную, информационную и иные сферы. Соответственно, все более возрастающее значение приобретают внутренние угрозы.

В этом контексте для Российской Федерации большое значение имеет тот факт, что целый ряд ее регионов, которые в пределах территории бывшего СССР не имели границ с зарубежными государствами, после его распада трансформировались в пограничные внутренние геополитические пространства. А изменение внешних границ региона неизбежно ведёт к более или менее существенному изменению его статуса с точки зрения национальной безопасности в целом. К числу таких регионов в первую очередь относится Северный Кавказ, который с распадом СССР из одного из внутренних регионов превратился во внутреннее геополитическое пространство Российской Федерации, граничащее с целым рядом новых независимых государств.

Составляя звено огромной дуги нестабильности, охватывающей обширные пространства от Балкан до Афганистана и характеризующейся

возрождением этнизма, национализма, религиозного фундаментализма и подверженностью разного рода территориальным, этнонациональным, конфессиональным и иным противоречиям и конфликтам, Северный Кавказ теснейшим образом связан с нестабильными и конфликтогенными государствами Южного Кавказа, а через них с Большим Ближним Востоком.

Процессы, приведшие к распаду СССР, продемонстрировали системное единство геополитических и этнополитических факторов, выражающееся в тесной взаимосвязи этнонациональных, конфессиональных, территориальных и иных противоречий и конфликтов с точки зрения жизнеспособности и перспектив развития новой российской государственности. Стало очевидно, что для правильного понимания магистральных путей развития российского государства, форм, основных направлений и средств обеспечения безопасности страны требуется глубокое и всестороннее их осмысление в единстве и взаимозависимости. В этом русле следует рассматривать значимость для России Северного Кавказа, где в сложный клубок переплелись множество противоречий и трудно разрешимых проблем, оказывающих влияние на ее геополитическую безопасность и требующих комплексного исследования. Особую актуальность обретает поиск возможностей адекватного реагирования на все вызовы, с которыми сталкиваются как отдельно взятые национальные республики, так и регион в целом в качестве единого внутреннего пограничного геополитического пространства России.

Степень изученности темы. Многоплановость поставленной темы исследования предполагает охват весьма сложной и во многом противоречивой совокупности внутренних и внешних факторов, определяющих характер, ключевые составляющие и основные направления развития Северокавказского региона с точки зрения национальной безопасности Российской Федерации.

Учитывая обилие литературы, посвященной различным аспектам жизни региона и невозможность их исчерпывающего освещения, здесь

главное внимание концентрируется, прежде всего, на тех трудах, в которых в той или иной форме и степени затрагиваются проблемы, так или иначе помогающие решить поставленные в данном диссертационном исследовании задачи. С этой точки зрения интерес представляют те работы, в которых раскрываются важнейшие темы, связанные с новым геополитическим положением Северного Кавказа.

Работы по данной проблематике можно разделить на несколько блоков. Это, во-первых, труды, в которых предприняты попытки разработать концептуальные аспекты, методологические принципы и установки исследования геополитических реальностей современного мира. Среди них можно назвать труды И.А. Василенко, К.С. Гаджиева, А.С. Панарина, Э.А. Позднякова, Г.К. Сорокина, П.А. Цыганкова, В.Л. Цымбурского и др.¹

В этих работах затрагиваются ключевые вопросы современной мировой политики в условиях глобализации и информационной революции. Однако некоторые авторы, по своему освоив идеи традиционных геополитиков, как представляется, склонны несколько вольно трактовать современные мировые реальности. Так, В.Л. Цымбурский, например, считает себя «безоговорочно вправе исходить из нормативной трактовки, отождествляющей «гео» «в слове «геополитика» с «географией» и «пространством»².

Или же с окончанием «холодной войны» и распада СССР стало общим местом рассматривать все сколько-нибудь значимые процессы и события на постсоветском пространстве, в том числе на Кавказе в плане противоборства

¹ Василенко И.А. Политическая глобалистика. – М.: Логос, 2000; Гаджиев К.С. Геополитика. – М. 1997; Его же. Геополитические горизонты России. Контуры нового миропорядка. – М., 2011; Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование: в условиях стратегической нестабильности. – М., 1999; Поздняков Э.А. Геополитика. – М., 1995; Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. – М., 1996; Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М., 2007; Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. – М., 2000. Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под ред. П.А. Цыганкова. – М., 2012 и др.

² Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. – М., 2000.

между Западом и Россией. Как отмечал, например, А. Дугин, «любое рассмотрение кавказского региона в геополитической системе координат предполагает конечное сведение всей многосложной картины реальной расстановки сил к столкновению всегда и во всем противоположных интересов России и США, стран Северо-Атлантического альянса»¹. Справедливо указывая на то, что «важнейшее геополитическое значение имеет фактор каспийской нефти и, соответственно, нефтепровода», А. Дугин полагает, что установление контроля за этим последним является важнейшей геополитической задачей для США, поскольку именно через контроль над нефтью и ее транспортировкой в развитые страны Соединенным Штатам удастся сохранить мировую гегемонию².

Такие оценки представляются весьма упрощенными и в должной мере не отражающими реальное положение вещей. Распад СССР и его последствия для Российской Федерации в целом и отдельных ее регионов, в том числе Кавказа, необходимо рассматривать комплексно с учетом всей совокупности факторов, обеспечивающих региональную безопасность Северного Кавказа и национальную безопасность Российской Федерации. Определяющее место с этой точки зрения занимает обеспечение самосохранения или физического существования государства. Именно вокруг этой цели разрабатываются и защищаются другие основополагающие характеристики государства, такие как национально-государственный суверенитет, территориальная целостность, невмешательство во внутренние дела и т.д.

Автор данной диссертационной работы солидаризуется с теми авторами, по мнению которых под геополитикой следует понимать «комплексную дисциплину о современной и перспективной многослойной и многоуровневой глобальной политике»³. В этом контексте, на взгляд

¹ Дугин А.Г. Основы геополитики. – М., 2000. – С.804.

² Сорокин К.Э. Геополитика современного мира и геостратегия России. – М., 1996. – С.11.

³ Там же. – С. 9, 26.

диссертанта, геополитика охватывает не просто географический или пространственно территориальный аспект в политике, а более широкий комплекс социально-экономических, политических, этнонациональных, социокультурных идеологических и иных факторов, которые в совокупности определяют поведение, политическую стратегию государств, военно-политических союзов, альянсов, объединений на международной арене.

Второй блок включает труды, посвященные непосредственно геополитике Северного Кавказа. В них затрагиваются актуальные проблемы постсоветского пространства в их геополитическом измерении, частью которого являются Кавказ в целом и Северный Кавказ в особенности. В их числе интерес представляют работы К.С. Гаджиева, В.А. Гусейнова, С.С. Жильцова, И.С. Зонна и А.М. Ушкова, ряд коллективных трудов¹, в которых рассматриваются важнейшие факторы, оказывающие влияние на геополитическое положение в регионе.

В этом русле несомненно важны работы исследователей Южного Федерального Округа и Северокавказского Федерального Округа².

¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2003; Его же. Новая большая игра на Кавказе. Вчера, сегодня, Завтра. – М., 2012; Его же. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М., 2011; Гусейнов В.А. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. – М., 2002; Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М., 2003; Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика. – М., 2005; и др.

² Акаев В.Х. Кавказ в контексте геополитики. – Грозный, 2006; Арухов З.С. Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. – Махачкала, 2006; Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность. – Ростов н/Д., 2004; Его же. Кавказский макрорегион в фокусе геополитических интересов мировых держав: история и современность. Ростов н/Д, 2007; Вайханов Х.Х. Национальная безопасность России на региональном уровне: геополитико-конфликтологический подход. Южно-российское обозрение. Выпуск 61. – Ростов н/Д., 2010; Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ, 2002; Дружинин А.Г. Юг России конца XX – начала XXI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов н/Д., 2005; Палчаев А.Н. Конфликтогенный потенциал национально-территориального устройства Северного Кавказа // Власть, 2012. – №1; Черноус В.В. Кавказ в системе евразийской безопасности: от биполярности через атлантизм к глобальной безопасности. – Ростов н/Д., 2004; Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. – Ростов н/Д., 1999; Геополитическая модель Северного Кавказа (круглый стол) // Научная мысль Кавказа, 2000. – №2; Северный Кавказ в условиях глобализации. – Майкоп, 2001; Северный Кавказ:

Третий блок включает работы, в которых анализируются этнонациональные аспекты, определяющие конфликтогенную ситуацию в регионе. В этом блоке подспорьем при написании диссертации послужили труды В.Х. Акаева, В.Ф.Алиева, С.А. Арутюнова, З.С. Арухова, М.А. Аствацатуровой, В.С. Белозерова, Х.Х. Вайханова, В.Н. Давыдова, С.М. Маркедонова, А.Н. Палчаева, В.А. Тишкова и др. авторов, а также сборники статей, посвященные различным сторонам развертывания, протекания и разрешения конфликтов на Кавказе¹.

В четвёртый блок входят труды, посвященные конфессиональным проблемам. В их числе можно назвать книги А.В. Малашенко, Н.М. Емельяновой и др. А. Малашенко концентрирует главное внимание на некоторых исторических аспектах и современном состоянии ислама на Северном Кавказе. Значительное место отводится особенностям и тенденциям религиозного возрождения и проблеме исламского радикализма на фоне общественной и политической ситуации в регионе². В книге Емельяновой эти же проблемы рассматриваются на примере Кабардино-

геополитика, история, культура. – М.-Ставрополь, 2001; Проблемы геополитики и Северный Кавказ. – Ставрополь, 2001; и др.

¹ Алиева В.Ф. Демографические процессы в современном Дагестане. – М., 2007. Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005; Гусейнов А.Г. Социальные конфликты Северного Кавказа: сущность и пути урегулирования. Регион; Давыдов В.Н. Этнополитические конфликты на Северном Кавказе: региональный фактор // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология, 2004. – №1; Арутюнов С. Этнократия или демократия? Традиции Северного Кавказа // Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе. URL: http://apsnyteka.narod2.ru/k/traditsiya_razresheniya_konfliktov_na_kavkaze (дата обращения: 18.06.2013); Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски. Трансформация регионального этнополитического пространства. – М., 2011; Мусаева Л.З., Шамилев С.Р., Шамилев Р.В. Особенности расселения сельского населения субъектов КФО // Современные проблемы науки, 2012. – №5; Тишков В.А. Конфликты и федерализм. Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе. Общая оценка ситуации и природы конфликтов // Казанский федералист, 2002. – №2; Тишков В.А. Русское население республик Северного Кавказа. URL: http://www.valerytishkov.ru/russkoe_na.html (дата обращения: 31.05.2013); и др.

² Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М. 2001; Малашенко А.В. Фактор ислама в российской внешней политике // Россия в глобальной политике, 2007. – №2.

Балкарии¹. Интерес представляют работы Р. Гаджиева, К.М. Ханбабаева, М.М. Гусаева и др., в которых затрагиваются проблемы национальной безопасности России в Южном федеральном округе в контексте существующей там конфессиональной ситуации². В этих работах предпринята попытка раскрыть сущность и природу ваххабитского течения, влияния исламского экстремизма на общественно-политическую ситуацию в Северокавказском регионе в контексте национальной и региональной безопасности. Исследованы формы проявления экстремизма с учетом социальных изменений в обществе и обоснованы направления политико-правового ограничения экстремистской деятельности религиозных объединений в этом регионе России.

В данном блоке особо выделяются труды, посвященные политическому исламу, различным фундаменталистским течениям в исламе, базирующимся на салафитском наследии. Среди них следует отметить работы зарубежных авторов, таких как А. Абдель-Малек, Дж. Аль-Азм Садик, Д. Волла, Д. Эспозито, Э. Сиван и др.³ Отдельного упоминания заслуживает монография Г. Фуллера, посвященная исследованию феномена политического ислама, основных факторов и тенденций его развития, форм

¹ Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. – М., 1999.

² Гаджиев Р. Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. – Грозный, 2004; Гусаев М.М. Религиозный фактор в кавказской геополитике. Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества. – Махачкала, 2002; Малышева Д.Б. Исламский фундаментализм в современном мире // Постиндустриальный мир. – М., 1999; Ханбабаев К.М. Ислам и проблемы обеспечения национальной безопасности в Южном федеральном округе // Южнороссийское обозрение, 2005. – №30; и др.

³ Abdel-Malek, A. Foundations and Fundamentalism // Народы Азии и Африки. – М., 1990; Al-Azm Sadik J. Islamic Fundamentalism Reconsidered: A Critical Outline of Problems, Ideas and Approaches // South Asia Bulletin, Comparative Studies of South Asia/Africa and the Middle East, 1993. – vol. XIII, №18; Arkoun M. Islam et democratie. Quelle democratie? Quele Islam? // Cites, 2002. – PUF 12; Islamophobia: A Challenge For Us All (Runnymede Trust). – L., 1997; Tash, Abdul Qatar. Islamophobia in the West // The Washington Report November/December, 1996; Voll J.O. Fundamentalism in the Sunni Arab World: Egypt and the Sudan. In.: Fundamentalisms Observed. Chicago, 1991; Esposito J.L. The Islamic Threat. – N.Y., 1992; Сиван Э. Радикальный ислам»: причины и последствия террористического насилия // Internationale Politik, 1997. – №8; ect.

и характера вызовов, которые он бросает миру и с которыми сталкивается сам¹.

Для получения общей картины Северного Кавказа важно учесть работы, в которых дается конфликтологический анализ важнейших проблем региона в системе властных отношений Российской Федерации по вертикали, сущностных характеристик политических процессов в субъектах Российской Федерации региона с учетом развития федерализма и в условиях обострения этнонациональных противоречий и активизации деятельности отдельных этнических групп и религиозных организаций².

Широкий круг работ посвящен социальным и экономическим проблемам, оказывающим существенное влияние на геополитическое положение в регионе³. В них предпринята попытка обосновывать тезис, согласно которому ключевую роль в конфликтогенности северокавказского региона играет социально-экономический фактор, в частности, разрушение основных отраслей производства, массовая безработица, криминализация экономических и социальных отношений и др. В качестве одного из главных путей разрешения стоящих перед регионом проблем рассматривается вовлечение населения национальных республик в традиционные для Северного Кавказа отрасли малого и среднего производства.

Нельзя не затронуть также множество диссертационных исследований, посвященных различным аспектам экономического и политического развития Северного Кавказа, а также этно-политической и

¹ Fuller G.E. The Future of political islam. – N.Y., 2003.

² Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе. Этноконфессиональная толерантность. – М., 2007; Ханбабаев К.М. Исламский радикализм на Северном Кавказе: Идеология, цели, пути финансирования // Свободная мысль, 2007. – №3; и др.

³ Липина С.А. Стратегические приоритеты социально-экономического развития республик Северного Кавказа: пути и методы их достижения. – М., 2010; Северный Кавказ: Проблемы экономики и политики. – М., 2008; и др.

конфессиональной ситуации в регионе, тем, которые так или иначе касаются рассматриваемых в данной работе проблем¹.

Хотя, казалось бы, геополитическим проблемам Кавказа в целом и Северного Кавказа в частности в последние годы в отечественной политологии уделяется достаточно большое внимание, ряд важнейших составляющих региона как единого внутреннего геополитического пространства России, характеризующегося специфическими особенностями, не получили еще соответствующего их значимости изучения. Речь идёт, в первую очередь, о выделении Северокавказского региона в качестве самостоятельного внутреннего пограничного геополитического пространства, более или менее тесно связанного с Южным Кавказом и некоторыми странами Большого Ближнего Востока, характеризующимися высокой степенью конфликтогенности. В должной мере не выявлены и не обозначены научно обоснованные системные и структурные составляющие, определяющие специфику и контуры данного пространства с точки зрения приоритетов региональной и национальной безопасности. Одним из слабо освещённых узлов пространства являются характер, взаимосвязь и

¹ Магарамов Э.М. Современная геополитическая ситуация на Северном Кавказе: проблемы национальной и региональной безопасности России. Автореф. дис.к. полит.н. по специальности 23.00.02 - Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. – Махачкала, 2007; Мишин В.Е. Безопасность Северного Кавказа в условиях глобализации. Автореф. канд. полит. н. по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. – Пятигорск, 2005; Санглибаев А.А. Этнополитические процессы на Северном Кавказе на современном этапе. Автореф. д. полит.н. по специальности 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. – Ставрополь, 2008; Харченко В.А. Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления. Автореф. докторской дис. д. полит. н. по специальности ВАК 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. – Бишкек, 2011; Читаев Ш.В. Геополитический потенциал Северо-Кавказского региона. Автореф. К.пол.н. по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и глобального развития. – М., 2009; Юсупова Г.И. Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России. Автореф. дис. к.ф.н. по специальности 09.00.13 – Религиоведение, философская антропология, философия культуры. – Махачкала, 2009 и др.

взаимообусловленность внутренних источников угроз региональной и национальной безопасности.

Объект, предмет, цели и задачи исследования. С учетом **значимости и актуальности** такой постановки вопроса **объектом** диссертационного исследования является Северный Кавказ как самостоятельное пограничное внутреннее геополитическое пространство Российской Федерации, имеющее ключевое значение для обеспечения национальной безопасности, территориальной целостности и государственного единства страны.

Предметом исследования являются системные и структурные составляющие, которые определяют особенности региона, концентрируя внимание главным образом на приоритетных узлах, имеющих ключевое значение для, во-первых, решения жизненно-важных проблем региона, во-вторых, обеспечения территориального единства и национальной безопасности Российской Федерации.

Основная цель исследования состоит в выявлении и раскрытии ключевых факторов функционирования и развития этнонациональной, конфессиональной и политической сфер общественной жизни национальных республик Северного Кавказа, которые в совокупности лежат в основе системного кризиса региона и, соответственно, служат источниками внутренних угроз региональной и национальной безопасности Российской Федерации.

Для достижения поставленной **цели** ставятся следующие **исследовательские задачи**:

- выявить и проанализировать основные системные и структурные составляющие и особенности Северного Кавказа как единого внутреннего геополитического пространства Российской Федерации;
- раскрыть и исследовать приоритетные узлы, определяющие статус и значимость региона с точки зрения обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

- определить природу и основные проявления системного кризиса, который охватил не только социально-экономическую, но также все ключевые сферы общественной жизни – этнонациональную, конфессиональную и политическую;

- выделить, проанализировать и оценить формы проявления, уровень и масштабы вызовов и угроз национальной и региональной безопасности, таящихся в каждой из названных сфер;

- определить основные формы, пути, ресурсы и средства решения стоящих перед регионом проблем и т.д.

Положения, выносимые на защиту.

- В последние десятилетия произошли серьезные изменения в понимании и оценке характера, форм, путей и средств обеспечения национальной безопасности и защиты национальных интересов Российской Федерации. Если раньше они ассоциировались преимущественно с военным и экономическим потенциалом государства, то ныне в данной сфере участвует более сложный спектр факторов. Особо важное значение имеют **внешние угрозы**, которые дополнились выдвижением на передний план **внутренних источников угроз** национальной безопасности.

- Северный Кавказ с распадом СССР превратился во внутреннее пограничное геополитическое пространство Российской Федерации, в качестве структурных элементов которого выделяются экономическое, этнонациональное, конфессиональное, политическое и иные подпространства, выступающие как взаимосвязанные, взаимно-переплетающиеся и взаимодополняющие части единого целого. Здесь тесно переплетаются этнополитика и геополитика, геополитика и геоэкономика, социокультурное и конфессиональное измерения.

- События и процессы в регионе оказывают заметное влияние на развитие ситуации в масштабах, выходящих далеко за рамки самого региона и непосредственно прилегающих к нему территорий. Поэтому с точки зрения обеспечения национальной безопасности Российской Федерации речь

идет о так называемой «внутренней геополитике», предполагающей исследование внутривостановых и внутриврегиональных факторов, определяющих геополитический статус, влияние и внешнеполитическую стратегию государства.

- Особую актуальность и значимость предложенной в работе постановке придает тот факт, что регион все еще продолжает находиться в глубоком системном кризисе, пронизывающем не только социально-экономическую, но также другие ключевые сферы, прежде всего этнонациональную, конфессиональную и политическую, каждая из которых таит свои угрозы территориальной целостности и государственному единству Российской Федерации. Такое понимание имеет ключевое значение не только для разработки и реализации внутривполитического курса государства в регионе, но и определения внешнеполитического курса в отношениях со многими соседними государствами, да и в мире в целом.

Исследовательская гипотеза заключается в предположении, что важнейшие проблемы, определяющие положение дел в национальных республиках Северного Кавказа, коренятся в системном кризисе, пронизывающем важнейшие сферы общественной жизни региона. Высокая конфликтность, социальная и политическая нестабильность, коррупция, клановость и другие негативные явления, составляющие внутренние источники угроз региональной и национальной безопасности Российской Федерации, являются проявлениями этого кризиса. Поэтому, решение стоящих перед регионом жизненно важных проблем следует искать на путях его преодоления.

Научная новизна исследования состоит, прежде всего, в самой постановке проблемы определения принципов и критериев моделирования внутреннего геополитического пространства в пределах отдельно взятого региона Российской Федерации, а именно, Северного Кавказа, оказывающего существенное влияние на основные направления и характер обеспечения её территориальной целостности и национальной безопасности.

Для правильного понимания сути исследуемой проблемы дается авторское определение понятий «геополитическое пространство» и «внутреннее геополитическое пространство». Выделены ключевые составляющие данного геополитического пространства, на основе которых формируются особые подпространства, такие как экономическое, политическое, этнонациональное, конфессиональное. Показано, что, налагаясь друг на друга, они определяют основные характеристики и специфические особенности Северного Кавказа.

На этой основе достигнут синтез геополитики и этнополитики региона, а также его конфессиональной составляющей, что дало возможность показать, что существует достаточно четко прослеживаемая зависимость геополитического положения региона от социально-экономического, этнонационального и конфессионального факторов. Показана взаимосвязь конфликтогенной ситуации на Северном Кавказе с изменением конфигурации геополитических сил в регионе, что, в свою очередь, обуславливает сложность и многоплановость факторов и причин, лежащих в основе конфликтов, переплетенных во множество взаимно пересекающихся неразрывных узлов, создающих весьма трудно преодолимые препятствия для их решения.

Обоснован тезис о системном кризисе, который пронизывает все без исключения ключевые сферы общественной жизни Северного Кавказа. Показано, что социальная и политическая нестабильность и конфликтогенность региона определяются не только затянувшимся кризисным состоянием социальной и экономической сфер, как это прослеживается в работах многих исследователей, аналитиков, государственных и политических деятелей, но и не в меньшей степени духовным кризисом, идеологическим вакуумом, девальвацией традиционных ценностей, потерей жизненных ориентиров и т.д. При таком понимании сам экономический кризис рассматривается как одно из проявлений более масштабного и глубокого системного кризиса.

Источниковедческой базой исследования послужили Конституция Российской Федерации, Конституции национальных республик Северного Кавказа, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года от 12 мая 2009 г. №537; Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года; Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Использовались статистические сборники «Росстата РФ: Регионы России: Социально-экономические показатели». 2008, 2010, 2011, 2012 годов, «Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России». 2011, «Социальное положение и уровень жизни населения России». 2011 и др. Привлечены результаты переписей населения страны 1989, 2002 и 2010 годов, статистические данные соответствующих служб национальных республик Северного Кавказа, а также многочисленные материалы как федеральных, так и региональных средств массовой информации, научных и публицистических журналов. Естественно, широко использовались федеральные и региональные Интернет порталы, такие, например, как Вестник Кавказа, Кавказский узел, Кавказская политика, Кавказское сотрудничество, Кавказ-инфо, Кавказ Online и др.

Теоретико-методологическая основа исследования. Выявление, изучение и оценка процессов и событий, происходящих на Северном Кавказе, реального положения в регионе в целом и в отдельных субъектах Российской Федерации в частности представляются возможными и целесообразными в рамках методологии, включающей принципы и подходы политологического, этнополитического, геополитического, исторического и иных форм анализа. Соединение этих подходов, позволяющее рассмотреть одни и те же проблемы в разных ракурсах и под разными углами зрения, способствует не только ее объективной оценке, но и осмыслению в контексте динамики прошлого, настоящего и будущего. Оно способно помочь определить, каковы ключевые приоритеты политики федеральной власти и властей субъектов Федерации по решению стоящих перед регионом

проблем, какой именно курс во внешней и внутренней политике в данном геополитическом регионе соответствует национальным интересам, какие последствия могут иметь те или иные политические шаги государства как внутри страны, так и в отношениях с остальным миром и т.д.

Системный анализ дал возможность исследовать в неразрывном единстве основные составляющие, структурные параметры, сущностные характеристики и особенности Северного Кавказа как особого внутреннего геополитического пространства Российской Федерации, в той или иной степени и форме связанного со странами Южного Кавказа, а через них и с Большим Ближним Востоком.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанные в нём методологические подходы позволяют глубже анализировать происходящие в стране процессы на системном уровне. Результаты исследования могут быть использованы в работе Совета безопасности Российской Федерации, соответствующих комитетов Федерального собрания, Министерства регионального развития Российской Федерации и других органов государственной власти Российской Федерации. Кроме того, они могут быть востребованы при разработке и преподавании курсов дисциплин, прямо или косвенно изучающих проблематику по безопасности, межнациональным и федеративным отношениям, а также геополитике.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании Кафедры сравнительной политологии Факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Основные положения диссертации отражены в одной монографии и пяти статьях.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Северный Кавказ как внутреннее геополитическое пространство Российской Федерации

На протяжении всего постсоветского периода с точки зрения национальной безопасности Российской Федерации Кавказ в целом и Северный Кавказ в особенности превратились в один из важных регионов, где пересекаются интересы как региональных государств, так и мировых держав. Появление новых независимых государств привело к существенному росту значимости для России региона, где в сложный клубок переплелись множество противоречий и трудно разрешимых проблем, связанных с ее национальной безопасностью.

1.1. Общая характеристика Северного Кавказа как внутреннего геополитического пространства России

С распадом СССР перед новой Россией наряду со множеством других ключевых для ее перспектив вопросов встал целый комплекс проблем, связанных с обеспечением ее национальной безопасности. И это не удивительно, если учесть, что по сути дела потерпел крах сам коммунистический идеал, на котором базировалась советская государственность. Лишившись имперского и коммунистического идеалов, Россия оказалась как бы лишенной и самой национальной идеи. В общественном сознании народов бывшего СССР образовался идейный вакуум. Народы, уже в течение многих поколений испытывавшие чувство внешней и внутренней безопасности, гарантию своего существования и условий для своего беспрепятственного воспроизводства, оказались в состоянии неопределенности и растерянности, как бы потеряли устойчивый якорь.

В традиционном смысле, национальная безопасность представляет собой обеспечение защиты государства от внешних угроз, от посягательств

на его суверенитет, территориальную целостность, невмешательство во внутренние дела и т.д. со стороны внешних сил. В качестве главных компонентов понятия «национальная безопасность» рассматривались преимущественно военная и политическая безопасность. В современных условиях, наряду с традиционными, немаловажное значение приобрели новые факторы обеспечения национальной безопасности, такие как уровень развития национальной экономики, ее конкурентоспособность на мировых рынках, уровень развития науки и технологий, качество системы образования и здравоохранения, терроризм, межэтнические и межконфессиональные конфликты, разного рода болезни, наркобизнес и т.д.

Поэтому естественно, что система национальной безопасности охватывает широкий спектр экономических, социальных, правовых, демографических, экологических, геополитических и иных факторов, призванных обеспечить защиту жизненно важных национальных интересов. На передний план выдвигаются вопросы технологической, экологической, финансовой, валютной и других видов безопасности. Все более возрастающее значение приобретает обеспечение информационной безопасности. Серьезную угрозу национальной безопасности представляет политика ряда ведущих мировых держав, стремящихся добиться доминирующего положения в мировой энергетике и глобальном информационном пространстве, вытеснения тех или иных стран с внешнего и внутреннего информационного рынка. В этом же ряду следует назвать международную организованную преступность, международный терроризм, наркобизнес и др.

Она охватывает также защиту жизни, здоровья, прав и свобод личности, собственности, безопасности общества и государства от преступных посягательств, радиации, эпидемий, последствий антропогенного воздействия на окружающую природную среду, стихийных бедствий и катастроф и т.д. Как отмечается в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», подписанной

Президентом Российской Федерации 12 мая 2009 года, «национальная безопасность, - это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства».¹

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что в «Стратегии» внутренние угрозы национальной безопасности ставятся наравне с внешними угрозами. В отличие от устоявшегося в СССР понятия «государственная безопасность», которое предполагало в первую очередь защиту государственного устройства, институтов и интересов государства, понятие «национальная безопасность» включает не только безопасность государства, но и безопасность нации, формирующей это государство, его населения, ценностей, институтов, территории, среды обитания и т.д. Очевидно, что понятие «национальная безопасность», объединяя в себе все известные виды безопасности, носит многоплановый характер. Она представляет собой сложную многоуровневую открытую динамическую систему со специфическими структурными и функциональными компонентами. Как целостная система, национальная безопасность охватывает политическую, международную, экономическую, военную, национальную, региональную, информационную и иные сферы. Иначе говоря, угрозы безопасности России становятся многофакторными, они взаимно влияют друг на друга, приобретают комплексный характер и требуют для своей локализации и нейтрализации осознанного, комплексного и системного подхода.

Значимость такой постановки вопроса станет очевидна, если учесть, что современное мировое сообщество представляет собой открытую систему, для которой характерны неуклонное увеличение прозрачности

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета, 19 мая 2009.

национальных границ, дальнейшее сужение возможностей отдельно взятого государства в необходимых случаях принимать те или иные решения по жизненно важным вопросам без учета остальных субъектов мировой политики.

Эти и множество связанных с ними факторов поставили Россию перед необходимостью внести соответствующие коррективы в приоритеты национальной безопасности. Ключевую роль приобрели внутренние угрозы национальной безопасности, связанные с состоянием самого общества и коренящиеся в самом обществе, защитой прав, свобод, достоинства и материального благополучия всех ее граждан и т.д. Эти опасности могут быть вызваны состоянием национальной экономики, степенью здоровья или болезни общества, эрозией и подрывом господствующей системы ценностей, традиций, принципов, национальных идеалов и целей, ростом в силу тех или иных причин социальной и политической нестабильности, криминализацией общественных отношений, ростом организованной преступности, наркобизнеса и внутристранового терроризма, обострением межнациональных, межконфессиональных и иных противоречий и конфликтов.

Нельзя отрицать, что одним из факторов распада СССР стала широкомасштабная целенаправленная борьба внешних противников по его разрушению. В обоснованности такого видения не оставляет никаких сомнений сама логика идеологического и геополитического противоборства двухполюсного миропорядка. Другое дело, что удельный вес этих усилий среди причин распада Союза определить весьма трудно. Однако очевидна и другая истина, суть которой состоит в том, что никакие внешние силы не смогли бы развалить такую мощную ядерно-космическую державу, если бы ее устои не подтачивали сугубо внутренние факторы. Иначе говоря, в комплексе причин, которые в совокупности привели к распаду СССР, ключевую роль сыграли внутренние факторы, которые приобрели все более возрастающую роль для национальной безопасности России. Как отмечал

К.С. Гаджиев, «единая территория многовековой империи оказалась как бы разорванной на множество фрагментов, причем, не только по линиям государственных границ, но и на этнонациональные, региональные, конфессиональные и иные составляющие. Более того, в условиях, когда вслед за распадом СССР сама Россия также столкнулась с реальной угрозой балканизации, сохранение территориальной целостности превратилось в одну из ключевых проблем, от решения которых зависят перспективы самой российской государственности»¹.

Этот факт свидетельствует о том, что национальная безопасность тесно связана с безопасностью самой общественно-политической системы страны. Не будет преувеличением утверждение, что именно положение дел, успехи и неудачи внутри страны в значительной степени определяют важнейшие параметры ее геополитической безопасности. В этом плане речь идет о необходимости достижения экономической, социальной, политической и идеологической стабильности внутри страны. Особо важное значение приобретают сохранение единства и целостности государства, обеспечение баланса потенциалов и интересов регионов, недопущение сепаратизма и сецессии, нейтрализация причин и условий политического и религиозного экстремизма, сепаратизма, этнотерриториальных и иных противоречий и конфликтов.

Во всех этих аспектах ключевое значение для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации приобретают государства постсоветского пространства и теснейшим образом связанные с ними так называемые внутренние пограничные геополитические пространства, к важнейшим из которых относится Северный Кавказ.

Прежде всего, что понимается под внутренним геополитическим пространством? Разумеется, оно формируется на основе географического региона соответствующей страны. В этом плане необходимо провести

¹ Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового мирового порядка. – М., 2007. – С. 531.

различия между территорией и геополитическим пространством. Территория – это необходимое естественное условие существования государства, материальная основа жизни организованного в государство общества. В этом смысле действует принцип территориального императива, согласно которому границы территории, на которую распространяются суверенитет и юрисдикция соответствующего государства, неприкосновенны, и государство вправе защищать её всеми находящимися в его распоряжении средствами.

Внутристрановой регион определяется как конкретное территориальное образование. В рассматриваемом здесь контексте регион представляет субъект федерации или, согласно «Основным положениям региональной политики Российской Федерации», регион может объединять территории нескольких субъектов. Таким регионом является Северный Кавказ. Если регион складывается в силу преимущественно внутренних факторов, то геополитическое пространство складывается под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. В этом отношении ключевое значение имеет тот факт, что на Северном Кавказе воочию обнаруживается общемировая тенденция к стиранию граней между внутренней и внешней политикой. Внутренние составляющие геополитического измерения формируются, с одной стороны, факторами собственно региона, с другой стороны, факторами, определяющимся тем, что он является частью Российской Федерации. Региональная политика определяется как сфера деятельности государства по управлению экономическим, социальным и политическим развитием страны в пространственном (региональном) аспекте. Объектом региональной политики является регион в его пространственном выражении. Здесь внутренняя геополитика теснейшим образом связана с феноменом пересечения границ субнациональных и трансгосударственных регионов.

Поэтому понятие «пространство» в геополитике имеет особую смысловую нагрузку и не всегда и не обязательно может выступать как синоним понятия «территория». Пространство как категория значительно

шире категории «государственная территория». Его границы или пределы сколько-нибудь чётко не обозначены, в юридически-правовом отношении не всегда и не обязательно фиксированы и, соответственно, могут быть подвижны.

Применительно к Северному Кавказу речь идёт, прежде всего, о Южном Кавказе, где Россия имеет жизненно важные интересы, имеющие ключевое значение для обеспечения своей национальной безопасности. Однако по целому ряду параметров геополитические границы Северного Кавказа, являющейся неотъемлемой частью Российской Федерации, простираются дальше на Юг на территории Ближнего и Среднего Востока. Очевидно, что здесь геополитическое пространство не совпадает с территориальными границами государства.

Северный Кавказ со многих точек зрения является одним из самых сложных регионов Российской Федерации по таким критериям как уровень социальной и политической стабильности, экономического развития, безработицы, масштабов бедности населения, эффективности функционирования органов государственной власти и государственного управления, обеспечения национальной безопасности России и т.д. Это один из регионов России, где процессы реформирования государственно-политической системы и перевода экономики на рельсы рыночной экономики существенно отстают от большинства субъектов Российской Федерации. К тому же в силу комплекса различных факторов терроризм, организованная преступность, деятельность мафиозных кланов, смыкающихся с властными структурами, стали частью самого образа жизни проживающих здесь народов. Здесь завязаны узлы весьма трудно разрешимых этнонациональных и территориальных противоречий и конфликтов, возникающих большей частью на почве межнациональных противоречий, на которые накладываются другие конфликтогенные факторы.

В наши дни Кавказ остается узлом соприкосновения цивилизационно-культурных кругов, множества народов, стратегических блоков (ОДКБ – НАТО), социально-экономических укладов (традиционное общество – современное общество – информационное общество). Регион имеет морскую и сухопутную связь со странами Большого Ближнего Востока, Центральной Азии и Европы и играет существенную роль в плане контроля и доступа к природным энергоресурсам, представляющим геостратегическое значение. Кавказ располагает большими возможностями стать важным узлом комплексных трансконтинентальных транспортных систем по линии Север – Юг и Запад – Восток.

1.2. Место и роль Северокавказского региона в обеспечении национальной безопасности

Базовые характеристики Северного Кавказа в значительной степени определяются месторасположением, территориально-пространственными и иными факторами. Он является частью более обширного кавказского региона, располагающегося на перекрёстке Востока и Запада, Севера и Юга, занимая весьма выгодное стратегическое положение на одном из оживленных перекрестков мировых коммуникаций. В древности и период средневековья через него проходило одно из ответвлений так называемого Великого шёлкового пути. Поэтому естественно, что с древнейших времен Кавказ рассматривался как один из важнейших геостратегических пространств, связанных с Европой и Азией, место встречи христианства и ислама. Регион являлся ареной межплеменных, межклановых и межэтнических противоречий, конфликтов и войн. Он постоянно оказывался в орбите интересов различных мировых империй и региональных государств - попеременно между Византийской, Османской, Персидской, Российской

империями, а также некоторыми великими европейскими державами и, соответственно, на арене крупных конфликтов и войн¹.

Юг России в силу своего географического положения и геостратегического значения всегда являлся одним из узлов международных противоречий, предметом борьбы мировых религий, цивилизаций, великих государств. Будучи частью Юга России, Северный Кавказ одновременно связан со сложной системой этнонациональных, конфессиональных, социальных, культурных, политических, геополитических составляющих, уходящих за пределы собственно Российской Федерации, простираясь дальше на территории Южного Кавказа и на Ближний и Средний Восток, т.е. регионов и государств, отягощенных множеством весьма сложных и трудно разрешимых проблем. В данном контексте весь Кавказ можно рассматривать как единое геополитическое пространство.

При всех различиях целый ряд факторов этнонационального, конфессионального, территориально-географического, исторического, социально-экономического, социокультурного и иного характера обуславливают близость стоящих перед народами Северного и Южного регионов Кавказа проблем, порожденных распадом СССР, окончанием двухполюсного миропорядка, разворачиванием процессов глобализации и информационно-телекоммуникационной революции.

На всём этом пространстве внутренние и внешние аспекты данных регионов настолько тесно связаны между собой, что их невозможно адекватно исследовать отдельно друг от друга. К примеру, конфликтогенность проявляется как на внутрорегиональном, так и на межгосударственном и межрегиональном уровнях. Будучи изначально обусловлена внутренними причинами, она сохраняется и подогревается внешними факторами. В современных условиях глобализации, роста миграций, расширения связей и т.д. имеет место дальнейший рост подвижности и неопределенности границ, отделяющих различные

¹ Об этом см.: Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2003.

подпространства друг от друга. Во многом этим объясняется необходимость рассматривать Северный Кавказ и южно-кавказские государства в геополитическом измерении как единый регион, для которого характерен общий комплекс проблем, объединяющих их в единую ресурсно-геополитическую сферу, служащую связующим звеном между странами Прикаспия на Востоке и Причерноморья на Западе.

Что касается собственно Северного Кавказа, то для России, с точки зрения геополитических реальностей, он является своего рода пограничным пространством, интегральной частью южного «подбрюшья». Регион играет ключевую роль как форпост защиты ее позиций в обширном кавказско-каспийском и Ближне-Средне-Восточном регионах. Он необходим России для обеспечения доступа к важнейшим транспортным коммуникациям и выхода на Средний и Ближний Восток, обеспечения устойчивых связей через Черное и Каспийское моря с остальным миром. Во всех этих аспектах Северный Кавказ представляет собой особое внутреннее геополитическое пространство России, включающее в себя несколько не всегда совпадающих друг с другом по границам самостоятельных, но дополняющих друг друга подпространств, таких как экономическое, этнонациональное, конфессиональное, социокультурное, информационное и т.д.

Как правило, геополитические пространства характеризуется своей особой историей, культурой, религией, разнообразным этническим и языковым составом населения и т.д. Зачастую они имеют устойчивые традиционные культурные, гуманитарные, конфессиональные, торгово-экономические и иные связи, составляя своего рода языковые, этнокультурные, конфессиональные и иные ареалы или подпространства. Границы таких подпространств на Кавказе довольно условны и подвижны. Подчас государственные и административные границы не совпадают с этническими или конфессиональными и т.д.

К примеру, в конфессиональном плане регион тесно связан с Южным Кавказом – по линии православия с Грузией, а христианства в целом - с

Арменией, по линии ислама – с Азербайджаном и далее с мировым исламским пространством, составляя часть так называемого «Мусульманского Севера». Здесь применительно к Северному Кавказу необходимо сделать следующую оговорку: если экономическое и политическое подпространства определяются собственно северокавказскими реалиями, то в формировании этнонационального и конфессионального подпространств участвуют как внутренние, так и внешние факторы.

Этнонациональное пространство региона включает территории, занятые такими этносами, как абхазы в Абхазии, осетины, проживающие в Южной Осетии, лезгины и аварцы - в Азербайджане, азербайджанцы, грузины, армяне, являющиеся гражданами Российской Федерации и т.д. С точки зрения этнического, традиционного, социокультурного, языкового и др. аспектов они могут быть отнесены к Северокавказскому региону, хотя с точки зрения юридически-правового, политического входят в состав разных государств.

С распадом СССР перед государствами Большого Ближнего Востока открылись широкие возможности для нового открытия Кавказа как для усиления там своего культурного и религиозного влияния, так и продвижения своих торгово-экономических интересов. В свою очередь, кавказские народы получили возможность расширить культурные, вероисповедные, гуманитарные, торгово-экономические связи с близкими им по вере народами соседнего региона. При всех очевидных различиях у народов двух регионов множество общих целей и интересов, в том числе, такие как обеспечение и поддержание мира и стабильности, предотвращение конфликтов и войн, преодоление их последствий, защита этнокультурной, политико-культурной, конфессиональной идентичности, национальных языков и др.

Объединяет Кавказ и Большой Ближний Восток характерные для них общемировые тенденции общественно-политического развития, суть которых заключается в том, что оборотной стороной глобализации являются

возрождение национальных, этнических, местнических приверженностей почти во всех регионах земного шара, фрагментация, возникновение новых государств и государственных образований. Поэтому в последние два-три десятилетия здесь на передний план вышли дезинтеграционные, центробежные тенденции и процессы, национализм, политический и религиозный радикализм, что, естественно, является дополнительным стимулом для разогревания этнонациональных, территориальных и иных противоречий и конфликтов, которые переплелись в сложный узел и чреватые далеко идущими непредсказуемыми негативными последствиями для всех стран и народов региона.

Важно учесть, что мусульманские анклавы Кавказа составляют часть «Мусульманского Севера», который, в свою очередь, теснейшими узами связан с обширным миром ислама, прежде всего с странами Ближнего и Среднего Востока. На протяжении многих веков ислам служил в качестве ключевого звена, обеспечивающего духовные, социокультурные, гуманитарные, торгово-экономические и иные связи народов двух регионов. Поэтому неудивительно, что в течение всего постсоветского периода наблюдалась все более возрастающая тенденция к восстановлению и расширению этих связей. Более того, в силу целого комплекса причин внешний фактор сыграл немаловажную роль в возрождении ислама, в том числе в появлении на Кавказе различных версий политического ислама в лице салафизма, фундаментализма, ваххабизма, хотя определяющую роль в этом плане сыграли внутренние социально-экономические, социокультурные, политические, идеологические и иные реалии. Ведущие мусульманские страны, а также правительственные и неправительственные организации развернули усилия для расширения и укрепления позиций ислама в регионе.

Реакцией на эти тенденции стало распространение в России вслед за западными странами исламофобии, которая большей частью строится на превратной, идеологизированной трактовке как ислама в целом, так и

политического ислама в особенности, что, как представляется, никак не способствует правильному пониманию места и роли этой одной из великих мировых религий в жизни народов как самого исламского мира, так и мусульманских народов Кавказа.

Всё это свидетельствует о том, что Северный Кавказ тесно связан со сложной системой стратегических, этнических, конфессиональных, социальных и политических факторов, уходящих за пределы собственно Российской Федерации. Как отмечал А.Г. Дружинин, «здесь взаимно наслаиваются противоречивые интересы глобальных и региональных «центров силы», продолжающийся передел властных полномочий и собственности российского федерального центра и регионов, межрегиональные и межэтнические противоречия... Сама геополитическая модель региона должна в этой связи быть «многослойной», ориентирующейся на сопряженный анализ разноуровневых (макро-, мезо-, микроуровневых) явлений»¹.

Поэтому естественно, что модель геополитического пространства Северного Кавказа должна включать основополагающие характеристики собственно региона в рамках Юга России в его взаимоотношениях с государствами Южного Кавказа и Большого Ближнего Востока. Здесь в силу несовпадения государственных границ с пределами геополитического пространства со всей очевидностью обнаруживается наблюдающаяся во всём мире тенденция к слиянию внутренней и внешней политики. Такой подход предполагает выявление и анализ баланса сил, оказывающих влияние на геополитическую ситуацию в регионе, на состояние и трансформацию перечисленных выше факторов для поиска геополитического измерения существующих здесь интеграционных и дезинтеграционных процессов, соотношения в них влияния эндогенных и экзогенных факторов.

¹ Научная мысль Кавказа: Научный и общественно-теоретический журнал - Ростов н/Д.: Северо-Кавказский научный центр высшей школы, 2000. – № 2.

Из сказанного вытекает вывод, что под внутренним геополитическим пространством следует понимать отдельно взятый регион или совокупность регионов, зон и сфер, на которые распространяются национальные интересы государства и где, исходя из его совокупной национальной мощи и сложившегося баланса сил, необходимо реализовать эти интересы. В этом контексте модель геополитического пространства включает концептуальный, информационный, ресурсный, социокультурный, внешнеполитический и иные компоненты, обеспечивающие условия развития данного региона в их системном воплощении. Следовательно, проблемы Северного Кавказа носят многомерный, многофакторный характер и включают различные составляющие и процессы. Поэтому его невозможно адекватно понять и характеризовать без увязки эндогенных факторов с внешними региональными и глобальными факторами.

Значимость этого факта станет очевидна, если учесть, что Кавказ стал регионом, откуда исходит угроза национальной безопасности Российской Федерации. Здесь ключевую роль играет то, что распад СССР и окончание двухполюсного миропорядка привели к возрождению на огромном евразийском пространстве от Балкан до Афганистана дремавших до сих пор этнонациональных, конфессиональных, территориальных и иных противоречий и конфликтов, которые проявляются в наиболее запутанной форме, чреватой далеко идущими, трудно предсказуемыми негативными последствиями для всех народов. В этом контексте специфика Кавказа состоит в том, что он стал в некотором роде узлом огромной дуги нестабильности, простирающейся от Балкан до Гималаев.

Региональные угрозы национальной безопасности России существуют по всему южному периметру российской границы, поскольку большая протяженность границ связана с соприкосновением с различными государствами и регионами. Изменение конфигурации государственных границ и увеличение числа соседей имеют своим результатом не только возможности расширения международных связей, но также вероятность

неблагоприятного воздействия процессов и событий, происходящих в отдельных странах и регионах, как на Северный Кавказ, так и Россию в целом. В этом плане место и роль Северного Кавказа в меняющемся раскладе сил можно определить через призму геополитических и геостратегических интересов России, Азербайджана, Грузии, Турции и Ирана в кавказском регионе.

Корни нынешних проблем заложены в сложной истории региона, перекосах административно-территориального деления, особенностях региональных политических режимов и политической культуры, низком уровне социально-экономического развития и т.д. Помимо неопределенности внутри-северокавказских границ особое значение имеют весьма условные границы, соединяющие этот регион с Азербайджаном и Грузией. Трудности их определения связаны с тем, что при попытке их перевода на межгосударственный уровень некоторые этносы оказались разделенными государственной границей. Так, например, закрытие российско-азербайджанской границы по реке Самур разделило единый лезгинский этнос на две части, что дало толчок к формированию лезгинского национального движения «Садвал». Конфликт в Абхазии также был связан с тем, что абхазы выступили против их отделения государственной границей Грузии от родственных народов Северного Кавказа адыгской группы – адыгов, черкесов и кабардинцев (северо-западная ветвь народов кавказско-иберийской семьи), которые, в свою очередь, оказывали военную и физическую помощь абхазам во время грузино-абхазского конфликта.

При таком положении вещей осетино-ингушский конфликт и две чеченские войны стали реальной угрозой государственной целостности России. К примеру, осетино-ингушский конфликт 1992 г. подпитывал комплекс традиционно-исторических, административных, этнопсихологических и иных факторов. Территориальный конфликт вокруг Пригородного района и части Владикавказа, которые перешли к Северной Осетии после депортации ингушей, носил фактически ярко выраженный

межэтнический характер. В ряде республик конфликт власти с теми или иными этническими группами порождён сохранившейся еще со времён СССР социально-этнической стратификацией, т.е. иерархизацией этнических групп, занятием ими строго определенного положения в социальной структуре общества и, соответственно, в системе разделения власти и собственности, о чем речь пойдет в соответствующем разделе данной работы.

Поэтому естественно, что Северный Кавказ и кавказское направление в целом превратились в зону острого соперничества и противоборства мировых держав и региональных государств, которые ослабление России, в том числе и в первую очередь на Кавказе, всегда определяли в качестве одной из своих первоочередных задач. В условиях выдвижения на передний план мировой политики проблем, связанных с обеспечением экономики энергетическими ресурсами, Кавказ, долгое время считавшийся далекой периферией геополитических интересов ведущих государств мира, как отмечал, К.С. Гаджиев, чуть ли не в одночасье «превратился в эпицентр широкомасштабных событий и процессов всемирно-исторического значения. Неожиданно здесь завязались многосложные узлы местных, региональных и глобальных интересов». Он оказался в фокусе интересов России, Западной Европы, США, а также влиятельных соседних государств Востока - Ирана и Турции, претендующих на роль региональных лидеров. «Растущее внимание региону уделяют Китай, Япония и другие государства, выдвигающиеся на передние рубежи экономического развития современного мира».¹

Всё это придает дополнительную значимость северокавказским республикам в деле обеспечения стабильности во всем Кавказском регионе и на Юге России, а также обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Нельзя забывать, что две чеченские войны имели своим результатом фактическое разрушение геополитической целостности всего северокавказского региона, разрыв транспортных коммуникаций, нарушение

¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2003. – С. 44.

регионального этно-демографического баланса в связи с перемещением больших масс беженцев и вынужденных переселенцев, превращение Северного Кавказа в своеобразный криминальный анклав. Эти факторы делают Северный Кавказ чрезвычайно восприимчивым к любым конфликтам, которые в создавшихся ныне условиях почти наверняка приобретают характер межнациональных.

С точки зрения обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в южном направлении немаловажное значение имеет тот факт, что в результате распада СССР для региона создалось качественно новое социально-экономическое и геополитическое положение. В советский период он практически не имел общих границ с зарубежными странами.

Теперь же он оказалась в кольце новых независимых государств, образовавшихся из бывших советских республик. Северный Кавказ стал пограничным, более того, трансграничным регионом, где пересекаются множество самых разных факторов и интересов. Здесь развернулись масштабные процессы перекройки зон стратегического влияния и оформления новой схемы военно-политического и военно-стратегического устройства. Не менее важным фактором стратегического масштаба следует считать близость Северного Кавказа к главным разведанным нефтяным запасам на шельфе Каспийского моря, а также то, что именно через этот регион пролегают наиболее короткие маршруты вывоза нефти и газа из зоны Каспия на европейские рынки. Необходимость пристального внимания на этот аспект кавказской политики Российской Федерации становится очевидной, если учесть неуклонный рост торгово-экономических, культурных и иных отношений с закавказскими государствами, невзирая на так называемую «пятидневную грузино-российскую войну» в августе 2008 года и ее последствия.

Значимость Северного Кавказа как пограничного геополитического пространства помимо всего прочего состоит в том, что Россия очутилась перед необходимостью укрепления безопасности по всему периметру

государственной границы. Как отмечал Президент РФ В.В. Путин, выступая в феврале 2006 г. на заседании Коллегии ФСБ России, обеспечение внутренней и внешней безопасности России невозможно без надежной охраны государственных границ. Ранее, выступая на Всероссийском совещании руководящего состава ФСБ России по вопросам пограничной деятельности, он подчеркивал: «Любой просчет на границе отражается на всей системе национальной безопасности, поэтому решения, принимаемые в пограничной сфере, должны быть взвешенными и просчитанными».¹

Серьезное внимание данной проблеме уделено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. К числу основных угроз интересам и безопасности Российской Федерации в пограничной сфере Стратегия относит: наличие и возможную эскалацию вооруженных конфликтов вблизи ее государственной границы; незавершенность международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации с отдельными сопредельными государствами; деятельность международных террористических и экстремистских организаций по переброске на российскую территорию своих эмиссаров, средств террора и организации диверсий; активизацию трансграничных преступных групп по незаконному перемещению через государственную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, товаров и грузов, водных биологических ресурсов, других материальных и культурных ценностей; организации каналов незаконной миграции².

С принятием Федеральной целевой программы «Государственная граница Российской Федерации на 2003 - 2010 гг.» было много сделано по обустройству пограничных подразделений и повышению плотности охраны границы на южных рубежах России. Возросшие возможности

¹ Просчеты на границе отражаются на всей системе национальной безопасности // Страна.ru, 29 декабря 2004.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. Федеральный выпуск, 19 мая 2009.

пограничников на северо-кавказском направлении позволили перекрыть каналы поставки на российскую территорию международных террористов, оружия и наркотиков, создать серьезные преграды боевикам и иностранным наемникам на маршрутах выдвижения в Россию и к базовым лагерям в северной части Грузии.

Тем не менее, сохраняется множество проблем, без решения которых было бы неправомерно и опасно говорить, что на северокавказских рубежах достигнуты необходимые условия для обеспечения национальной безопасности региона и Российской Федерации в целом. Одной из глобальных угроз для национальной безопасности остается всевозрастающая неконтролируемая миграция. Иммиграционный поток в Россию постоянно растет, составляя десятки миллионов въезжающих по различным причинам, включая и криминальные. Федеральная миграционная служба сталкивается с большими трудностями в урегулировании потоков мигрантов, несмотря на постоянно вносимые поправки в федеральное законодательство. Транспарентный и безвизовый режим с рядом государств – членов СНГ позволяет миллионам иммигрантов на законных основаниях пересекать государственную границу России, а затем «распыляться» по ее территории, избегая регистрации и пополняя ряды незаконных мигрантов.

Региональные преступные группы, часто находя поддержку со стороны криминализированных политических и экономических групп влияния отдельных государств, осуществляют постоянный поиск незаконных проходов через государственную границу и используют их для контрабандных действий. Большой экономический ущерб России наносят противоправные действия отечественных и иностранных криминальных групп, которые специализируются на браконьерстве и расхищении морских биологических ресурсов.¹

¹ Голунов С. Безопасность пограничных пространств // Международные процессы, 2007. Том 5. – №2. – С. 30.

В наиболее очевидной форме значимость Северного Кавказа как внутреннего пограничного геополитического пространства обнаруживается на примере Дагестана - самой многонациональной и одной из самых отсталых в социально-экономическом отношении республик Российской Федерации. Во всем мире, пожалуй, трудно найти столь многообразный в социально-экономическом отношении и с такими своеобразными природными условиями регион как Дагестан. Важно учесть и то, что почти одна треть населения всего СКФО живет на его территории. Его значимость многократно увеличилась в связи с коренным изменением геополитической ситуации на всем южном направлении обеспечения национальной безопасности России.

До распада СССР республика не имела общих границ с зарубежными странами. Теперь же она стала самой южной окраиной, самой южной пограничной республикой Российской Федерации, расположенной на месте пересечения интересов как мировых держав, так и региональных государств. Особую значимость Дагестану в этом контексте придает то, что он занимает выгодное геостратегическое положение, поскольку граничит с пятью государствами: по суше с Грузией и Азербайджаном, по акватории Каспийского моря соприкасается с несколькими государствами: Казахстаном, Туркменистаном, Азербайджаном и Ираном. Это – государства, с которыми сама Россия имеет тесные экономические, политические, культурные и иные связи. При этом немаловажное значение, с точки зрения геополитических интересов Российской Федерации, имеет тот факт, что протяженность ее государственной границы в пределах Республики Дагестан составляет 1081,3 км, в том числе сухопутный участок - 501,3 км (с Грузией - 151,3 км, с Азербайджаном - 350 км).

В этом контексте можно согласиться с К.Г. Ланда, по мнению которого «Республика Дагестан выступает в роли ключевого звена российской геополитики на Каспии. Добиваясь политической и экономической стабильности Дагестана, Россия добьется укрепления общероссийских

позиций в Каспийском регионе. Поскольку российский Дагестан является не только транзитной или приграничной территорией, но и, обширным полигоном, обеспечивающим формирование единого политического, экономического, культурного, информационного пространств на территории государств Каспийского региона»¹.

Каспийское море, на которое приходится 530 километров береговой линии Дагестана, для Российской Федерации приобретает все более растущую значимость как в силу природных богатств, так и в качестве альтернативного пути сообщения страны с Ираном и другими прибрежными государствами. Широко дискутируемый ныне вопрос о международно-правовом статусе Каспийского моря затрагивает жизненно важные интересы Российской Федерации. Дагестан же это прикаспийский регион, и в случае раздела Каспийского моря он может претендовать на значительную его часть, в сущности ненамного уступающая доли, на которую может претендовать Азербайджан. Акватория, дно и территория, прилегающая к дагестанской части Каспия, располагают большими запасами природных ресурсов, прежде всего углеводородного сырья, биологических ресурсов, в том числе осетровых рыб, а также рекреационных ресурсов морского побережья.

Дагестан, населенный преимущественно приверженцами ислама, имея общую границу с мусульманским Азербайджаном, играет ключевую роль в осуществлении связей мусульманского Северного Кавказа с исламскими государствами Среднего и Ближнего Востока. Дагестан является своего рода воротами России в этот важный для ее национальных интересов регион. Он имеет немаловажное значение для сохранения территориальной целостности Российской Федерации.

С данной точки зрения именно здесь проходят испытания на прочность российская государственность и новый российский федерализм. В этом

¹ Ланда К.Г. Трансграничное сотрудничество: Дагестан в международных связях России // Современные проблемы науки и образования, 2009. – №3. – С. 182-188.

смысле во многом прав был Р.С. Аушев, который в бытность президентом Ингушетии заявил: «В какую сторону качнется Дагестан, в такую качнется и весь Северный Кавказ»¹. Нельзя не согласиться и с теми авторами, которые в разгар в республике августовско-сентябрьских событий 1999 г. утверждали, что в Дагестане Россия воюет за свое единство и целостность.

Взрывы насилия, потоки наркотиков и оружия, терроризм, массовая миграция, экологическая деградация непосредственно затрагивают российскую национальную безопасность вне зависимости от того, где и как они возникают. Практически любой конфликт в странах Южного Кавказа так или иначе отражается на Северном Кавказе, тем самым втягивая Россию в происходящие там события, в том числе и в силовые разборки конфликтующих сторон, что особенно наглядно продемонстрировала грузино-российская война августа 2008 г.

Поэтому Россия заинтересована в социальной и политической стабильности внешнего окружения по всему периметру своего южного «подбрюшья». Важно учесть, что те крупные трансформации, которые произошли в мире на постсоветском пространстве и Кавказском регионе, содержат в себе как новые угрозы безопасности или усиление прежних, так и новые возможности конструктивного сотрудничества в преодолении внешних и внутренних противоречий, новые импульсы социально-экономического, политического и геополитического развития. Реализация возможных негативных или позитивных сценариев развития событий определяется сложным взаимодействием различных факторов.

Очевидно, что перед национальными республиками Северного Кавказа стоит множество проблем социально-экономического, этнонационального и этнополитического характера, как унаследованных от прошлого, так и возникших в процессе тех трансформаций, которые в Российской Федерации произошли за пореформенный период. К ним относятся, в частности, обеспечение прав народов и этнических групп; претензии (в том числе и

¹ Цит. по: Независимая газета, 26 августа 1998.

территориальные) различных народов, республик и этнических групп друг к другу; центробежные тенденции, которые порой доходили до кровавых конфликтов и войн; поиски путей, форм и средств выхода из глубокого системного социально-экономического упадка и др. Все они, в свою очередь, теснейшим образом связаны с жизненно важными проблемами развития экономики на основе рыночных принципов, дальнейшего развития и укрепления государственности на уровне как самой Федерации, так и ее субъектов на новых демократических началах и принципах. Одна из главных задач, стоящих перед субъектами Федерации, заключается в создании прочной конституционно-правовой базы для эффективного осуществления широкомасштабных социальных, экономических и политических преобразований, системной и структурной перестройки государственных и общественных институтов и экономики. Здесь возникает множество проблем политического, социально-экономического, национально-территориального характера. Среди них немаловажное значение имеет формирование оптимального механизма взаимоотношений и взаимодействия между властными структурами Федерации и ее субъектов.

Все изложенное в данном подразделе свидетельствует о том, что перед Москвой стоит задача по сдерживанию северокавказских республик от губительного пути сепаратизма и конфликтного сценария развития отношений между федеральным центром и субъектами Федерации. В этом направлении стабилизация ситуации на Северном Кавказе представляет для Российской Федерации одну из ключевых задач. Без всякого преувеличения можно утверждать, что от положения дел на Кавказе, отрешенности или нерешенности стоящих перед его народами и странами проблем зависят судьба и перспективы развития самой России. Северный Кавказ является регионом, через который России осуществляет политическое, экономическое и военное влияние на народы и страны как Южного Кавказа, так и Большого Ближнего Востока.

Нельзя забывать тот очевидный для любых здравомыслящих социально-политических сил и их руководителей, независимо от их интересов, симпатий, устремлений, желаний и т.д. факт, что Северный Кавказ является и останется в будущем неотъемлемой интегральной частью Российской Федерации. В середине 90-х гг. XX в. многие наблюдатели пессимистично смотрели на будущее России. Вот что, например, писал в 1992 г. Д. Ольшанский: «Чашу придется испить до конца. Развалился Союз, разваливается Россия. Эпизод с Чечней – лишь еще одно подтверждение. Дальше будет больше. Начнут «уходить» автономии, затем регионы (скажем, в виде свободных экономических зон), затем появятся все более мелкие единицы распада»¹. Вопреки всем подобным прогнозам, Россия не развалилась. По справедливому замечанию философа И.А. Ильина, Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен, но живой, исторически и культурно оправдавший себя организм, не подлежащий произвольному расчленению.

В этой связи не могут не вызвать недоумение призывы некоторых русских радикальных этнонационалистов к руководству России уйти с Северного Кавказа, отгородиться от мусульманских народов данного региона непреодолимыми пограничными барьерами. Если вообще теоретически допустить возможность “ухода” России с Северного Кавказа, то нетрудно предположить непредсказуемые и кровавые последствия этого акта для всего региона, и не только для него. Ибо, когда народы в полной мере осознают, что каждому из них суждено жить в собственном, самостоятельном во всех отношениях государстве, территориальный вопрос выдвинется на передний план уже на качественно новом уровне и измерении.

В дополнение к этому, на поверхность могут выйти пребывающие в латентном состоянии исторические обиды автохтонных народов, значительная часть которых была насильственно изгнана с их исконно

¹ Независимая газета, 17 января 1992.

исторических территорий, таких как нынешние Ставропольский и Краснодарский края, и заселены представителями славянских народов, прежде всего русскими. Здесь популярное выражение “понаехали тут” может претерпеть, так сказать, инверсию и использоваться в ином значении¹.

Подводя итоги проведенному в данной главе исследованию, можно сделать вывод, что в сложившихся после распада СССР условиях для России ключевую роль приобрели внутренние угрозы национальной безопасности. Речь идет в частности о состоянии самого общества, экономики и социальной сферы, росте в силу тех или иных причин социальной и политической нестабильности, криминализации общественных отношений, росте организованной преступности, наркобизнеса и внутристранового терроризма, обострении межнациональных, межконфессиональных и иных противоречий и конфликтов и т.д.

В этом плане национальная безопасность тесно связана с безопасностью самой общественно-политической системы, угрозой единству и территориальной целостности страны. При этом необходимо исходить из признания того факта, что обеспечение национальной безопасности Российской Федерации на южном направлении выступает как производное от нейтрализации центробежных тенденций среди национальных субъектов федерации, что предполагает его изучение под углом зрения тесной взаимосвязи геополитики – этнополитики – безопасности. Особо важное значение имеет наблюдающаяся во всём мире тенденция к размыванию границ между внутренней и внешней политикой государства.

¹ Гаджиев К.С. Об эндогенных факторах фрагментации идентичности России // Мировая экономика и международные отношения, 2013. – №4. – С. 49-50.

Глава 2. Конфессиональный и этнонациональный факторы, определяющие геополитические контуры Северного Кавказа

Многие политики и аналитики убеждены в том, что организованная преступность и терроризм на Северном Кавказе прекратятся одновременно с решением основополагающей проблемы экономического роста. Как утверждал будучи президентом Российской Федерации Д.А. Медведев, террор сам по себе иссякнет, если развитая экономика (с ВРП около 9-10 тыс. долларов США на душу населения) даст дагестанцам новые ориентиры, а значит, лишит боевиков поддержки населения. Здесь вряд ли можно возразить бывшему президенту и нынешнему премьер-министру. Как представляется, концентрируя внимание и усилия исключительно на экономике и социальной сфере, нельзя выводить за скобки другие весьма важные факторы. Можно согласиться с теми специалистами, по мнению которых, одной из причин конфликтогенности в регионе стал «не столько хищнический передел общенародной собственности, сколько чиновничий, особенно милицкий произвол, легализованный, как считают оппоненты, федеральной и местной властями»¹.

Как представляется, в этом плане наряду с экономикой и социальной сферой ключевое значение имеют этнонациональный, конфессиональный, политический и иные связанные с ними факторы. Другими словами, главная проблема народов Северного Кавказа, равно как и всего постсоветского пространства, состоит в потере духовных, идеологических и политических ориентиров. Пробуждение национального самосознания - это, прежде всего, результат глубоких изменений в мировоззрении и умонастроениях народов, нуждающихся в новых, более совершенных формах социальной и экономической самоорганизации, своеобразная реакция на ущемление их национальных интересов. При этом, было бы неправомерно рассматривать разного рода этнонациональные и религиозно-фундаменталистские

¹ Магомедов Ш. Реформой вертикали по экстремизму // Настоящее время, 17 июля 2009.

движения как некие ретроградные явления, пережитки старых, изживших себя эпох, поскольку они представляют собой реакцию на современные реалии и порождены этими реалиями.

2.1. Исламский узел в геополитических реалиях региона

Как показывает исторический опыт, религия несет мощный идейный потенциал, способный стимулировать социальные, экономические, политические, этнонациональные, социокультурные и иные противоречия и конфликты. При определенных условиях религия может довольно легко принимать радикальные и экстремистские формы. Значимость этого факта для Северного Кавказа определяется тем, что одним из важнейших факторов, определяющих контуры региона в качестве внутреннего геополитического пространства Российской Федерации, как уже отмечалось в главе 1, является конфессиональное разнообразие.

Здесь в течение многих веков бок о бок сосуществуют различные ответвления христианства - православие, католицизм, протестантизм и монофизитства, - ислам суннитского и шиитского направлений, иудаизм, буддизм. Такое положение еще более осложнилось в наши дни. Об этом свидетельствует тот факт, что в регионе в процессе религиозного возрождения, начавшегося в период перестройки, «построены сотни православных храмов, мечетей, армяно-григорианских церквей, хурулов, синагог, костелов, зарегистрированы тысячи религиозных первичных организаций (приходов и общин), возрождены многие религиозные традиции, православные и исламские праздники, крестные ходы, открыты сотни воскресных школ, православных гимназий, примечетских школ, десятки исламских вузов, несколько православных семинарий. Кроме того, появились периодические издания религиозной направленности, определенная часть населения стала регулярно соблюдать религиозные

обряды, священнослужители активно участвуют в общественной жизни, оказывая значительное влияние на политические процессы»¹.

В контексте рассматриваемой в данной работе темы особо важное значение на Северном Кавказе имеет ислам. Эта тема вдоль и поперек освещена не только в отечественном и зарубежном исламоведении, но и в политологических, исторических, социологических, философских и иных работах, посвященных различным проблемам современного мира - от социально-экономического развития до экстремизма и терроризма. Здесь рассматриваются лишь те аспекты данного вопроса, которые проливают свет на особенности Северного Кавказа как внутреннего геополитического пространства России. Значимость этой темы определяется тем, что Кавказ в целом, составляя часть так называемой исламской дуги нестабильности, располагается на южной окраине России, по границе исламского и не-исламского миров. Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что большинство наиболее экстремистски проявляющихся конфликтов возникают на территории традиционного распространения ислама. Особенно серьезную угрозу для государственного единства представляет слияние исламского фундаментализма ваххабитского толка с этносепаратизмом.

На протяжении эпох Средневековья и Нового времени ислам выступал в качестве важного фактора духовного развития народов региона. Он играл и продолжает играть ключевую роль в формировании социокультурного и цивилизационного облика народов Кавказа. Ислам, как и любая другая религия, приобретает особую актуальность в переломные периоды исторического развития тех или иных стран и народов. К тому же, как показывает исторический опыт, в такие периоды религия может довольно легко принимать радикальные и экстремистские формы. С данной точки зрения немаловажное значение имеет тот факт, что Северный Кавказ входит

¹ Авьюцкий В. Конфессиональная геополитика на Юге России и Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ, 2003. – № 5. – с.7.

в состав так называемого «Мусульманского Севера», составляющего, в свою очередь часть мусульманского мира в целом.

По имеющимся данным, в настоящее время в Российской Федерации от 15 до 20 млн. человек или примерно 15-20% населения составляют граждане мусульманского вероисповедания. Значительная их часть приходится на Северный Кавказ. Ислам исповедуют около 30% населения Абхазии, часть осетин. Все это свидетельствует в пользу тезиса о том, что вероисповедные границы Северного Кавказа простираются на Юг далеко за пределы Российской Федерации в Закавказье и дальше на Ближний и Средний Восток.

Возрождение ислама, его активизация в идеологическом, политическом, общественном аспектах носят глобальный характер, охватывая многие страны мира. Естественно, центральное место в этом плане занимают страны Большого Ближнего Востока, что прямо или косвенно отражается на положении дел на Кавказе. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что после распада СССР многие представители народов новых постсоветских мусульманских государств, да и мусульманских республик самой России стали проявлять растущую чувствительность к веяниям, исходящим из исламского мира.

Имела место тенденция к расширению влияния стран Ближнего и Среднего Востока на ситуацию в мусульманских республиках Северного Кавказа и Азербайджане, а также на отношения Российской Федерации с Кавказом и остальным исламским миром. Следовательно, здесь в единый узел переплетаются внутренние и внешние угрозы национальной безопасности. Поэтому можно согласиться с теми исследователями, которые рассматривают ислам как один из важнейших факторов, определяющих геополитическое положение в южном направлении обеспечения национальной безопасности России.

Для внешнеполитической стратегии России эта тенденция приобретала все более растущую актуальность на фоне дальнейшего осложнения

социальной, экономической, политической и, соответственно, геополитической ситуаций в регионе. Естественным камнем преткновения в этом направлении стали две чеченские войны. «Исламская составляющая» внешнеполитического курса ряда мусульманских стран в отношении России стала вызывать определенную обеспокоенность у некоторых исследователей, политических кругов и властных структур Российской Федерации. Разумеется, процессы, происходившие как в российском исламе, так и в мусульманской общине Азербайджана и Закавказья в целом, находились в поле зрения не только внешнеполитических ведомств мусульманских государств, но и представителей религиозных кругов, видных религиозных деятелей и теологов мусульманского Востока, которые были заинтересованы в распространении своего влияния на российскую исламскую общину.

Иначе говоря, в российском исламе во второй половине прошлого века все отчетливее проявлялась тенденция к политизации ислама и формированию идеологии исламского фундаментализма. Впервые рост радикальных идей в недрах ислама советского периода начал прослеживаться в период войны в Афганистане. В ходе и после распада СССР неуклонно ускорялся процесс распространения влияния исламского радикализма практически на всем постсоветском пространстве «Мусульманского Севера». Как и в остальном исламском мире, радикализм на Северном Кавказе утвердился в форме различных вариантов политизированного фундаментализма. Причем его приверженцы нашли широкую финансовую и интеллектуальную поддержку со стороны многочисленных зарубежных исламских организаций, за которыми просматривались геополитические интересы государств исламского мира и западных держав. В некоторых районах Северного Кавказа последователи радикального ислама сами превратились в фактор нестабильности, агрессии в отношении других народов.

Можно выделить несколько направлений или каналов внешнего влияния мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока на социально-политическую и духовную ситуацию на Кавказе в целом и Северном Кавказе в особенности. Это, прежде всего, расширение связей служителей ислама регионов по линии духовного, просветительского, культурного обмена. На протяжении всего постсоветского периода наблюдался постоянный рост числа контактов в указанных областях. Здесь большого внимания заслуживает подготовка священнослужителей из числа российских граждан в учебных заведениях мусульманских стран, участие преподавателей из этих стран в учебном процессе в Азербайджане и на Северном Кавказе. В 1990-е гг. исламские учебные заведения, основанные при непосредственном участии или при материальной помощи представителей мусульманских стран дальнего зарубежья, включая ведущие исламские университеты Аль-Азхар (Египет), Каравийн (Марокко), Аз-Зейтуна (Тунис), играли заметную роль в подготовке служителей веры из числа граждан России и Азербайджана. Многие российские священнослужители, получившие исламское образование в странах мусульманского Востока, заняли влиятельные позиции в религиозных структурах региона.

Важную роль в этом направлении играют международные мусульманские организации. При их содействии на Северном Кавказе, равно как и в мусульманских национальных республиках других регионов Российской Федерации и постсоветских государствах, было создано множество благотворительных, просветительских, культурных и иных организаций.

Все же масштабы и характер влияния внешних факторов на радикализацию ислама в мусульманских регионах России в ряде случаев представляются преувеличенными, поскольку определяющее значение в этом отношении играют действовавшие в первое десятилетие постсоветского периода на Кавказе внутренние факторы социально-экономического, политического, духовного и идеологического характера. Нельзя не признать очевидность того факта, что в условиях новой геополитической ситуации в

мире в целом и Кавказско-Ближневосточном регионе в особенности серьезную угрозу национальной безопасности России на южных рубежах несет в себе политизированный, или политический ислам, который многими отечественными и зарубежными исследователями и аналитиками рассматривается как чуть ли не главный фактор конфликтогенности на Северном Кавказе.

По разным расчетам, численность народов, исповедующих его, в настоящее время составляет от 1,2 до 1,5 млрд человек. Ислам, как отмечал Г.Мирский, «можно назвать самой сильной и жизнеспособной религией современности... Ни в одной другой религии нет такого количества верующих, страстно и самозабвенно преданных своей вере. Ислам ощущается ими как основа жизни и мерило всех вещей. Он привлекает все больше сторонников, многочисленные случаи перехода в ислам контрастируют с практически ничтожным числом перехода из него в другие конфессии... Простота и непротиворечивость устоев этой религии, ее способность дать верующим целостную и понятную картину мира, общества и устройства вселенной - все это делает ислам притягательным для новых приверженцев»¹.

Правильное понимание места и роли ислама как на глобальном, так и на национальном уровнях невозможно без отказа от получивших в последние несколько десятилетий негативных его трактовок и оценок как на Западе, так и в определенных кругах российского общества. Центральное место среди них занимают рассуждения о надвигающейся глобальной исламской революции и «исламской угрозе» всему остальному «цивилизованному миру». Если для мусульман толерантность, духовность, нравственность, гуманизм ислама являются само собой разумеющейся истиной, не требующей доказательств, то для противников он характеризуется такими эпитетами, как ограниченность, фанатизм, радикализм, экстремизм, терроризм и др.

¹ Мирский Г. Цивилизация бедных // Отечественные записки, 2003. – №5.

В данном случае, как отмечал К.С. Гаджиев, прослеживается склонность «воспринимать ислам не в качестве глубокой духовной традиции, а в качестве идеологического оформления притязаний тех или иных группировок на власть и влияние в соответствующей стране и даже в мире. Здесь у определенной части западной, да и отечественной политической и интеллектуальной элиты наблюдается тенденция отождествлять по сути дела одно из множества направлений фундаментализма в исламе с самим исламом в целом, с идеологией войны, политическим фундаментализмом и терроризмом. Вырабатываются стереотипы в оценке ислама, которые у простого обывателя вызывают страх и недоверие к исламскому миру как миру, одержимому ненавистью ко всему западному, особенно американскому, наполненному террористами и фанатиками»¹. По сути дела, имеет место довольно распространенный феномен исламофобии.

Особенно широкие масштабы исламофобия приняла после событий 11 сентября 2001 г. К сожалению, Россия также не осталась в стороне от этой кампании. В некоторых российских политических кругах, определенной части научного сообщества, и особенно среди публицистов и представителей средств массовой информации, приверженность северокавказских народов мусульманскому вероисповеданию используется для обоснования идей о якобы чуждости Северного Кавказа России, его принадлежности к иному цивилизационно-культурному кругу. Существует убеждение в том, что на Юге России радикальный ислам превратился в ведущую идеологическую форму антироссийского сепаратизма и терроризма.

При этом забывается тот факт, что ислам представляет собой отнюдь не чужеродный элемент российской духовной культуры, а мусульманское население в подавляющем своем большинстве в течение всей истории России проявляло к ней лояльность и преданность, более того, не мыслит

¹ Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. – М., 2011. – С. 484.

себя вне Российской Федерации. Обоснованность этого тезиса подтвердилась в ходе и результате пятидневной войны августа 2008 г., в которой мусульманское население Северного Кавказа в подавляющем большинстве поддержало и одобрило военную акцию России против агрессора и признание ею независимости Абхазии и Южной Осетии. Необходимо учесть, что в России помимо официальной российской полиэтничности существует еще и поликонфессиональность, которая также сопряжена с весьма серьезными проблемами, от решения которых зависят жизнеспособность и перспективы российской государственности.

Разумеется, в данной работе отнюдь не ставится цель обелить и во всем оправдать ислам. В Коране, впрочем, как и в Библии, по желанию читателя можно найти защиту как войны, так и мира, как милосердия, так и жестокости. В этой связи уместно напомнить, что ислам является авраамической религией, в тех или иных аспектах связанной с иудео-христианской традицией. На самом деле опасность коренится не в исламе и не в Коране, а в их превратных трактовках теми или иными радикальными течениями, преследующими свои специфические интересы. Важно учесть, что в основе множества этнонациональных, территориальных и политических противоречий, пертурбаций и конфликтов, потрясающих за последние полтора-два десятилетия общественно-политическую жизнь Кавказско-Ближневосточного региона, лежат не те или иные религии, а прежде всего, как уже отмечалось, внутренние факторы социально-экономического, политического, духовного, идеологического и иного характера.

Поэтому при оценке реального места и роли ислама на Кавказе и России в целом необходимо отказаться от ряда бытующих у нас крайних идеологизированных точек зрения на эту проблему. Во-первых, ислам нельзя рассматривать как исключительно негативный фактор в жизни кавказских народов, якобы способствующий дестабилизации и стимулированию радикалистских, сепаратистских настроений и движений в регионе. Хотя

следует признать, что некоторые фундаменталистские идеи действительно используются отдельными радикальными и экстремистскими группировками в своих сугубо политических целях. Многочисленные акции проявления религиозной нетерпимости, оправдания терроризма лозунгами джихада и многое другое требуют анализа природы современного радикализма, его причин и характера связи с религией вообще и с исламом в частности.

Во-вторых, не совсем корректно характеризовать ислам как духовный феномен, ориентированный исключительно на мир, благосостояние и стабильность в обществе. В исламе, в отличие от христианства, нет жесткого деления на духовное и светское начала, для него характерна большая социальная и политическая ориентированность.

Ислам - сверхнациональная по своей сущности религия. Классический ислам в принципе не признает нации, поскольку все верующие, к какой бы нации они ни принадлежали, считаются членами единой мусульманской уммы, или общины. Аналогично тому, как в христианстве нет ни грека, ни иудея, ни римлянина, а есть верующие христиане, так и в исламе нет ни араба, ни перса, ни турка, а есть верующие мусульмане. При всем том ислам, как известно, не един. Прежде всего, речь идет о расколе ислама на две крупные ветви - шиитов и суннитов, противоречия между которыми зачастую не менее остры, чем между собственно мусульманами и приверженцами различных деноминаций христианства. В каждом из крупных направлений ислама существует множество течений, сект, тенденций, ответвлений и т.д.

Тем не менее, ислам нередко составляет один из важных составляющих национального самосознания многих народов. Он играл и продолжает играть заметную роль в жизни многих народов российского «Мусульманского Севера», в формировании их социокультурного облика. Как отмечал американский исследователь А. Смит, в современном мире древняя религиозная идея избранности была универсализирована в

соответствии со специфическими доктринами национализма, провозглашающими, что каждый народ имеет свою подлинную идентичность, собственную оригинальную этническую культуру, язык и т.д.¹

В данной связи интерес представляет тот факт, что в феврале 2008 г. о необходимости изучать исламские законы и даже неизбежности принятия законов шариата для мусульманского населения Великобритании выступил глава Англиканской церкви архиепископ Кентерберийский Р. Уильямс. Как утверждал архиепископ, мусульмане Англии должны иметь возможность решать свои семейные или финансовые вопросы в суде, который признает принципы шариата. По его мнению, «легализация» законов шариата позволит избежать ситуации, когда представители исламской диаспоры решают спорные вопросы в частном порядке, руководствуясь своими представлениями о законе. За свои заявления Р. Уильямс подвергся резкой критике со стороны многих политиков и религиозных деятелей. Однако он нашел поддержку тогдашнего премьер-министра Великобритании Г. Брауна, который, в частности, говорил, что частичное введение законов шариата в Соединенном Королевстве является неизбежным. По данным информационных агентств, британские полицейские будут изучать Коран и законы шариата, чтобы более эффективно бороться с проявлениями экстремизма и терроризма².

Сказанное не означает, что в мусульманских республиках Российской Федерации нужно ввести нормы и принципы шариата. Но огульное охаивание и тотальный отказ от них в регионах, в которых веками проживают этносы, для которых ислам является одним из ключевых составляющих национального сознания, также можно поставить под сомнение.

¹ Smith A.D. Culture, Community And Territory: The Politics of Ethnicity and Nationalism // International Affairs, 1996. Vol. 72. – No 3. – P. 452-453.

² Глава Англиканской церкви выступил за введение Шариата, 8 февраля 2008 // URL: http://www.abubakr-mescidi.com/modules/news/article_storyid_455.html (дата обращения: 10.10.2013); Законы шариата в Англии? 8 Февраля 2008 г. // URL: <http://www.liveinternet.ru/users/kraftman/post66234869> (дата обращения: 10.10.2013).

Необходимо учесть сложность и неоднозначность статуса, роли и значения ислама на Кавказе. Во многом правы те исследователи, по мнению которых в ряде национальных республик Северного Кавказа, прежде всего в Республике Дагестан, Ингушетии, Чечне, традиционный ислам служит одним из немаловажных факторов, удерживавших наиболее горячие головы у той черты, переход через которую был бы чреват непредсказуемыми негативными последствиями для всех народов республики. Можно с полным на то основанием утверждать, что традиционный ислам выступает в качестве своеобразного сдерживающего фактора от распространения узкого национализма, этнизма, различных форм исламского фундаментализма¹.

Вместе с тем нельзя отрицать и тот очевидный факт, что при определенных условиях религия может стимулировать противоречия и конфликты. К примеру, понятие «джихад» в исламе имеет несколько значений, в том числе и призыв к совершенствованию общества не только путем вооруженной борьбы, но и проповедью, увещеваниями, подачей примера своим поведением, основанным на высоких моральных принципах. Об обоснованности этого тезиса свидетельствует, например, вторая сура Корана («Корова»), где говорится: «И убивайте ради дела Аллаха тех, кто убивает вас, но не преступайте пределов дозволенного, ибо Аллах не любит преступающих» (Коран, 2:190). Впрочем, такое отношение к борьбе за веру характерно и для христианства. В этой связи наряду с множеством увещеваний о необходимости мирного решения противоречий, возникающих как между отдельными людьми, так и между народами, достаточно напомнить слова Иисуса Христа, приводимые в Евангелии: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; Не мир пришел Я принести, но меч» (Евангелие от Матфея, 10:34).

Противоречия, конфликты и войны возникают не только между приверженцами различных вероисповеданий, но и представителями различных

¹ Гаджиев К.С. Национализм и ислам на Кавказе: идеологическое измерение // Россия и мусульманский мир, 2011. – № 2. – С. 59-71.

течений в рамках одной и той же религии. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что некоторые радикальные течения ислама, в том числе радикальное крыло ваххабизма, считают тех мусульман, которые придерживаются иных, чем сами ваххабиты, взглядов, вероотступниками и ведут с ними не менее жесткую, чем с христианами, борьбу.

При всех возможных в данном вопросе оговорках ваххабиты участвуют в создании институтов гражданского общества в исламском мире. Более того, сторонники исламизма, выступающие за модернизацию, признают своеобразно трактуемые ценности демократии, прав человека, плюрализма и гражданского общества как в полной мере совместимые с исламом. Главная их задача состоит в приведении трактовок священного текста с современными реалиями. Как писал Дж. Фуллер, «ключевым инструментом в достижении такой цели является «иджтихад» как средство применения базовых исламских принципов к новым неведомым ранее ситуациям»¹.

Однако необходимо признать и то, что политический ислам фундаменталистского толка одновременно используется в интересах наиболее радикальных и экстремистских сил как в самих мусульманских странах, так и в остальном мире, включая Россию, и в первую очередь Северный Кавказ. Об этом как в России, так и за рубежом существует огромная литература и здесь нет надобности сколько-нибудь подробно остановиться на данной проблеме. Достаточно констатировать, что эти силы стали одними из инициаторов внутриэлитной и межклановой борьбы, фактором, серьезно дестабилизировавшим социальную и политическую ситуацию в национальных республиках Северного Кавказа. Поддерживая тесные связи с религиозными деятелями многих государств Ближнего и Среднего Востока, руководители некоторых ваххабитских организаций сыграли ключевую роль в религиозно-теоретическое обоснование чеченского конфликта и терроризма на всем Северном Кавказе.

¹ Fuller G.E. The Future of political islam. – N.Y., 2003.

Нельзя не отметить также попытки отдельных фундаменталистских групп разработать и реализовать свою версию экспорта исламской революции. Объектами такого экспорта стали все без исключения постсоветские мусульманские страны, в том числе национальные республики Северного Кавказа и Азербайджан. В этом контексте можно оценить по сути своей фантастические проекты вытеснения России с Кавказа, создания на территории национальных республик единого исламского государства, его расширения за счет других российских территорий. В интервью газете «Аль-Каф» в апреле 1998 г. Хаттаб не без хвастовства говорил: «С помощью Аллаха мы ввергнем Россию в такое же состояние, в каком находится нынешняя Чечня Мы не успокоимся до тех пор, пока на пике Кремля не взовется черное победное знамя джихада»¹.

Часто при оценке ислама подчеркивается якобы консервативный характер его учения, ставится под сомнение его способность развиваться в новых социально-экономических, политических и культурных условиях. Здесь правы те исследователи, по мнению которых необходимо определить содержание самих терминов «ислам», «салафизм», «исламизм», «политический ислам», «исламский фундаментализм», «ваххабизм» и др. Зачастую эти понятия используются как синонимы. Очевиден тот факт, что идеологизированный подход нередко преобладает над научным. К примеру, некоторые публицисты называют ваххабизм «формой религиозного экстремизма - идеологией зла, насилия и убийства», а один автор в «Российской газете» назвала ваххабизм «не просто злом, но смертоносным злом»². Представители традиционного ислама пытаются убедить власти в том, что салафиты не являются мусульманами. Со своей стороны салафиты отказываются обсуждать с традиционалистами доктринальные проблемы,

¹ Аль-Каф, Апрель 1998.

² Михайлин Д. Ваххабизм – не просто зло, это смертоносное зло // Российская газета, 28 сентября 1999.

видя в них вероотступников, предлагающих извращенное толкование ислама.

Нельзя не обратить внимание и на неопределенность и многозначность вышеприведенных понятий. Зачастую под исламизмом и фундаментализмом можно подвести практически любые политические течения, апеллирующие к исламу. Ислам действительно наиболее политизированная религия, которая претендует на идеальную организацию общества. Более того, различные течения политического ислама приобрели признаки своеобразной политической идеологии. Нередко исламская риторика служит для маскировки сугубо властных вождений тех или иных претендентов на места во властных структурах¹. Об этом свидетельствует тот факт, что на постсоветском пространстве исламские идеи использовались в борьбе за собственность и власть между различными этническими группами, региональными кланами, политическими партиями.

Привлекательность идей и программных установок исламистов для определенной части населения Северного Кавказа обусловлена в определенной степени тем фактором, что в качестве ключевых ценностей и идеалов они провозглашают социальную справедливость, равенство и братство людей, защиту исламского образа жизни, основанного на шариате, необходимость возврата к ценностям и отношениям первоначального, истинного ислама путем его освобождения от внешних чуждых ему наслоений; достижение гармонии интересов различных социальных групп населения; антизападничество и др.

На основе этих ценностей и установок они подвергают острой критике негативные явления в жизни соответствующих республик, произвол властей. Определенную часть молодежи привлекают простота, доступность идей, здоровый образ жизни, который характерен для действительно верующих членов фундаменталистских общин. Часть оппозиционно настроенной

¹ Об этом см.: Гаджиев К.С. Национализм и ислам на Кавказе: идеологическое измерение // Россия и мусульманский мир, 2011. – № 2. – С. 59-71.

молодежи привлекает идея альтернативной модели социальной организации в виде мини-общин, построенных на идеях братства, равенства и справедливости.

Важно учесть, что подавляющее большинство представителей традиционного мусульманского духовенства активно выступают против идей и установок исламизма. Что касается органов государственной власти, то их политика в отношении радикального ислама, который порой без видимых на то оснований отождествляется с экстремизмом и терроризмом, носит преимущественно запретительный характер. Причем под запретительные, карательные акции правоохранительных органов попадают и те мусульмане, кто, разделяя теоретические взгляды идеологов ваххабизма, не имеет никакого отношения к действиям террористов. Однако запретительная политика нередко оказывается контрпродуктивной.

Нет сомнений в том, что угроза исламского фундаментализма возникает и сильна, как правило, в наиболее экономически и социально неблагополучных странах. Это не в последнюю очередь верно в отношении Северного Кавказа. Однако, как уже отмечалось в главе 1, применительно к данному региону в этот вопрос необходимо внести некоторые весьма важные коррективы. Дело в том, что существуют страны и даже регионы Российской Федерации, которые, будучи по уровню социально-экономического развития несколько не выше рассматриваемого региона, тем не менее не характеризуются исламским фундаментализмом, экстремизмом, сепаратизмом и другими противоправными проявлениями. Поэтому, как представляется, причины успеха пропаганды исламского фундаментализма на Северном Кавказе кроются не только в бедственном социально-экономическом положении широких слоев населения. Одна из важнейших причин данного феномена лежит в идеологическом вакууме, который на всем постсоветском пространстве возник в результате краха коммунистической идеологии. Сложилось весьма благоприятное положение для принятия определенной частью населения нетрадиционных для ислама

вариантов фундаментализма. Его востребованности в значительной мере способствовали крушение устоев советского общества и формирование новой системы ценностей и идеологических ориентиров. В результате краха коммунистической идеи полиэтнические мусульманские общества оказались без необходимого идеологического и духовного регулятора.

При всем том представляется лишенным реальных оснований тезис о переходе значительной части населения Северного Кавказа после многих лет господства советской идеологии из зоны российского культурного и политического влияния в зону ислама. Это, по мнению сторонников данного тезиса, означает, что стратегические, геополитические перспективы начинают определяться новой культурно-религиозной ориентацией. Она смещается от имперского центра в сторону религиозных центров исламского мира. К тому же, по их мнению, в некоторых республиках региона в условиях формирования новой республиканской политической элиты мусульманство берет на себя роль консолидирующего элемента местных общин как носитель высших духовных ценностей¹.

Верно, что определенная часть кавказцев при самоидентификации ощущают себя прежде всего представителями определенных этносов и одновременно мусульманами. При этом самое главное - они сознают и признают себя гражданами Российской Федерации. В этой связи при всех возможных оговорках подавляющее большинство народов Северного Кавказа не представляют своего будущего без России и вне России.

Следует учесть также тот отмечаемый многими специалистами факт, что так называемый народный ислам на Кавказе в действительности представляет собой довольно аморфный сплав общемусульманских духовных ценностей с местными языческими верованиями и культами, а точнее он замешан на принципах и установках адата. Иначе говоря, здесь произошло сращивание собственно исламских идей, ценностей и принципов

¹ См.: Сиверцев М. Перспективы исламской геополитики в регионе Северного Кавказа // Россия и мусульманский мир: бюл. реферативно-аналит. инф. – М., 1993. – № 9. – С. 18.

с местным духовным субстратом разных национальных культур, в результате чего сложилась его специфическая региональная форма. Как отмечает Н.М. Емельянова, «доисламские верования оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на образ жизни кабардинцев, под их влиянием кабардинский ислам принял своеобразную, отличную от существующих в других северокавказских регионах форму»¹.

Отношение к исламу светских политических партий и движений варьируется от благосклонного внимания до попыток создания политических блоков и союзов с религиозными организациями и деятелями. Причем уверения в уважении к исламской религии постоянно раздаются из рядов бывших членов компартии. В то же время высший эшелон мусульманского духовенства, в том числе суфийского, или слился, или сотрудничает с местной элитой, или по крайней мере остается нейтральным по отношению к группам, находящимся на верху общественной пирамиды. Поэтому несправедливый общественный порядок в сознании части населения связывается с традиционной для их региона формой ислама. Социальный и политический протест в ряде районов принимает в современных условиях вид религиозного протеста, обращения к тому, что называют подлинным исламом в его крайних формах.

Эти и другие факторы свидетельствуют о сложности и неоднозначности статуса, роли и значения ислама для судеб российского Северного Кавказа, а соответственно, и его трактовки. Здесь можно согласиться с Н.М. Емельяновой, по мнению которой «рассматривать ислам на полиэтническом Северном Кавказе как полностью гомогенный социокультурный монолит некорректно. Исламская традиция на Кавказе дифференцирована, имеет множество различий и оттенков, обусловленных историческими, этнокультурными, географическими и социальными особенностями отдельных фрагментов этого большого региона»². И действительно, ислам в

¹ Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. – М., 1999. – С. 5.

² Там же.

регионе отнюдь не монолитен. Можно говорить о так называемых локальных формах ислама, которые могут приобретать достаточно выраженную идеологическую или националистическую окраску, что органично накладывается на болезненное ощущение территориальной этнопринадлежности.

Это проявляется в частности в том, что так называемый официальный ислам с самого начала оказался расколотым по национальному признаку и разобщенным по «национальным квартирам» и потому по сути дела втянутым в межэтнические противоречия и конфликты. Показательно, что в настоящее время на территории бывшего Южного федерального округа действуют 11 Духовных управлений мусульман (ДУМ). Причем, расколы по национальному признаку имеют место не только между республиками, но и в пределах отдельных республик. Речь идет, например, о Дагестане, где Духовное управление мусульман разделилось на ряд национальных общин.

Следует учесть также тот факт, что между республиками Северо-Западного Кавказа – Карачаево-Черкессией, Осетией и Кабардино-Балкарией, с одной стороны, и Северо-Восточного Кавказа – Дагестаном, Чечней и Ингушетией – с другой стороны, существуют более или менее серьезные различия. В этнонациональных, исторических и социокультурных реалиях первой группы республик вероисповедные ценности, нормы, установки ислама не укоренились так глубоко как в республиках второй группы. Но и здесь было бы не совсем корректно рассматривать ислам как системообразующую константу политического устройства.

При этом важно учесть, что религия не всегда и не обязательно является основополагающим фактором осознания этнической принадлежности. Более того, зачастую она дает богатый материал для создания и закрепления в сознании людей образа врага. Следует отметить и то, что нередки случаи, когда конфликты возникают между этносами, исповедующими одну и ту же религию. Она используется для разжигания межнациональной и межконфессиональной розни. Как отмечал Л.Н.

Митрохин, «те или иные конфликты, имеющие вполне прозаическое земное происхождение, религия способна возводить в ранг космических, от века бытийствующих столкновений, формулировать их в обобщенном, абсолютном виде, затрудняящем какой-либо компромисс»¹.

Несомненно, при всем разнообразии форм ислама с его «братствами» и локальными видами проявления на Северном Кавказе все же сохраняется представление о том, что ислам является общей религией для большинства народов этого региона. Очевидным является факт возрождения интереса к исламским ценностям и верованиям. С самого начала этот процесс носил крайне сложный и противоречивый характер. С одной стороны, в нем отразилось вполне объяснимое стремление людей, считающих себя мусульманами, открыто исповедовать веру своих предков, с другой стороны.

Изложенные в данном разделе аргументы и доводы могут служить основанием для вывода, что было бы серьезной ошибкой рассматривать ваххабизм или иные ответвления исламского фундаментализма в качестве главной или даже единственной причины терроризма на Северном Кавказе. Его реальное место и значимость с точки зрения разработки и осуществления форм, путей, средств и направлений обеспечения национальной и региональной безопасности следует рассматривать и оценивать в совокупности с другими ключевыми составляющими Северного Кавказа как внутреннего геополитического пространства Российской Федерации.

2.2. Взаимосвязь этнополитики и геополитики в регионе

Особенностью Кавказа в целом и Северного Кавказа как крупного внутреннего геополитического региона Российской Федерации, накладывающей существенный отпечаток на важнейшие сферы жизни, является многонациональный или полиэтнический состав населения. Здесь

¹ Митрохин Л.Н. Религия и нация // Наука и религия, 1989. – №3. – С. 3.

проживает множество этносов или народностей, принадлежащих к различным этнокультурным и языковым семьям или группам, таким как кавказско-иберийская или иафетическая (грузины, народности черкесско-адыгской группы, горские народы Дагестана - аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы, рутульцы, агулы и другие; нахская группа, состоящая из чеченцев и ингушей и др.), иранская ветвь индоевропейской семьи (осетины на Северном Кавказе и в Южной Осетии, талыши в Азербайджане, а также курды, хотя основная их масса находится за пределами Кавказа), греки, таты, тюрки (азербайджанцы, кумыки, карачаевцы, балкары, ногайцы и др.). Самая большая этническая группа на Северном Кавказе - это русские, значительную часть которых составляют казаки.

В настоящее время на территории Северо-Кавказского федерального округа проживают 2743 тыс. русских или 29,9% от общей численности населения, чеченцев 1485,2 тыс. или 16,2%, аварцев 785,3 тыс. или 8,5%, кабардинцев - 511,7 тыс. или 5,6%, даргинцев - 488,8 тыс. или 5,3%, осетин - 476,5 тыс. или 5,2%, ингушей - 462,2 тыс. или 5%, 399,1 тыс. или 4,3%, лезгин - 359,5 тыс. или 3,9%, карачаевцев - 187,6 тыс. или 2%, лакцев - 148 тыс. или 1,6%, балкарцев - 106,8 тыс. или 1,2%, а также представители других малочисленных этносов¹.

Регион с древнейших времен служил своего рода мостом для продвижения кочевых народов из Азии в Европу, на Ближний Восток и обратно. Частыми были переходы одних народов по тем или иным причинам геополитического, демографического, социального, экономического и иного характера с места на место, например азербайджанцев, грузин, армян на север - территории, где на постоянной основе проживали представители северокавказских народов и наоборот. В силу этого и ряда других связанных с ним факторов в этногеополитическом измерении границы Северного

¹ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. № 1485-р // Собрание законодательства РФ, 04.10.2010, № 40, ст. 5012.

Кавказа как внутреннего геополитического пространства, как уже отмечалось в главе 1, не заканчиваются на южной государственной границе Российской Федерации или северной границе закавказских государств, а простираются на территорию как Южного Кавказа, так и Ближнего и Среднего Востока. Здесь важно учесть и то, что наличие крупных диаспор северокавказских народов со второй половины XIX века в Турции, Иордании и других государствах расширило этническое пространство Северного Кавказа далеко за пределы этого региона.

Как для Кавказа, так и для Большого Ближнего Востока на протяжении всей их истории характерны этническая и политическая раздробленность, существование множества народов и этнических групп, исповедующих различные религиозные верования - от христианства и ислама до буддизма и зороастризма, что обуславливает их этнонациональную и конфессиональную пестроту и разнообразие. Одним из узлов, связывающих два региона, как уже указывалось, являются существующие в ближневосточных странах диаспоры кавказских народов, начало которым было положено их массовым переселением в эти страны в период и после окончания кавказской войны XIX в. По разным данным, в настоящее время их численность насчитывает от 3 до 5 млн. человек. Впрочем, подтвердить обоснованность этих цифр не представляется возможным.

Этим объясняется тот факт, что в определении геополитических контуров Северного Кавказа ключевое значение имеет этнонациональный фактор, который играет существенную роль с точки зрения обеспечения национальной безопасности и государственного единства Российской Федерации. Множество других факторов по сути дела вытекает из него или же теснейшим образом связано с ним. В большинстве, если не во всех республиках, важнейшие сферы жизни, в том числе политическая, пронизаны этнонациональными, племенными, клановыми, клиентелистскими и иными началами. Политические симпатии и антипатии людей в значительной степени определяются их принадлежностью к определенной

этнонациональной группе, тухуму, языку, клану, местности. Здесь нет просто абстрактных, статистических избирателей, а есть избиратели-лезгины, избиратели-кумыки, избиратели-аварцы и т.д. Любые проблемы социального, экономического, образовательного или иного характера так или иначе связаны с национальным вопросом. От степени решенности и/или нерешенности национального вопроса зависят основные векторы развития региона.

Иначе говоря, здесь, как ни в одном другом из регионов России, проявляется взаимосвязь между геополитикой и этнополитикой, которые переплетаются в единый узел, непосредственно влияющий на жизнеспособность, суверенитет и единство государства. Более того, сочетание геополитического и этнополитического измерений при исследовании данного геополитического пространства приобретает значимость и актуальность в тех ситуациях, когда этнонациональная проблема становится источником разного рода противоречий и конфликтов, представляющих угрозу государственному единству и социально-политической стабильности в стране. Поэтому исследование этой темы в контексте национальной безопасности России приобретает большое значение для понимания и решения не только внутривнутриполитических задач страны, но и для разработки внешнеполитического курса в отношениях со многими соседними государствами.

Нельзя забывать, что национальные республики Северного Кавказа – это субъекты Федерации, для которых характерен естественный прирост населения за счет превышения рождаемости над смертностью. Несмотря на сокращение уровня естественного прироста населения в республиках региона в целом, уровни естественного прироста населения титульных этносов ряда республик региона - Ингушетии, Чечни и Дагестана в период между переписями с 1989 по 2010 годы продолжали оставаться одними из

самых высоких в Российской Федерации¹. Так, «доля населения Юга (суммарно Южный и Северо-Кавказский ФО) выросла за 1989-2010 гг. с 14 до 16,8% от общей численности населения России»². Численность населения СКФО за межпереписный период 2002-2010 годов выросла на 6,3% при отрицательной динамике в большинстве других регионов Российской Федерации³.

Касаясь причин возникновения конфликтов на Северном Кавказе К.С. Гаджиев писал, что они зародились «еще в рамках осуществления так называемой ленинской внешней политики... В теории провозгласив политику самоопределения народов, на деле государственно-административные образования, как правило, отнюдь не строились строго по этнонациональному признаку... Сам принцип территориально-административного размежевания по сугубо национальному признаку противоречил реалиям Кавказа. Произвольно установленные в советский период границы между республиками в наши дни стали потенциальным источником разнообразных конфликтов»⁴.

Как известно, в советский период система административного деления в пределах северокавказского пространства приняла форму «этнотерриториального представительства». В 1922 г. при закреплении новой государственно-политической системы этот принцип был закреплён в организации региона в форме автономных образований. Результатом внедрения советской системы государственности и создания однородного советского общества явилось формирование сложной системы национальной самоидентификации, когда, с одной стороны, все народы Северного Кавказа входили в так называемую наднациональную советскую общность, а с

¹ Дзадзиев А.Б. Демографические процессы в республиках Северного Кавказа в межпереписной период 1989—2002 гг. // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: ежегодный докл. – М., 2003.

² Социальный атлас российских регионов. URL: <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/settlement/> (дата обращения: 10.09.2013).

³ Там же.

⁴ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2003. – С. 77.

другой - в результате возрастания роли и расширения функций местной элиты происходил рост осознания «естественного» права на обретение собственной государственности.

К примеру, если в США государственная политика так называемого плавильного котла всячески поощряла ассимиляцию постоянных потоков иммигрантов в единую американскую нацию, то национальная политика советского государства вела к противоположным результатам. В Советском Союзе индустриализация, модернизация и урбанизация парадоксальным образом сочетались с растущим единством и консолидацией в республиках так называемых титульных народов. Союзные республики в составе СССР пользовались значительной долей культурной и политической автономии.

При этом нельзя не признать парадоксальность того положения, в котором находились северокавказские народы в составе СССР. Хотя эти народы были лишены фактического политического суверенитета, им была гарантирована определенная территориальная идентичность, национально-образовательные и культурные институты, что обеспечивало условия для развития наций и этносов, их культур, языков и традиций. Национальная политика СССР и советская наука, по сути дела, при всем интернационализме заложили основы для формирования и институционализации этничности. Этнографическая наука всячески поощряла подчеркивание культурных различий и территориальных этнических границ, абсолютизируя значимость этнокультурных сообществ, культурного единства, основанного на вере в общее этническое происхождение и общий этнический код, тем самым обеспечивая аргументацию политического этнонационализма.

Как отмечал А. Палчаев, «в СССР сам принцип национально-территориального устройства сплошь и рядом нарушался. К примеру, тюркоязычные народы региона - кумыки, ногайцы, карачаевцы, балкарцы не получили своего территориального образования, а вошли в другие, где не могли доминировать прежде всего по своей численности. Осетинский народ

оказался разделенным между РСФСР и Грузинской ССР, лезгины и аварцы - между Азербайджаном и РСФСР и т.д. Западнокавказские народы - кабардинцы, абхазы, черкесы, адыгейцы также оказались политически раздроблены. Нельзя не отметить, что в состав национальных республик были включены территории (например, среднее течение р. Терек) с русским населением, что впоследствии трагически повлияло на судьбы этих людей во время двух чеченских войн»¹.

В результате многократных и произвольных административно-территориальных перекроек без учета этнонационального фактора многие этносы оказались разделенными между двумя или даже тремя-четырьмя республиками. В каждой из них оказались титульные, т.е. государствообразующие народы и национальные меньшинства, права которых не всегда соблюдались в должной мере.

Пагубность такой политики воочию обнаружилась после распада СССР. Перестройка и провозглашенная в тот период гласность, а также развернувшиеся за ними процессы распада СССР вывели на поверхность дремавшие до сих пор противоречия в сфере межнациональных отношений. Проводившаяся руководством СССР политика, частью которой стал игнорирование проблем национального своеобразия, более того, насильственное переселение целых народов из мест их традиционного проживания в другие регионы, прежде всего с Кавказа в Центральную Азию, репрессии против многих руководящих работников национальных республик, представителей национальной интеллигенции, административный произвол над религиозными чувствами граждан стали серьезным фактором, оказавшим негативное влияние на национальное самосознание народов Северного Кавказа и способствовавшим росту среди них недовольства.

¹ Палчаев А. Конфликтогенный потенциал национально-территориального устройства Северного Кавказа // Власть, 2012. – №1. – С. 102-103.

С началом перестройки, а затем с распадом СССР и беспрецедентным возрождением национального самосознания народов развернулись острые споры и дискуссии о формах государственного устройства и территориально-административном устройстве России. Дополнительные нюансы в эти споры и дискуссии вносил тот факт, что в условиях дезинтеграции, охватившей громадные постсоветские пространства, с особой остротой вышла на повестку дня проблема национальных меньшинств, которые с новой силой ощутили на себе правовую дискриминацию, вынужденные миграции, а местами и принудительную депортацию. При всем том в конце перестройки руководство СССР выровняло автономные округа и автономные области в статусе с союзными и автономными республиками¹. Во многом такая политика стала одним из факторов, стимулировавших движение целого ряда субъектов союзного государства за суверенизацию. На этом фоне 12 июня 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР. Особо важное значение с рассматриваемой точки зрения имел пункт 4 Декларации, в котором говорилось об обеспечении «каждому народу права на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах». В пункте 9 декларировалась необходимость «существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краев и областей РСФСР Конкретные вопросы осуществления этих прав должны определяться законодательством РСФСР о национально-государственном и административно-территориальном устройстве Федерации»². В результате четыре автономные области были преобразованы в республики: Адыгея, Горно-Алтайская, Карачаево-Черкесская, Хакасская. По иным причинам 4

¹ Закон СССР «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» от 10 апреля 1990 г. № 1421-1.

² Декларация о государственном суверенитете РСФСР // Сборник документов, принятых первым – шестым съездами народных депутатов Российской Федерации... – М., 1992. – С. 69-71.

июня 1992 г. была образована Республика Ингушетия, отделившаяся от Чечни.

В комплексе факторов, способствовавших росту по всей стране настроений и установок на суверенизацию, а в ряде случаев активности радикальных групп, требовавших отделения от России и создания независимых этнонациональных государственных образований, сыграли тенденции к политизации этнонациональных отношений и этнизма, возрождению тейповых, джамаатских, тухумных и др. ценностей и установок, формированию националистических идеологий, основанных на политизации этнической истории. В этих процессах зачастую все более возрастающую роль стали играть представители коррумпированных властных, военных, банковско-коммерческих структур, создавших разного рода кланы, контролирующие власть и ресурсы.

Националистически ориентированные политики и идеологи умело используют взрывоопасную этнонациональную энергию там, где сильны этноцентристские тенденции, которые политизируются и мобилизуются для достижения определенных сугубо личных, местнических, материальных и иных интересов.

При этом важно отметить, что приверженность национальной культуре, традициям и так далее сама по себе политически нейтральна и не обладает изначально заданной политической направленностью. Однако особую опасность с точки зрения сохранения территориального единства государства и обеспечения национальной и региональной безопасности представляет политизированная этничность. Именно она служит стимулом для поисков всех факторов, негативно влияющих на положение соответствующего сообщества, не у себя, а вовне в лице других этносов, групп, другими словами, «чужаков».

В процессе и после распада СССР политизация этнизма проявилась, в частности, в требованиях достижения этнотерриториального суверенитета и национальной государственности. В результате начался пресловутый «парад

суверенитетов», создавший серьезную угрозу территориальной целостности как самой России, так и многонациональных и двунациональных республик. В этом контексте интерес представляет пример полиэтнического Дагестана, где сформировались и громко заявили о себе движения представителей каждого из сколько-нибудь крупного по местным масштабам этноса с требованиями создания собственных государственных образований вплоть до отделения от России. Ряд национальных республик приняли собственные конституции, которые декларировали свой суверенитет и в целом ряде ключевых статей противоречили Конституции Российской Федерации.

Так, в статье 1 Конституция Республики Дагестан провозгласила суверенитет, а в статье 70 зафиксировала: «Республика Дагестан сохраняет за собой право на изменение своего государственно-правового статуса на основе волеизъявления дагестанского народа». Статья 11 Конституции Дагестана устанавливала: «Приобретение гражданства Республики Дагестан соотечественниками не влечет приобретения ими гражданства Российской Федерации, если это не предусмотрено законодательством Российской Федерации»¹. Кабардино-Балкария в статье 1 Конституции заявила о себе как суверенном государстве в составе Российской Федерации². Примерно такое положение содержится в Конституции Республики Северная Осетия-Алания³. В ст.1 Конституции Ингушетии заявлено о неотъемлемом праве на национально-государственное самоопределение.

Правда, в ходе административных реформ, осуществленных в течение последнего десятилетия и направленных на восстановление властной вертикали, многие перегибы в нормативно-правовой сфере северокавказских республик преодолены. В дополнениях, принятых в конце 90-х-2000-х годах, эти и схожие с ними статьи были либо полностью отменены, либо существенно смягчены.

¹ Конституция Республики Дагестан, ст.11.

² Конституция Кабардино-Балкарской Республики, ст.1.

³ Конституция Республики Северная Осетия-Алания, ст.3.

Как отмечает К.С. Гаджиев, в СССР была установлена четырехуровневая модель национально-территориального устройства, где одним народам был предоставлен статус союзных республик, другим - автономных республик, третьим - национальных округов, четвертым – автономных областей. Многие этносы не имели никакой формы государственной организации. Как правило, численно доминирующие коренные этносы становились титульными, их самоназвание использовалось для названия соответствующего государственного образования¹.

В советский период взаимоотношения титульных и нетитульных этносов, их представительств в органах государственной власти регулировались центральными партийными структурами и органами государственной власти. Действовала так называемая квотная система заполнения властной вертикали национальных образований в соответствии с пропорциональной численностью каждого этноса. Как показывает опыт ряда северокавказских республик, эта система уже в советский период в должной мере не срабатывала. Тем не менее, с более или менее существенными изменениями она была перенята властями Российской Федерации. Однако в ряде республик, унаследовав негативные характеристики советского периода, эта система еще дальше отделилась от принципов, норм и правил политической демократии и правового государства.

Наглядное представление об этом можно получить на примере Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, где доминирующие этнические группы (кабардинцы и карачаевцы) обладают властными рычагами для обеспечения приоритета собственных экономических и политических интересов.

Взаимосвязь этнонационального и властного начал особенно отчетливо проявляется в полиэтнической Республике Дагестан, где борьба и распределение власти приобрели явно выраженный этнический оттенок. В

¹ См.: Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М., 2011. – С. 141.

республике, численность населения которой составляет около 3 млн. человек, проживают представители более 100 национальностей, в том числе более 30 так называемых коренных народов, говорящих на самостоятельных языках, а титульными считаются 14 этнонациональных групп. Однако здесь уже в советский период примерно с конца 1930-х гг. сложилось положение, при котором первые роли в высших эшелонах власти перешли в руки одних и тех же двух-трех этнонациональных групп - аварцев, даргинцев и отчасти кумыков. После распада СССР имело место дальнейшее усиление этнократических тенденций, приведших к фактической монополизации высших постов в системе государственной власти представителями названных этносов. Об этом свидетельствует тот факт, что на протяжении всего постсоветского периода именно их представители занимают все три высших поста в республике - президента, председателя Народного Собрания и председателя Правительства Республики Дагестан. Более или менее доходные места на уровнях властной вертикали также распределяются среди представителей именно этих этнических групп или же тех представителей других этносов, которые для первых уже стали своими. С теми или иными нюансами такое положение вещей имеет место и в других северокавказских республиках¹.

Как уже указывалось, кланово-этническая система организации бизнеса и власти в сочетании с криминальной приватизацией привели к нарастанию в республиках неравенства по национальному признаку². Численность и титульность того или иного этноса гарантируют ему большинство политического представительства в законодательных и исполнительных органах власти республик. Ключевые позиции заняли коррумпированные властные, банковско-коммерческие структуры, которые

¹ См.: Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М., 2011. – С. 141.

² Передерий С.В. Демографические проблемы на юге России. URL: http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1469&Itemid=39 (дата обращения: 08.08.2013).

образуют этнически окрашенные кланы. Они фактически монополизировали политические и экономические ресурсы и установили собственные неформальные механизмы принятия управленческих решений. Будучи полпредом в Южном федеральном округе, Д. Козак в интервью газете «Известия» отметил: «Формирование и функционирование органов публичной власти на клановой основе - это устранение добросовестной конкуренции, ключевого инструмента экономического развития. Это и одна из основных причин межнациональных конфликтов. Поэтому здесь, на Кавказе, мы перед выбором - оставлять неизменными имеющиеся огромные экономические и общественно-политические проблемы, оправдывая все это «сложившимся веками укладом», либо проявить волю и преодолеть клановость в политике и экономике, создать условия для добросовестной, законной конкуренции в тех сферах общественной жизни, где преимущество состязательности подтверждено мировой исторической практикой»¹.

При таком положении вещей противоречия и конфликты между кланами в глазах простых людей выступают как межэтнические. В этом плане серьезную угрозу экономической безопасности представляют группировки, формирующиеся по признакам этнической принадлежности и землячества². Этнизация властной вертикали проявляется в частности в том, что правящие кланы используют для сохранения своих позиций правоохранительные органы, кадры которых подбираются с предельной тщательностью.

Как справедливо указывал В. Тишков, «причина неудачи разделения власти и этнической ротации в сложных по составу населения образованиях кроется не столько в самой системе консосиальной демократии, сколько в недостаточном гражданско-правовом сознании населения и политиков и в определяющем влиянии криминально коррумпированных сил и связей,

¹ Известия, 21 января 2005.

² Бекряшев А.К. Теневая экономика и экономическая преступность. URL: <http://znanie.podelise.ru/docs/93319/index-1380.html?page=13> (дата обращения: 08.08.2013).

которые используют в своих интересах политическую мобилизацию по этническому и джамаатскому (местническому) принципу»¹. Это, естественно, служит фактором, нарушающим принцип пропорционального представительства основных этнонациональных сообществ во всех трех ветвях власти как на республиканском, так и муниципальном уровнях. Подобное положение вещей, естественно, служит источником противоречий и конфликтов, которые приобретают опасный для общества экстремистский характер.

Становится все более очевидным тот факт, что в политике, экономике, равно как и в других сферах общественной жизни, приоритет нужно отдавать профессионализму, знаниям претендента на тот или иной пост, а не его национальной принадлежности. В соответствии с основополагающими принципами демократии приоритет должен быть отдан идее гражданского, а не этнонационального представительства. В этом состоит суть рыночной экономики и политической демократии. В то же время буквалистски следовать этому принципу на Северном Кавказе - значит игнорировать поколениями сложившиеся здесь реалии.

Как выше указывалось, в процессе распада СССР и с особенной силой после его окончательного исчезновения с политической карты во всех национальных республиках Северного Кавказа на политической авансцене заявили о себе этнонациональные движения, часть из которых выступила с требованиями формирования собственных государственных образований в составе Российской Федерации, а наиболее радикальные их сегменты - за отделение от России и создание независимого от нее национального государства.

Этот так называемый «парад суверенитетов» достаточно подробно освещен в отечественной научной литературе. Здесь отметим лишь то, что

¹ Тишков В.А. Конфликты и федерализм // Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе. Общая оценка ситуации и природы конфликтов // Казанский федералист, 2002. – № 2.

было бы преждевременно считать подобные требования и лозунги, под которыми выступают представители основных этносов национальных республик региона, достоянием прошлого. Они возникают каждый раз, когда власти принимают те или иные решения, которые неожиданно в глазах определенной части населения выглядят ущемляющими их интересы и оказываются резонансными. Так, идея воссоединения разделенных народов остается одним из стимулов, который время от времени может нарушить социальную и политическую стабильность в отдельных республиках.

Естественно, особой напряженностью и остротой характеризуются межэтнические отношения в так называемых биполярных республиках - Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, а также в многонациональном Дагестане. В двух первых из названных республик наряду с Чечней и Ингушетией ситуация осложняется тем, что балкарцы, карачаевцы, чеченцы и ингуши - репрессированные народы. В Кабардино-Балкарии, где проживают представители множества этносов, основные проблемы, угрожающие единству республики и обостряющие социальную и политическую ситуацию, возникают в отношениях между кабардинцами и балкарцами, представители которых борются за политическое лидерство.

В этом контексте обращает на себя внимание разного рода проекты перекройки этнополитической карты Северного Кавказа путем объединения конкретных этносов, входящих в состав разных национальных республик, в единые автономные образования в составе Российской Федерации.

К примеру, Х.И. Тугуз выдвинул идею объединения всех адыгов в Адыгскую республику, в состав которой вошли бы автономные округа: Кабардинский с центром г. Нальчик, Адыгейский – с центром г. Майкоп, Черкесский с центром г. Черкесск; карачаевцев и балкар - в Карачаево-Балкарскую республику в составе автономных округов: Карачаевский с центром в г. Карачаевск и Балкарский. В дальнейшем, по мнению Х.И.

Тугуза, по этой модели можно было бы провести объединение других этносов, таких как вайнахи, осетины, лезгины, ногойцы и др.¹

О популярности среди определенной части интеллигенции и политических кругов национальных республик подобных идей свидетельствует, например, проведение представителями черкесов 23 ноября 2008 г. в городе Черкесске Чрезвычайного съезда черкесского народа, в работе которого приняли участие представители Международной черкесской ассоциации, черкесских общественных объединений из Кабардино-Балкарии, Республики Адыгея, Краснодарского и Ставропольского краев. Часть радикально настроенных участников съезда обвинила руководство КЧР в проведении этнократической кадровой политики в ущерб интересам черкесского народа. Они выдвинули требование о создании самостоятельного субъекта Федерации в составе абазин, адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов².

5 июня 2010 года около 700 представителей черкесов, абазин, русских и др. некарачаевских этносов Карачаево-Черкесии собрались на съезд, который принял резолюцию с требованием раздела республики и восстановления черкесской автономии в составе Российской Федерации, существовавшей со второй половины 1920-х до 1957 г. Такое требование обосновывалось доводами о том, что в Карачаево-Черкесской Республике сформировалась карачаевская этнократия, сосредоточившая в своих руках всю полноту власти. По мнению участников съезда, даже в тех случаях, когда самая важная должность сохранена за черкесом или русским, реальная власть находится в руках его заместителей-карачаевцев³.

Пока что нерешенным остается спор между Республикой Северная Осетия-Алания и Ингушетией о Пригородном районе. В Моздокском районе

¹ Тугуз Х.И. Региональная федерация: Юг России и проблемы развития // Федерализм на Юге России. – Ростов н/Д, 2003. – С. 128-134.

² Вайханов Х.Х. Национальная безопасность России на региональном уровне: геополитико-конфликтологический подход. Южно-российское обозрение. Выпуск 61. – Ростов н/Д., 2010.

³ Сухов И. Кавказская контурная карта // Время новостей, 7 июня 2010.

сохраняется межэтническая напряженность между чеченцами, ингушами, кумыками, турками-месхетинцами, с одной стороны, и русскими и осетинами – с другой. Прослеживается также тенденция к нарастанию противоречий между коренными осетинами – иронцами и дигорцами, с одной стороны, и осетинами-переселенцами из Южной Осетии и внутренних районов Грузии - кударцами¹.

Как известно, в начале 1990-х гг. национальные движения лезгин, кумыков, даргинцев, ногайцев и других этносов Дагестана выступили за федерализацию Дагестана на этнической основе, а некоторые наиболее радикальные силы даже за создание самостоятельных этнических государств. К настоящему времени такие проекты сохранились как достояние лишь весьма узких группировок, не пользующихся среди населения сколько-нибудь заметной популярностью.

Тем не менее, в республике сохранилось множество других проблем конфликтогенного характера. Так, в Дагестане более или менее компактно проживают несколько десятков тысяч чеченцев-акинцев, которые время от времени выступают с требованиями восстановить ликвидированный в 1944 г. Ауховский район, куда после их депортации были переселены лакцы и аварцы. Попытки реализации этих требований потянули за собой целую цепочку дремавших до того времени этнонациональных и территориальных противоречий между самими чеченцами-акинцами, кумыками, аварцами и лакцами².

Нерешенной остается также проблема ногайского народа. В результате целого ряда перекроек административных границ, вызванных сначала ликвидацией в 1944 г. Чечено-Ингушской АССР и образованием Грозненской области с включением в ее состав всей территории Ногайской степи, а затем восстановлением Чечено-Ингушской АССР в 1957 г.,

¹ Сухов И. Кавказская контурная карта // Время новостей, 7 июня 2010.

² Палчаев А.А. Конфликтогенный потенциал национально-территориального устройства Северного Кавказа // Власть, 2012. – №1. – С. 103.

ногайский народ оказался разделенным на три части: Караногайский, Кизлярский и Крайновский районы были переданы Дагестану, Кауслянский и Ачкулакский - Ставропольскому краю, Шелковский район – Чечено-Ингушской АССР. Этим во многом объясняется тот факт, что ногайцы требуют восстановления их единства в рамках некоего этнотерриториального административного образования.

Осенью 2012 года в райцентре Терекли-Мектеб в Ногайском районе на севере Республики Дагестан прошел так называемый «альтернативный» съезд ногайцев, на котором снова было озвучено требование создать территориально-государственное образование «Ногайстан» (Ногай-Эл) в составе Российской Федерации. Его участники приняли обращение к Президенту РФ В.В. Путину, в котором предлагалось рассмотреть вопрос о формировании территориально-административного образования ногайцев в составе Российской Федерации – в пределах границ их компактного проживания на территории Ставрополя, Чечни и Дагестана. «Только отделение от Дагестана и создание автономии, - говорилось в обращении, - может дать ногайцам возможность сохраниться как народу-этносу»¹.

Сложившееся у Кремля и части российской общественности мнение о решенности проблемы разделенного лезгинского, аварского и других народов в недалекой перспективе может оказаться ошибочным, и чреватым непредсказуемыми последствиями для национальной безопасности России в целом и региона в частности. Следует признать тот очевидный факт, что развернувшееся в 90-х годах движение этих народов за воссоединение в составе Российской Федерации потерпело поражение. Однако сам этот вопрос отнюдь нельзя считать закрытым.

Наглядное представление об этом можно составить на примере многотысячного бунта в городе Северного Азербайджана Кубе, населенного

¹ На юге Дагестана не спадает национальное движение лезгин из-за разделенности народа, 23 февраля 2013. URL: <http://flnka.ru/digest-analytics/page,1,1,1425-html> (дата обращения: 17.09.2013).

лезгинами, недовольными произволом властей Баку, осуществляющим политику насильственной азербайджанизации инонациональных граждан страны. Интерес представляет оценка, которую этому событию дала аналитическая служба азербайджанского информгентства «Туран». Она, в частности, заявила: «События, произошедшие 1 марта в Губинском районе Азербайджана, без преувеличения, открыли новую страницу в истории страны, недавно отметившей 20-летие независимости». По мнению авторов материала, причина происшедшего – в существующем в Азербайджане серьезном внутреннем напряжении.¹ Об этом же свидетельствует тот факт, что традиционно спокойный Южный Дагестан, населенный лезгинами и лезгино-язычными этносами, превратился в один из взрывоопасных регионов и так бурлящего Дагестана.

С рассматриваемой точки зрения немаловажное значение имеют территориальные претензии республик региона друг к другу: Республика Ингушетия постоянно поднимает вопрос о Пригородном районе Северной Осетии. Не до конца урегулированы границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой, между Дагестаном и Ставропольским краем, Чечней и Дагестаном. Впрочем, список противоречий, существующих в регионе, можно продолжить.

В этом контексте нельзя игнорировать также проблему защиты прав и интересов разделенных народов. Она имеет аспекты не только внутривнутриполитический, в части, касающейся народов, разделенных административными границами, но и международно-политический, в части, касающейся народов, разделенных межгосударственными границами. Дело в том, что, как уже отмечалось, в результате распада СССР и образования новых независимых государств прежнее административное разделение в регионе сменилось разделением межгосударственным. Это осетинский,

¹ «Туран»: Причина бунта в Губе – бедность и безысходность, царящие в Азербайджане. URL: <http://panorama.am/ru/politics/2012/03/05/azerbaijan-guba-turan/> (дата обращения: 17.09.2013).

лезгинский, аварский, цахурский и рутульский, азербайджанский и другие народы, которые оказались разделенными между Дагестаном и Азербайджаном, Грузией и Азербайджаном, Грузией и Северной Осетией, Грузией и Дагестаном и т.д. В результате острота политических, социально-экономических, культурных, языковых проблем этих народов достигла своей кульминации, они уже понесли огромные материальные потери из-за разрушения хозяйственных, торговых, культурных связей.

Во многом именно этими факторами объясняется всплеск на всем постсоветском пространстве центробежных, дезинтеграционных тенденций, процессов, способствующих разъединению, обособлению, сепаратизму народов. Кавказ превратился в арену ожесточенных межнациональных, межконфессиональных и территориальных вооруженных конфликтов.

2.3. Влияние миграций на этнополитическое положение региона

В последние два-три десятилетия одним из заметных факторов, оказывающих более или менее существенное влияние на положение дел в регионе, стала миграция. Основной поток мигрантов, оседающих в Ставропольском крае, а также соседних субъектах Южного федерального округа - Краснодарском крае и Ростовской области, идет с Южного Кавказа и национальных республик Северного Кавказа. На протяжении всего постсоветского периода в результате роста и расширения миграционных потоков произошли и продолжают происходить процессы изменения этнического состава национальных республик Северного Кавказа. Ко времени проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. за пределами своих республик, но в республиках самого Северного Кавказа проживало более 370 тыс.

О масштабах миграционных потоков свидетельствуют следующие данные. Как отмечается в ставропольском территориальном органе «Росстата», в 2010 году в этом субъекте Российской Федерации русские по-

прежнему составляли подавляющее большинство населения - 2232,2 тыс. человек или 80,9% населения края. По сравнению с 2002 годом численность русских здесь увеличилась всего на 0,4 тыс. чел., а доля их в общей численности населения сократилась на 0,7%. На втором месте стоят армяне - 5,9%. Их численность по сравнению с данными переписи увеличилась на 12,1 тыс. чел., а с 1989 года – в 2,3 раза¹.

На третье место по численности, сменив украинцев, вышли даргинцы – 49,3 тыс. чел., увеличившись по сравнению с 2002 годом на 22,6%. За последние сорок лет (с переписи населения 1970 года) численность даргинцев в крае увеличилась в 7,4 раза. Численность украинцев, которые составили 30,4 тыс. чел., за межпереписной период снизилась на 15,5 тыс. чел. или на 33,8%. Сократилась также численность греков на 1,5%, составив по переписи 2010 года 33,6 тыс. чел. В межпереписной период в 1,6 раза возросла численность цыган, а за последние 40 лет в 6,5 раз до 30,9 тыс. чел. В тех или иных пропорциях выросла численность других этносов – ногайцев, азербайджанцев, карачаевцев, чеченцев и др.²

В этом русле нельзя не затронуть вопрос об оттоке из национальных республик Северного Кавказа русских, которые якобы не могут вписаться в кавказские клановые и клиентские сетевые отношения и, следовательно, эффективно конкурировать с представителями кавказских этносов. По данным экспертов Российской Академии Наук, в период между двумя переписями (1989-2002) доля русских в общей численности населения на Северном Кавказе сократилась с 26 до 15 %, а в отдельных республиках - до 1—4 %³. В последующие годы эта тенденция, правда, в более умеренной форме продолжалась.

¹ В Росстате определили национальный состав Ставропольского края. URL: <http://www.perepis-2010.ru/news/detail.php?ID=7990> (дата обращения: 17.09.2013).

² Там же.

³ Возрождение полиэтничности в Ингушетии, 15 сентября 2010. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/articles/25463.html> (дата обращения: 17.09.2013).

Здесь проблема состоит в том, что эти процессы зачастую трактуются произвольно в угоду интересам тех или иных политических сил. Отток русскоязычного населения начался еще в 60-х-70-х годах прошлого века не в последнюю очередь в силу комплекса социально-экономических и демографических причин. Уже с того периода снижение доли русскоязычного населения на Северном Кавказе происходит не только в связи с переселением в другие регионы, но и по причине низкой рождаемости на фоне высоких темпов прироста у автохтонных народов.

Немаловажное значение имела резко выраженная «трансформация возрастной структуры населения, которая сложилась в значительной степени под влиянием миграционных процессов предшествующих десятилетий. Устойчивый миграционный отток русских из республик складывался за счет активной миграции в первую очередь молодежи, выбывавшей как на учебу, так и на работу... В 1998 год около 30% русского населения республик Северного Кавказа были старше трудоспособного возраста, тогда как у титульных народов этот показатель не превышал 17%»¹. Примерно до 70-х годов трудоспособное русское население отличалось от титульных народов высоким уровнем образования, профессиональной подготовки. Именно среди них рекрутировалась значительная часть врачей, научно-технических работников, профессорско-преподавательских кадров высших учебных заведений и т.д. Постепенно росло число представителей титульных народов с высоким уровнем образования, профессиональной подготовки, что, естественно, усилило конкуренцию на вакантные должности. Правда, здесь необходимо сделать ту оговорку, что представляется не совсем корректным делить народы региона на титульных или автохтонных местных и нетитульных или неавтохтонных русских. Дело в том, что эти последние, особенно во втором, третьем поколениях фактически сами также стали

¹ Демографические процессы и динамика расселения русских в республиках Северного Кавказа, 11 мая 2002. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/21892/> (дата обращения: 17.09.2013).

коренным народом региона. Но как бы то ни было, «со временем качественные характеристики трудовых ресурсов русского и титульного населения стали меняться не в пользу первых. Среди русского населения республик замедлились темпы роста числа специалистов, имеющих высшее образование»¹. Более того, «в некоторых республиках к 1989 году удельный вес титульных народов, имеющих высшее образование, стал значительно выше, чем у русских. Например, в Адыгее в 1,47 раза, в Карачаево-Черкесии у карачаевцев в 1,2 раза, у черкесов в 1,1 раза»². Эта тенденция еще больше ускорилась в 80-е годы. Просто обвальные масштабы эти процессы приобрели в 90-е годы.

Разумеется, эти процессы оказали более или менее существенное влияние на социально-экономическое и политическое положение во всем Северо-Кавказском регионе. Нарушились исторически сложившийся этнонациональный и конфессиональный баланс в регионе. Чечня и Ингушетия фактически превратились в моноэтнические субъекты многонационального Северного Кавказа. Как отмечал В.А. Тишков, «присутствие русского населения на Северном Кавказе обеспечивает, с одной стороны, коллективное самосознание основных нерусских народов и удерживает его от дальнейшей фрагментации на локально-культурные варианты, с другой стороны, именно русские в определяющей степени влияют на формирование общероссийских культурных ценностей и установок и на поддержание общероссийского самосознания и патриотизма»³. Отток русских, которые составляли костяк инженерно-технических работников, привел к снижению качества трудовых ресурсов и снижению темпов экономического роста в регионе.

¹ Демографические процессы и динамика расселения русских в республиках Северного Кавказа, 11 мая 2002. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/21892/> (дата обращения: 17.09.2013).

² Там же.

³ Тишков В.А. Русское население республик Северного Кавказа. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira_/russkoe_na.html (дата обращения: 31.05.2013).

Власти как федерального центра, так и национальных республик осознают необходимость удержания и возвращения русских, прежде всего квалифицированных специалистов, и предпринимают для этого необходимые меры. Так, в «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» предусматриваются меры по «предотвращению оттока и возвращению русского населения» в регион¹. Шаги в этом направлении предпринимают руководители национальных республик. В Ингушетия была принята программа «Возвращение и обустройство русскоязычного населения, ранее проживавшего в Республике Ингушетия, на 2004-2010 годы». В Дагестане созданы специальная комиссия по проблемам русскоязычного населения и государственный орган - Координационный совет северного региона Республики Дагестан с целью принять меры для прекращения оттока не только русских, но также квалифицированных работников из среды коренных народов, и тем самым стабилизировать миграционные процессы.

В северных районах Республики Дагестан, где численность русского населения сравнительно высока, создан Координационный Совет во главе с заместителем председателя правительства Республики. Принята и реализуется республиканская программа «Север», призванная создать условия для возвращения русских. В этом контексте необходимо отметить, что на 2008 год «главами администраций 18 сельских поселений северных районов Республики Дагестан являлись русские. В органах государственной власти и управления, в министерствах 6,9% руководителей и их заместителей - русские, из них 3,6 % - руководителей (6 человек)»².

¹ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. № 1485-р // Собрание законодательства РФ, 04.10.2010, № 40, ст. 5012.

² Добаев И. Вернутся ли русские на Северный Кавказ? 31 марта 2008. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/vernutsa_li_russkije_na_severnyj_kavkaz_2008-03-31.htm (дата обращения: 31.05.2013).

В Майском и Прохладненском муниципальных районах Кабардино-Балкарии, где традиционно проживает значительная часть русских, правительством республики с участием предпринимательских структур разработано и осуществляется 20 проектов, предусматривающих восстановление и создание новых предприятий добывающей, перерабатывающей, строительной, радиоэлектронной промышленности, агропромышленной, транспортной и др. сферах экономики. В республике русские представлены на всех уровнях государственной власти. Так, в 2008 году 21 из 110 депутатов парламента КБР были русскими, 202 из 1212 депутатов местного самоуправления муниципальных районов также были русскими. Главы городского округа Прохладный, Прохладненского и Майского муниципальных районов традиционно - русские. В администрации президента КБР 24,5% гражданских служащих – также русские¹.

Указом президента Чеченской Республики в апреле 2006 года была утверждена концепция государственной национальной политики, в которой был обозначены комплекс экономических, правовых и политических мер решения проблемы регулирования межнациональных отношений и возвращения в республику русских. Власти Чеченской Республики выделяют материальную помощь для восстановления культовых учреждений русской православной церкви².

Важно учесть, что национальные республики Северного Кавказа покинули десятки, возможно, сотни тысяч высококвалифицированных работников различных профессий - представителей северокавказских народов, что позволяет говорить об утечке мозгов из этих республик. Это главным образом те категории граждан, которые оказываются невостребованными в своих республиках, но готовы и стремятся

¹ Добаев И. Вернутся ли русские на Северный Кавказ? 31 марта 2008. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/vernutsa_li_russkije_na_severnoy_kavkaz_2008-03-31.htm (дата обращения: 31.05.2013).

² Сайдумов Д.Х. О некоторых итогах реализации концепции государственной национальной политики Чеченской Республики // Вестник Академии наук Чеченской Республики, 2012. – № 1.

конкурировать за свое место в социальной структуре не путем инкорпорирования в разного рода этнические и иные кланы, а путем участия в честном соревновании знаний и профессиональных умений. При этом необходимо учесть и то, что выезжают за поисками условий самореализации те, кто имеет возможность выбрать такой путь.

Как уже указывалось, отток не только русского, но и оставшегося без работы квалифицированного «титульного» населения, привел к явной нехватке профессиональных кадров в республиках. Кроме того, специалисты обращают внимание еще на одну демографическую проблему. После 2000 г. в трудоспособный возраст входит поколение, спрос на рабочую силу которого будет критически мал. Уже сегодня, как отмечают исследователи, в Чечне, Ингушетии, Дагестане из-за высокой рождаемости перенаселенность и безработица создают всевозрастающее социальное напряжение. Появился обширный слой социальных маргиналов без постоянного места работы и профессиональной квалификации, без ясных социальных ориентиров в жизни. Из их среды, как правило, пополняются ряды террористов, разного рода организованных преступных группировок, сепаратистов и т.д.

Высокий уровень миграционного давления на рынок занятости, на службы социального обеспечения, на системы образования и медицинского обслуживания вызывает отрицательную реакцию коренного населения. Более того, бесконтрольность миграционных процессов на Юге России способствует, как подчеркивают специалисты, распространению национального и конфессионального экстремизма и обостряет общественно-политическую ситуацию в регионе.

Не всегда конструктивно складываются взаимоотношения казачества с национальными движениями Северного Кавказа. Об этом свидетельствуют факты противостояния в различных районах Ставропольского края русского населения с представителями кавказских этносов¹. Время от времени,

¹ Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – С. 11-12, 85; Дзадзиев А.Б. Демографические процессы в

особенно в период двух чеченских войн различные казачьи сходы и круги ставили перед федеральным центром вопрос о возвращении Наурского и Шелковского районов под юрисдикцию Ставропольского края, в который эти районы входили до 1957 г. Аналогичные требования предъявляет также часть населения русских районов других республик Северного Кавказа - Кизлярского и Тарумовского районов Дагестана, Моздокского района Северной Осетии, Зеленчукского района Карачаево-Черкесии, казачьих станиц по Тереку в Чечне и Кабардино-Балкарии. Они настаивают на придании казакам, живущим на этих территориях, государственно-правового статуса в качестве субъекта Федерации¹. Как отмечал Министр по делам национальностей, информации и внешним связям РД в 90-х годах прошлого века М.М. Гусаев, «негативное влияние на и без того сложную ситуацию в регионе оказывает решение большого чрезвычайного круга Терского казачьего войска, претендующего на роль вершителя судеб народов Дагестана»².

2.4. Полиэтничность как фактор трансформации этнонациональной составляющей региона

Для правильного понимания происходящих в регионе процессов важно учесть тот факт, что уже в советский период почти все национальные республики СССР, в том числе и те, которые входили в состав РСФСР, стали носить многонациональный характер. В результате частых перекраиваний административных границ в регионе и постоянных миграций существенно изменились границы территорий расселения почти всех его этносов. В итоге

республиках Северного Кавказа в межпереписной период 1989 – 2002 гг. URL: <http://www.viu-online.ru/science/publ/buleten10/page10.html> (дата обращения: 31.05.2013); Давыдов В.Н. Этнополитические конфликты на Северном Кавказе: региональный фактор // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология, 2004. – №1. – С. 39-4; Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов н/Д, 2003. – С. 229 и др.

¹ Палчаев А.А. Цит. соч., С.104.

² Независимая газета, 23 августа 1993.

эти границы во всевозрастающей степени перестали соответствовать административным границам. Более того, в некоторых национальных образованиях титульные народы составляли меньшинство от общей численности населения. В настоящее время все без исключения республики Северного Кавказа являются многонациональными или полиэтническими, хотя относительная численность того или иного этноса варьируется от республики к республике.

В сущности, моноэтнические анклавы сохраняются преимущественно в сельской местности, численность населения которой будет неуклонно сокращаться, поскольку значительная часть более или менее дееспособной молодежи постепенно переселяется в полиэтнические города. В результате весьма затруднительным стало определение того, какая территория (разумеется, за исключением сельских районов) является исключительным достоянием того или иного этноса. Какие именно критерии могут считаться достаточным основанием, чтобы претендовать на соответствующую территорию как достояние одного отдельно взятого этноса.

Как представляется, при трактовке идей суверенитета и самоопределения народов и республик, которые в течение многих поколений и даже веков совместно проживали в составе России необходимо принять во внимание тот факт, что именно благодаря своему имперскому характеру государство предприняло огромные усилия для превращения разноликого конгломерата регионов и народов, культур и религий в единое политическое, административное, хозяйственно-экономическое сообщество, единое культурное и информационное пространство, единый государственный и социокультурный организм.

При оценке положения дел в регионе следует учесть, что ко времени распада СССР социальные, экономические и политические структуры, да и сам образ жизни, система ценностей, ориентаций и установок подавляющего большинства россиян подверглись глубокой трансформации. Укоренились многосторонние связи во всех сферах общественной жизни страны, в

результате чего существенно изменились сам образ жизни почти всех этносов, населяющих Россию, их менталитет и т.д.

Поэтому можно согласиться с теми авторами, по мнению которых при таком положении вещей традиционные категории и понятия национального суверенитета, самоопределения, независимости и т.д. оказываются неприемлемыми для реалий Российской Федерации. Все это свидетельствует об ущербности всяких попыток создания чисто этнократических государственных образований, руководствуясь принципами и установками политизированного этнизма. В противном случае, «возникает вопрос о том, какое именно независимое и суверенное национальное государство возникнет в Дагестане - лезгинское, аварское, кумыкское, даргинское и т.д.? В Кабардино-Балкарии - кабардинское, балкарское, русскоязычное? В Карачаево-Черкесии - карачаевское, черкесское, русскоязычное или какое-либо иное? И так далее в том же духе. Очевидно, что каждый из этих национализмов неизбежно будет стимулировать национализм у других народов и так до бесконечности». Здесь нельзя упускать из виду и следующий очень важный момент, который, к сожалению, не всегда в полной мере учитывается. Дело в том, что «при формировании государственно-административной структуры СССР государственные границы проводились буквально по живому телу этносов. Достаточно оторваться от абстрактных схем и взглянуть на проблему трезвыми глазами на местах, чтобы убедиться в том, что любая попытка установить государственные границы по сугубо национальному принципу обернется непредсказуемыми кровавыми последствиями, поскольку в создавшихся ныне условиях их пришлось бы провести не только по живым телам, но и душам и сердцам многих и многих народов»¹.

Такого рода проекты не имеют каких-либо объективных оснований, поскольку между предлагаемыми к объединению образованиями нет серьезных территориальных, экономических и иных связей. К тому же

¹ Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М., 2011.

реализация подобных проектов приведет к дальнейшему проявлению недостатков национально-государственного строительства советского периода. Нельзя не согласиться с В.А. Тишковым, по мнению которого «попытки восстановить историческую справедливость приводят к новым несправедливостям уже в отношении современного населения. В рамках единого государства эти проблемы должны решаться на путях взаимного сотрудничества, свободы передвижения и проживания, развития экономических и гуманитарных связей, уважения индивидуальных и коллективных прав граждан»¹.

В настоящее время северокавказские республики представляют собой пример сообществ, в которых различные сегменты в лице этнонациональных общностей частично совпадают и пересекаются между собой, или, иначе говоря, здесь мы имеем сочетание территориальных и внетерриториальных сегментов. С этой точки зрения специфическая особенность Северного Кавказа состоит в том, что здесь в буквальном смысле перемешались народы и районы, коллективы и семьи. Это привело к возникновению целого комплекса новых проблем, что по сути делает практически невозможным рассматривать и решать проблему какой-либо одной национальности вне связи с другими народами, тем более нельзя их решать за счет других народов.

При оценке этих реалий необходимо учесть, что право каждого народа на самоопределение входит в противоречие с принципом сохранения территориальной целостности государства. Не случайным представляется тот факт, что, хотя ряд международно-правовых документов и включает специальные статьи, наделяющие этнические сообщества и народы правами на свободное развитие, они отнюдь не поощряют сепаратизм и расчленение государств по национальному принципу. Как указано, например, в «Декларации о принципах международного права, касающихся

¹ Пути мира на Северном Кавказе: независимый экспертный докл. под рук. В.А. Тишкова. – М., 1999. – С. 64.

дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г.», «при реализации права народа на самоопределение ничто не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов»¹.

Международные нормативно-правовые документы подчеркивают недопустимость использования ссылок на принцип самоопределения для подрыва единства государства и национального единства. Что касается насильственных форм и средств перекройки границ многонационального государства, то они, как правило, не только не решают национальный вопрос, а, наоборот, зачастую порождают новые, еще более трудные проблемы. Более того, как показывает опыт последних трех-четырех десятилетий, нередко такие попытки приводили к трагическими последствиями для самого этого народа, намерявшегося создать собственное моноэтническое государство.

Для такой многонациональной страны, как Россия, эти принципы имеют ключевое значение, поскольку от их неукоснительного соблюдения во многом зависит эффективность мер по блокированию возможных сепаратистских дезинтеграционных тенденций. Россия представляет собой конституционную федерацию, что исключает возможность выхода из ее состава какого-либо субъекта. Все это говорит о необходимости отказа от туманных и упрощенных трактовок идеи национального суверенитета и самоопределения народов, приведения их в соответствие с современными реальностями.

¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. URL: <http://www.terralegis.org/terra/act/b252.html> (дата обращения: 31.05.2013).

Завершая данную главу, со значительной долей уверенности можно утверждать, что, будучи частью так называемого «Мусульманского Севера», вероисповедные границы геополитического пространства Северного Кавказа простираются на Юге далеко за пределы Российской Федерации в Закавказье и дальше на Ближний и Средний Восток. Поэтому естественно, что тенденции развития исламского мира, происходящие там события и процессы в той или иной форме и степени отражаются на ситуации на Северном Кавказе, что, в свою очередь, оказывает влияние на отношения Российской Федерации с остальным исламским миром.

Серьезную угрозу национальной безопасности России на ее южных рубежах представляет политизированный исламский фундаментализм, который в последние два десятилетия получил заметное распространение во всех национальных республиках с мусульманским населением. Особенно большую угрозу государственному единству представляет слияние исламского фундаментализма вахабистского толка с этно-сепаратизмом. Необходимо учесть, что «дуга нестабильности», частью которой является Кавказ в целом, проходит по южным окраинам России по границе исламского и неисламского миров.

Одна из весьма серьезных угроз территориальному единству, суверенитету и национальной безопасности Российской Федерации таится в нерешенности этнонационального вопроса. Особо важное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности Российской Федерации имеет то, что этногеополитическое пространство Северного Кавказа в результате этнического смешения, внутренних и внешних миграционных потоков не имеет четко обозначенных границ. Они не заканчиваются на южной государственной границе Российской Федерации или северной границе закавказских государств, а простираются на территорию как Азербайджана и Грузии, так и Ближнего и Среднего Востока. В итоге, любое обострение ситуации в Закавказье самым непосредственным образом

отражается на положении дел в России. Более того, она оказывается автоматически вовлеченной в любые конфликты, например, между Грузией и Абхазией или между Южной Осетией и Грузией.

Этнонациональные противоречия и конфликты служат сильнейшим стимулятором обострения других противоречий и конфликтов. Об этом с особой очевидностью, не говоря о широкомасштабных пертурбациях, взорвавших регион в конце 80-х - первой половине 90-х годов минувшего века, свидетельствуют две чеченские войны, осетино-ингушский конфликт, а затем теракт в театральном центре на Дубровке в Москве 23-26 октября 2002 года, бесланская трагедия в 1-3 сентября 2004 года, грузинская агрессия против Южной Осетии в августе 2008 года и множество террористических актов.

Все это свидетельствует о том, что при продолжении неблагоприятного развития событий как в регионе, так и в целом в России, именно здесь могут появиться трещины в фундаменте новой российской государственности. Чтобы предпринять какие-то позитивные шаги с целью реального диалога с лицами, попавшими под влияние экстремистов, наряду с политической мудростью и опытом, нужны еще политическая воля и решимость. Практически полностью отсутствует дифференцированный подход к тем, кого причисляют к незаконным вооруженным или просто преступным группировкам. Вместе с тем, очевидно, что среди них есть разные люди, пришедшие на противоправный путь разными путями и по разным причинам. Как не без оснований отметил А. Хлопонин на встрече с журналистами трех региональных телекомпаний и газеты «Известия», сегодня нередко под террористов работают обыкновенные бандитские группировки, которые «пытаются прикрываться религией, чем угодно, хотя нередко преследуют банальные цели - передел собственности». За этим переделом «стоят зачастую чиновники, руководители разного уровня

правоохранительных органов, бизнесмены, используя вот этих всех людей для решения собственных задач»¹.

В этом контексте особенно опасными представляются призывы определенных групп к физическому уничтожению без суда и следствия лиц, причисляемых к террористам. Как показывает опыт, упор на такие методы, прежде всего на «чисто» силовую составляющую и желание напугать людей, приводят к обратному эффекту. Разумеется, приоритет политических методов регулирования ситуации на Кавказе не снижает роль силового противодействия преступности и тем более терроризму. Но имеющие место нарушения закона и прав человека, утрата доверия к правоохранительным органам всегда и везде неизбежно вытесняют часть людей за пределы правового поля на поиски безопасности и для восстановления справедливости.

¹ Известия, 31 мая 2010.

Глава 3. Приоритеты национальной и региональной безопасности в экономической и политической сферах

Для определения характера и конфигурации Северного Кавказа как пограничного внутреннего геополитического пространства Российской Федерации ключевое значение имеют экономическая и политическая составляющие. Более того, именно решение вопросов, связанных с ними, можно назвать определяющими приоритетами региональной и национальной безопасности Российской Федерации.

Значимость экономической составляющей для национальной безопасности России в целом и для самого региона в частности определяется тем, что от устойчивости экономики, динамизма ее развития в значительной мере зависят занятость, уровень и качество жизни населения, возможности нейтрализации конфликтов различных социальных групп, слоев, этносов и, соответственно, мир и социальная стабильность в обществе. Существенное значение с данной точки зрения имеют обеспечение и защита единства национального экономического пространства, создание благоприятных условий для обеспечения жизнеспособности и эффективного функционирования как экономики отдельно взятых регионов, так и национальной экономики, которые, дополняя и усиливая друг друга, служат материальной основой системы национальной безопасности.

Этот вопрос, в свою очередь, связан с природой и характером политических режимов региона, их состоянием и возможностями принятия стратегических решений, соответствующих реалиям, требованиям и проблемам, стоящим перед обществом, и способных внести должный вклад в дело обеспечения региональной и национальной безопасности Российской Федерации.

3.1. Общая характеристика экономики СКФО в контексте региональной и национальной безопасности

Экономическая составляющая дополняет и усиливает базовые характеристики национальной безопасности. Будучи частью системы национальной безопасности, экономическая безопасность одновременно составляет основу для формирования важнейших входящих в ее структуру элементов:

- военного;
- технологического;
- финансового;
- энергетического;
- продовольственного;
- информационного;
- экологического и др.

Надежная обороноспособность страны невозможна без обеспечения экономической безопасности. Здесь нельзя не согласиться с Н.А. Лопашенко, которая писала: «Прорехи в экономической безопасности прогрессивно сказываются на безопасности военной, создать которую могут только государства с сильной экономической и политической властью... Точно так же обстоит дело с безопасностью технологической, медицинской, информационной. Даже правовая безопасность, состоящая в создании реальных гарантий защиты личности, общества и государства от различных правонарушений и преступности, обеспечивается, в конечном счете, безопасностью экономической... В то же время справедливость требует признать, что экономическая безопасность невозможна в полной мере без безопасности правовой, политической, технологической, экологической и т.п.». ¹

¹ Лопашенко Н.А. Экономическая преступность как угроза экономической и иной опасности // Уголовное право, 2000. – №1.

В целом экономическая безопасность определяется состоянием национальной экономики, степенью насыщенности национального рынка товарами и услугами, в том числе импортными, степенью криминализации экономики, научно-технического потенциала, развитостью внешнеэкономических связей и т.д. Эти показатели могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние на характер и результаты функционирования национальной экономики, от которой зависят реализация и защита внутренних и внешних национально-государственных интересов.

Параметры и составляющие экономической безопасности, равно как и национальной безопасности в целом, постоянно трансформируются в зависимости от изменений во внутренней и внешней среде, а также требований, предъявляемых к конкурентоспособности национальной экономики на мировом и внутреннем рынках и т.д. С точки зрения обеспечения национальной экономической безопасности ключевое значение в современных условиях приобрели процессы глобализации и интернационализации мировой экономики. В этом русле уровень обеспечения национальной экономической безопасности в значительной степени зависит от состояния мировой экономики.

Если в течение предшествующей истории человечества главным инструментом выполнения этой функции считалась вооруженная мощь, то в нынешнем мире все более растущее значение приобретают иные составляющие мощи. В условиях глобализации и интернационализации мировой экономики информационные и телекоммуникационные, наукоемкие и энергосберегающие технологии стали определяющими факторами инфраструктуры безопасности и геополитического статуса страны в мировом сообществе. Получило популярность убеждение в том, что в деле обеспечения национальной безопасности на смену сдерживанию риска военного конфликта периода холодной войны приходит сдерживание риска экономического конфликта. Все чаще споры между государствами

решаются с помощью процентных ставок, курсов валют, конкурентоспособности национальной экономики на мировых рынках и т.д.

При этом было бы недопустимой ошибкой преуменьшить роль силы, в том числе оружия, в обеспечении национальной безопасности. Иначе говоря, экономическая мощь не отменяет, а дополняет вооруженную силу. От военного и военно-технологического потенциала государства продолжают зависеть его стабильность и положение в современном мире, степень и эффективность обеспечения национальной безопасности. Но от состояния экономики зависят характер и возможности мобилизации внутренних ресурсов для обеспечения национально-государственного суверенитета и национальной безопасности.

Национальная экономика представляет собой открытую систему, которая может более или менее эффективно функционировать лишь в тесном взаимодействии с мировой экономикой. В то же время она теснейшим образом связана с реальным положением внутри страны, которое определяется множеством национально-культурных, социальных, природно-географических, этнонациональных, политико-культурных и иных факторов. Поэтому очевидно, что обеспечение национальной экономической безопасности предполагает противодействие как внешним, так и внутренним угрозам, в совокупности создающим опасность для жизненно важных экономических интересов государства. Речь идет о способности национальной экономики сохранять свою целостность и эффективность, оперативно приспосабливаться к динамичным и постоянно изменяющимся условиям внешней и внутренней среды, своевременно реагировать на вызовы времени. Естественно, экономическая безопасность государства обеспечивается, прежде всего, путем разработки и реализации политики противодействия внешним угрозам.

Однако в современных условиях, как уже отмечалось, не менее важны внутренние конфликты и угрозы, порождаемые сокращением базового потенциала национальной экономики, слабостью, неразвитостью и

неструктурированностью важнейших институтов рыночной экономики; падением уровня жизни населения, ростом безработицы и инфляции; коррупцией и криминализацией экономики и так далее, в совокупности ведущие к социальной и политической нестабильности в стране, ослаблению ее геополитических позиций в мире. В этом же ряду можно назвать несовершенство законодательной базы и государственной экономической политики, рэкет, в том числе государственный и чиновничий, вымогательство и т.д.

С точки зрения национальной экономической безопасности России одним из наиболее слабых звеньев остается экономика Северного Кавказа. Действительно, в регионе ситуация осложняется наличием комплекса трудноразрешимых социальных проблем. В их числе низкий жизненный уровень значительной части населения, кризисное состояние здравоохранения, системы социального обеспечения, образования, избыток трудоспособного населения и другие, связанные с ними и порождаемые ими проблемы.

Согласно статистическим данным, республики Северного Кавказа входят в число самых неблагополучных субъектов Российской Федерации по таким показателям как высокий уровень безработицы при низком уровне денежных доходов на душу населения и средней зарплаты. К примеру, по показателю валового регионального продукта (ВРП) на душу населения Дагестан занимает 79-е место, т.е. одно из последних в России. Уровень ВРП в расчете на одного жителя здесь ниже среднего по стране в 3,19 раза. А доля трансфертов из федеральной казны в местном бюджете составляет 72,9 %¹. Не лучше положение большинства других национальных республик.

По рейтингу качества жизни, составленному РИА «Новости», по такому показателю как состояние социальной инфраструктуры Республика Дагестан занимает 80-е место среди 83-х регионов страны. По данным за 2012 год, по обеспеченности амбулаторно-поликлиническими учреждениями

¹ Независимая газета. 30 ноября 2009.

на 10 тысяч населения Республика находится на последнем месте. Причем, 65% существующих медицинских учреждений находятся в аварийных зданиях. По критерию несоответствия санитарно-гигиеническим требованиям, довольно большое число участковых больниц, амбулаторий, фельдшерско-акушерских пунктов, прежде всего, в горных районах и отдаленных равнинных пастбищах работает без лицензии на право ведения медицинской деятельности¹.

Согласно имеющимся данным, в СКФО весьма высок процент лиц, живущих на иждивении. В ходе переписи населения 2010 года таковыми назвали себя около 40% опрошенных. Как отмечал руководитель Росстата А. Суринов, «структура источников средств к существованию населения округа отличается от среднероссийской за счет более высокого процента жителей, указавших такие источники, как иждивение, различные пособия. Если в округе 38% населения назвали одним из источников средств к существованию иждивение, помощь других лиц или алименты, а 25% – пособия, включая пособие по безработице, то в среднем по России таких людей соответственно 28% и 9%»².

При этом необходимо учесть, что республики, особенно горные и предгорные районы, ограничены в своих возможностях для современного эффективного хозяйствования. «Северокавказское горное село, - писал В.А. Тишков, - застряло между традиционным полунатуральным хозяйством и коллективистской формой организации советского образца. Обе не отвечают современным условиям, а главное - запросам сельских жителей. Горы и предгорья скромно прокормить могут, но на современные телевизоры, холодильники и машины этих доходов не хватит, если это не хорошо налаженное традиционное художественное ремесло, которое может приносить неплохие доходы»³. Значительная часть сельского населения

¹ Джамбулаев Дж. ФАП – атрибут сельской жизни // Дагестанская правда, 3 апреля 2013.

² Северный Кавказ: итоги переписи // Дагестанская правда, 5 апреля 2012.

³ Тишков В.А. Вперед, назад или в никуда? Северный Кавказ: проблемы и политика // Независимая газета, 22 января 1998.

выживает за счет натурального хозяйства, пенсий и пособий, переводов родственников, работающих в других регионах Российской Федерации, или же занимается отходничеством и/или челночными выездами на заработки в другие регионы.

В этом плане немаловажную роль играет малоземелье, которое является исторически сложившейся проблемой большинства горских народов Северного Кавказа. Здесь весьма остро стоит вопрос нехватки пригодных к использованию для сельскохозяйственных нужд земельных ресурсов, что объективно обостряет этнотерриториальную конфликтность. Не случайно сложный ландшафт стал причиной распространения в регионе террасного земледелия, кочевого скотоводства, что нельзя назвать благоприятным фактором модернизации экономики региона.

Чтобы в полной мере представить себе значимость этого фактора следует учесть, что на всем Северном Кавказе с незапамятных времен те или иные территории, имеющие более или менее ярко выраженную природно-географическую специфику и заселяемые в разное время различными народами, приобретали этнокультурную индивидуальность.

По данным переписи 2010 года, для СКФО остается характерной традиционная высокая рождаемость. Доля населения СКФО в общей численности населения России выросла за период с 1990 г. по 2010 г. с 5,1 до 6,6 %¹, а по сравнению с 2002 г. - на 5,5% и составила 9,4 млн. чел. 2 млн. 910 тыс. из них приходятся на Республику Дагестан. Эта тенденция характерна для всех субъектов округа, за исключением Кабардино-Балкарии и Ингушетии. Если в Кабардино-Балкарии миграционный отток превысил естественный прирост (на 4,6%), то в Ингушетии, где имел место заметный естественный прирост населения, сокращение общей численности населения объясняется выездом в другие регионы Российской Федерации в межпереписный период 2002–2010 годов лиц, поселившихся здесь во время

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат.сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 56, 60, 62.

двух чеченских войн из соседней республики¹. В регионе значительно больше, чем в среднем по Российской Федерации многодетных семей. Здесь в составе 21% семей трое и более детей моложе 18 лет, а в Республике Ингушетия и Чеченской Республике – соответственно, – 47% и 41%, в то время как в Российской Федерации в целом - 6% семей².

При этом важно учесть, что в пяти республиках Северокавказского Федерального округа, по имеющимся данным, преобладает сельское население. В период 1991-1999 годов наблюдалась тенденция к росту численности сельского населения за счет переселения из городов. Хотя, начиная с 2000 года, она снова стала сокращаться, тем не менее, в СКФО в целом сохраняется превышение удельного веса сельского населения над городским³. Если в 1990 году на селе проживало 47,6 % населения СКФО, то в 2010 - 50,9%⁴.

О реальном положении дел в этой сфере наглядное представление можно составить на основе следующих данных.

Удельный вес сельского населения в субъектах Северокавказского Федерального округа в тыс. чел. и в %⁵.

	1959	1995	2010	2011	2012	1959	1990	2001	2012
РФ	55923	40138	38209	37444	37314	47.6	26.4	26.8	26.1
РД	748	1255	1578	1597	1608	70.4	56.5	57.6	54.9
РИ ...	185	294	256	262	...	75.1	57.4	60.8	
КБР	254	336	393	392	393	60.5	39.1	43.4	45.7

¹ Северный Кавказ: итоги переписи // Дагестанская правда, 5 апреля 2012.

² Там же.

³ Мусаева Л.З., Шамилев С.Р., Шамилев Р.В. Особенности расселения сельского населения субъектов СКФО // Современные проблемы науки, 2012. – №5. URL: www.science-education.ru/105-6914 (дата обращения: 03.06.2013).

⁴ Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России, 2011: Стат.сб. Росстат. – М., 2011. – С. 58.

⁵ Приведено по: Мусаева Л.З., Шамилев С.Р., Шамилев Р.В. Особенности расселения сельского населения субъектов СКФО // Современные проблемы науки, 2012. – №5. URL: www.science-education.ru/105-6914 (дата обращения: 03.06.2013).

КЧР 219 230 242 270 270 76.8 51.1 56.2 56.9

РСОА 213 205 250 258 256 47.2 30.8 33.8 36.1

ЧР 416 752 806 830 848 58.6 56.1 66.5 65.1

СКФО 2933 4201 4729 4795 4823 64.7 49.1 50.9 50.8

Согласно этим данным, в 2012 году доля сельского населения в Республике Дагестан составляла 54.9% от общей численности населения, Республике Ингушетия – 60.8%, Карачаево-Черкесской Республике – 56.9%, Чеченской Республике – 65.1%, в СКФО в целом 50.8%. Следовательно, в пяти республиках большинство населения составляют сельские жители.

При этом важно учесть, что большая часть сельского населения проживает на территориях с весьма слабо развитой транспортной инфраструктурой. Фактором, негативно влияющим на положение дел в СКФО, является то, что «система расселения сельских поселений характеризуется разрежением, деградацией, депопуляцией, утратой функционального и типологического многообразия, что сужает выбор мест жительства и ведет к деградации культурного пространства»¹.

Во многом наряду с целым комплексом других факторов эти реалии обуславливают то, что аграрный сектор Северокавказского федерального округа не в полной мере обеспечивает функцию поставщика продовольствия на местные, региональные и общероссийские рынки. Так, если в 2010 году в Российской Федерации в целом доля импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья составляла всего 15,9%, то в СКФО в целом – 30,3%, в том числе, Республике Дагестан - 71,8%, Республике Ингушетия - 2,8%, Кабардино-Балкарской Республике – 14,4%, Карачаево-Черкесской

¹ Приведено по: Мусаева Л.З., Шамилев С.Р., Шамилев Р.В. Особенности расселения сельского населения субъектов СКФО // Современные проблемы науки, 2012. – №5. URL: www.science-education.ru/105-6914 (дата обращения: 03.06.2013).

Республике - 5,1%, Республике Северная Осетия-Алания – 28,4%, Чеченской Республике – 35,0%, Ставропольском крае - 14,6%¹.

Занятость населения остается одной из весьма жгучих проблем, в первую очередь, для молодежи. Экономическая активность населения в центральных и восточных республиках СКФО в период с 2002 по 2010 год выросла на 7,6% за счет увеличения занятости до 49,8% населения в возрасте 15–64 лет. Но эта активность сохраняется на уровне заметно ниже, чем в среднем по России. «Если в России доля экономически неактивного населения, не занятого и не ищущего работу, составляет 26,3% населения в возрасте 15–64 лет, - констатировал глава Росстата, - то в СКФО доля экономически неактивного – 32,1%»². Доля безработных в этой группе населения сохраняется на уровне 18,1% против среднероссийского показателя 6,5%. Причем эти цифры составляют в Ингушетии – 42,4% и в Чечне – 40,2%.

Особенно остро стоит проблема занятости в сельских районах. Уровень безработицы в сельской местности во всех национальных республиках региона превышает среднероссийский уровень³.

Уровень безработицы в СКФО в 2010 году:⁴

Город село

Российская федерация 6,4% 10,8

Северо-Кавказский федеральный округ 13,8 20,3

Республика Дагестан 13,2 16,0

Республика Ингушетия 49,3 50,1

Кабардино-Балкарская Республика 11,2 14,8

Карачаево-Черкесская Республика 5,8 14,2

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат.сб./ Росстат. – М., 2011. – С. 982, 983, 985, 986.

² Северный Кавказ: итоги переписи // Дагестанская правда, 5 апреля 2012.

³ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011. Стат.сб./ Росстат. – М., 2011. – С. 156-157.

⁴ Там же.

Республика Северная Осетия- Алания 9,1 10,9

Чеченская Республика 40,0 44,7

Ставропольский край 5,7 8,4

Для Ингушетии, Чечни и Дагестана безработица стала одной из ключевых проблем.

В силу этих факторов, согласно официальным данным, децильный коэффициент – разница в доходах между 10 % самых богатых и 10 % самых бедных в регионе выше, чем в России (около 15 раз) в целом, и составляет цифру около 20-25¹.

О трудном положении СКФО свидетельствует тот факт, что в регионе по сравнению с другими субъектами Федерации высокий уровень дотационности: большинство республик живут исключительно за счет федерального бюджета. Так, дотации Ингушетии в 2009 г. перекрыли собственные доходы республики в 11 раз. Всего в кризисный год из бюджета в эти регионы было перечислено 170 млрд. руб.

Вместе с тем, в свете муссирования в средствах массовой информации и в определенных общественных и политических кругах данной проблемы исключительно применительно к национальным республикам Северного Кавказа, нужно внести некоторую ясность.

В настоящее время дотации из федерального бюджета получают 70 из 80 субъектов РФ. Следовательно, подавляющее большинство субъектов, в которых проживает 74,2% населения, являются убыточными². Даже г. Москва и г. Санкт-Петербург, а также Тюменская, Липецкая области и др. субъекты федерации Российской Федерации, в общей сложности 16 из самых благополучных в экономическом отношении считающихся недотационными или донорами, в 2006 году имели в консолидированных

¹ Вычисления на основе экспертных оценок и данных из: Регины России: стат. сб. 2008. – С. 165, 174.

² 20 самых дотационных регионов России. 02/11/2011. URL: <http://www.online812.ru/2011/11/02/006/> (дата обращения: 03.06.2013).

доходах своих бюджетов менее 10% федеральных средств, а 37 субъектов - от 10% до 30%, бюджеты Приморского и Ставропольского краев, Чувашской Республики и Республики Саха (Якутия), Псковской, Ульяновской, Амурской, Ивановской, Брянской, Тамбовской областей – более 30%, Алтайского края, Республик Марий Эл, Бурятия и Калмыкия, Чукотского АО, Пензенской, Курганской, Магаданской, Читинской областей, Камчатского края, Еврейской АО - от 40% до 60%, Республики Северная Осетия-Алания, Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария - более 60%, Республик Тыва, Дагестан, Алтай - более 70%, Чеченская Республика и Республика Ингушетия - более 80%¹.

Очевидно, что в число дотационных субъектов входит также немало «русских» областей и краев². Причем в число субъектов, в бюджетах которых доля федеральных дотаций (из Федерального фонда финансовой поддержки субъектов Российской Федерации) составляет примерно 50% и более, входят Амурская, Ивановская, Псковская, Магаданская области, Камчатский и Алтайский края и другие субъекты.

Приведенные выше данные действительно отражают реальное положение вещей в большинстве национальных республиках Северного Кавказа. На их основе создается образ бедного и даже нищего региона, охваченного нестабильностью, этнической криминализацией, сепаратизмом и политическим терроризмом. Причины, лежащие в основе терроризма и организованной преступности, значительно сложнее и многообразнее. Что касается бедности, то ее на Северном Кавказе несколько не больше, чем в большинстве остальных регионов страны, тем более в центральных областях России и южно-сибирских автономиях.

¹ Рейтинг дотационности регионов РФ - ожидает ли Россию изменение политики межбюджетных отношений? // REGNUM, 23.01.2007. URL: <http://www.regnum.ru/news/771063.html> (дата обращения: 03.06.2013).

² Христенко В.Б. Межбюджетные отношения и управление региональными финансами: опыт, проблемы, перспективы. – М.: Дело, 2002. – С. 491-492.

Как представляется автору, уровень и условия жизни в регионе следует оценивать не только по данным официальной статистики, но и с учетом возможностей их добывания иными путями, нежели такими, которые не фиксируются официальной статистикой. На Северном Кавказе таких путей множество, например вылов осетровых, разного рода промыслы, частное хозяйство. В условиях развала и потенциальной недееспособности значительной части экономики произошло возрождение традиционных форм ведения хозяйства.

Существенную роль играют различные формы теневой экономики, которая в регионе приобрела весьма широкий масштаб. Следует отметить, что теневая экономика существует практически во всех странах, в том числе индустриально развитых демократических странах современного мира. Определение действительных масштабов теневой экономики весьма трудное дело. Все же, согласно имеющимся данным, удельный вес незаконной экономической деятельности составляет от 5-6 % в Канаде, Франции и Норвегии и до 8-17 % в Швеции и США. По другим данным, в наиболее развитых странах Западной Европы на теневую экономику приходится до 10-20% ВВП. В иных странах эта цифра составляет 40-50%. Наибольших масштабов теневой сектор экономики достиг в развивающихся странах - от 62 в Панаме до 76 % от официального ВВП в Нигерии. Более того, применительно к большинству развивающихся стран говорят о существовании «параллельной», или «второй» экономики, ненамного уступающей по масштабу экономике официальной.

По одним данным, в России масштабы теневой экономики составляют от 20 до 40% ВВП, по другим - примерно 20-25% ВВП. Учитывая большую нераскрываемость теневой экономической деятельности, эту цифру, по-видимому, нельзя считать слишком преувеличенной. По подсчетам ряда специалистов, в теневом секторе действуют десятки тысяч предприятий разных форм собственности.

Еще с советских времен Юг России отличался наибольшим распространением теневой экономики и высоким уровнем коррупции органов власти. Переходный период фактически легализовал эту систему. На Северном Кавказе цифры по теневой экономике просто зашкаливают. По некоторым данным, во второй половине 1990-х гг. в экономике региона теневой капитал составлял 70% его совокупного ВРП. Это положение мало изменилось в следующем десятилетии. Как заявил, будучи на тот момент президентом Республики Дагестан, М.Г. Алиев в своем выступлении на региональном совещании «О влиянии криминогенных процессов и тенденций в экономике и на финансовом рынке Республики Дагестан на состояние экономической безопасности региона», «масштабы теневого сектора экономики в Дагестане составляют более 50% при среднероссийских 20-25%. Около 40% занятого населения в республике приходится на неформальный сектор. Понятно, что такой высокий уровень теневой экономики порождает широкомасштабные процессы легализации этих доходов, в том числе полученных преступным путем»¹. По данным С.М. Маркедонова, спустя два года ситуация продолжала оставаться тревожной².

Теневая экономика порождается множеством факторов. Обще-признанно, что экономическая преступность возникает тогда, когда существует возможность получать высокие и сверхвысокие доходы, осуществляя тот или иной вид экономической деятельности с нарушением действующего в государстве законодательства. Очевидно, что теневая экономика теснейшим образом связана с состоянием легальной экономики и в определенном смысле является ее отражением. Чем хуже это состояние, тем больше масштабы теневой экономической деятельности.

¹ Дагестанская правда, 13 июля 2006.

² Маркедонов С.М. Безопасность России на Северном Кавказе после признания Абхазии и Южной Осетии. URL: <http://www.apn.ru/publications/article20722.htm> (дата обращения: 03.06.2013).

Как показывает мировой опыт, широкомасштабные общественные трансформации, особенно сдвиги, связанные с переходом к рыночной экономике и политической демократии, сопровождаются усилением социальной и политической нестабильности, ухудшением материального положения широких слоев населения. Это создает благоприятные условия для развития нелегальных, несанкционированных, неофициальных форм экономической деятельности, в том числе экономических преступлений. Среди других факторов, благоприятствующих нелегальным видам экономической деятельности, можно назвать высокие налоги и низкий уровень жизни населения; коррумпированность контролирующих и правоохранительных органов; низкий уровень благосостояния граждан, толкающий малообеспеченных категорий населения к участию в нелегальном бизнесе, и др.

Теневая экономика представляет собой сложный феномен, состоящий из совокупности видов экономической деятельности, которая осуществляется в рамках и наряду с узаконенной, легальной экономикой. В этой сфере различают «серый» и «черный» секторы. Под серой понимается экономика, не подотчетная официальным государственным органам и уклоняющаяся от уплаты налогов государству, но не обязательно и не всегда являющаяся преступлением. Речь идет об экономической деятельности в легальном секторе в рамках закона, но получаемые при этой деятельности доходы с помощью разного рода ухищрений выводятся из-под контроля, уводятся в тень, скрываются от налогообложения. В структуру официальной экономики встраиваются теневые отношения, связанные с официальным статусом их участников. Вполне возможно сочетание нелегального бизнеса, где зарабатываются большие деньги, и легального бизнеса, где эти деньги отмываются.

Что касается «черной» экономики, то, как правило, в ней выделяют так называемую криминальную экономику, под которой понимается экономическая деятельность, связанная с добыванием средств путем

грабежей, разбоев, краж, мошенничества, вымогательств и т.д. Теневая экономика, даже когда она не является в полном смысле незаконной, некоторыми своими гранями сопряжена с правонарушениями и смыкается с противоправными деяниями, т.е. легко может перейти в разряд криминальной. В силу того что значительная часть коммерческой деятельности организованных преступных групп связана с экспортом стратегических материалов и военного оборудования, государство лишается части ресурсов и важных источников дохода.

В сфере незаконной экономики выделяются следующие формы: наркобизнес, нелегальная торговля оружием, контрабанда драгоценных металлов, камней и стратегического сырья, мошенничество, рэкет, киллерство, сутенерство, угон автомобилей и последующая их продажа, взяточничество, коррупция и т.д. Противоправная экономическая деятельность может осуществляться в форме так называемого лжепредпринимательства, предполагающего создание вполне законной по форме коммерческой организации, но не с целью осуществления предпринимательской деятельности, а для прикрытия запрещенной законом деятельности, получения кредитов, освобождения от налогов и т.д. Имеет место высокий теневой оборот нефтепродуктов - контрафактной продукции, суррогатов, производимых кустарным способом, а также нефтепродуктов с военных объектов.

По мнению некоторых аналитиков, доходы теневой экономики в регионе значительно превышают государственные дотации.

Кроме того, имеют место процессы усиления межрегионального и транснационального характера экономической преступности, что в частности проявляется в использовании внешнеэкономических связей с целью легализации незаконных доходов. В этом плане серьезную угрозу экономической безопасности представляют этнические преступные группировки, имеющие более или менее хорошо наложенные связи с представителями соответствующих диаспор за рубежом. В приграничных

районах Северного Кавказа организованные преступные группы нередко выступают в союзе с экстремистскими группами, преследующими политические цели.

Теневая экономика не стоит на месте, она постоянно меняет направления и номенклатуру своей деятельности в зависимости от изменения потребительского спроса и конъюнктуры рынка. Она довольно быстро приспосабливается к новым видам, формам и методам предпринимательской деятельности. Об этом свидетельствуют, например, факты активного использования «теневиками» новейших информационных технологий, рост компьютерной, сетевой преступности, хищения денежных средств с использованием поддельных банковских документов, фальсификация ценных бумаг и т.д.

Об обоснованности этих доводов свидетельствует, например, тот факт, что некоторые северокавказские республики стали одним из центров производства и распространения по всей территории Российской Федерации фальшивых денег. Соответственно, растет необходимость активизации борьбы правоохранительных органов с фальшивомонетчиками.

Как сообщала «Российская газета», в середине августа 2010 года полиция провела крупную операцию по задержанию фальшивомонетчиков, которые пытались подменить в одном из московских коммерческих банков крупную партию денег до 50 млн. рублей. По данным газеты, мошенники были способны печатать такую сумму денег, используя мощности подпольного производства. Были проведены десятки обысков в Дагестане, Москве, Московской и Волгоградской областях, в ходе которых изъято более 16 млн. фальшивых рублей, а также «печатное оборудование, станки для нанесения водяных знаков, заготовки для производства поддельных денег номиналом в пять и одна тысяча рублей, огнестрельное оружие, поддельные печати территориальных подразделений ФМС. Ликвидированы

четыре линии для производства поддельных денег, две из которых располагались в Москве»¹.

В процессе расследования данного дела обнаружилось, что шайку фальшивомонетчиков «крышевали» сотрудники правоохранительных органов Республики Дагестан, где находилась их главная база. Более того правоохранители обеспечивали им безопасный проезд на территории Северокавказского региона и помогали сбывать фальшивки в других регионах, например, Центральном, Северо-Западном, Сибирском, Приволжском и Южном Федеральных округах. Часть фальшивых денег выделялись экстремистским организациям и группировкам Северного Кавказа².

Во втором полугодии 2012 года в Дагестане было задержано 7 человек, изъято 5 комплектов печатного оборудования и фальшивых денег на сумму 6,5 млн. рублей. Еще двое были задержаны в Московском регионе³. Крупная сеть фальшивомонетчиков, которая действовала в Москве и Республике Дагестан, была раскрыта в декабре 2012 года. Как отмечали в МВД Российской Федерации, группировка была в состоянии изготавливать до 40 млн. рублей в месяц⁴. По данным правоохранительных органов, за 12 месяцев 2012 года на территории Карачаево-Черкесской Республики было зарегистрировано 34 преступления, связанных со сбытом фальшивых денежных купюр и ценных бумаг, из которых было раскрыто 4⁵. Это лишь малая часть выявленных в этой сфере преступлений.

Существенное влияние на ситуацию в большинстве национальных республик оказывают характер, формы и методы реализации экономических

¹ Российская газета, 13 августа 2010 г.

² Там же.

³ В Москве и Дагестане раскрыта крупнейшая в России сеть по производству фальшивых денег, 18 декабря 2012. URL: http://isroil.info/set/news_set/kavkaz/2697 (дата обращения: 03.06.2013).

⁴ Разоблачена крупнейшая сеть по производству фальшивых денег. 18.12.12. URL: http://www.topnews.ru/news_id_54933.html (дата обращения: 03.06.2013).

⁵ Осторожно: фальшивые деньги! 24.01.2013. URL: <http://07kbr.ru/2013/01/24/ostorozhno-falshivye-dengi/> (дата обращения: 03.06.2013).

преобразований. Об обоснованности этих доводов свидетельствуют формы и методы, использовавшиеся при первоначальном накоплении капитала многими теперешними лидерами российского бизнеса. Речь идет в частности о злоупотреблениях при распределении и перераспределении ресурсов; пренебрежении морально-этическими и юридически-правовыми нормами; уклонении от налогов и т.д.

Большую роль в этом плане сыграли те формы, в которых в национальных республиках были проведены экономические реформы. В частности, капитализация экономики, приватизация предприятий, протекавшая здесь с явными нарушениями федерального законодательства, элементарных норм права и морали, стали одной из немаловажных причин затянувшейся стагнации производства и роста социальной нестабильности.

Более того, в многонациональных или полиэтнических республиках приватизация зачастую проводилась на этнической основе, распределение собственности шло по клановым, национальным и прочим принципам, не имеющим ничего общего с интересами подавляющей части населения, коллективов предприятий, потребителей или государства¹.

В регионе близость к власти не просто гарантирует благополучие. Зачастую выжить здесь может только бизнес, достаточно приближенный к власти. В большинстве, если не во всех республиках практически невозможно начать свое дело, не являясь членом определенного клана, тейпа, группировки. В результате в регионе предпринимательская деятельность сопряжена с разного рода рисками, вплоть до риска для жизни тех, кто пытается заниматься ею. Малый и средний бизнес ограничен множеством административных барьеров².

Одной из самых тревожных тенденций социально-политического развития Северного Кавказа является фактическая монополизация

¹ Липина С. Социальные корни криминализации экономики регионов Северного Кавказа. Материалы международного научно-практического семинара. – М.: Издание Гос. Думы, 2009. – С. 22-60.

² Липина С. Цит. соч.

принадлежавшей ранее государству собственности представителями отдельных этнических групп. Такая монополизация привела к практическому лишению представителей отдельных народностей, особенно малочисленных, своей доли экономического пирога. Реальностью стала резкая социальная дифференциация, частью которой является возникновение бедных и богатых народностей. Масштабы социального расслоения и разрыв в доходах различных категорий населения достигли опасно высокого уровня.

Официальные власти либо сами вовлечены в мафиозно-клановый водоворот дележа материальных благ, либо демонстрируют свою вопиющую неспособность в борьбе с этим явлением. 10 июля 2008 г. в своем послании Народному Собранию Республики Дагестан тогдашний президент М. Алиев довольно нелицеприятно оценил деятельность правоохранительных структур республики: «Они не сделали правильных выводов из критики в свой адрес в предыдущих посланиях Народному Собранию. По данным статистики, произошло заметное ослабление борьбы с экономическими преступлениями, значительно снизилось число выявленных фактов должностных преступлений, взяточничества. Коррупционные преступления, совершаемые организованными преступными группами, практически не раскрываются. Это вызывает большую тревогу в обществе»¹.

В России уже стало правилом, что частный бизнес не может развиваться без корыстного участия чиновников. В этой сфере чиновники разных уровней по сути дела превратились в своего рода рэкетиоров. Немаловажное значение с рассматриваемой точки зрения имеет тот факт, что разномастные преступные и террористические группировки в буквальном смысле слова облагают собственным налогом крупных бизнесменов и богатых чиновников. Множество фактов, подтверждающих это, отмечается в Дагестане, Ингушетии и других республиках.

¹ Маркедонов С.М. Безопасность России на Северном Кавказе после признания Абхазии и Южной Осетии. URL: <http://www.apn.ru/publications/article20722.htm> (дата обращения: 03.06.2013).

Очевидно, что теневая экономика и пронизывающая все сферы общества коррупция способствуют деформации структуры платежного оборота и кредитных отношений, росту инфляции, увеличению инвестиционных рисков и т.д. Манипуляции с валютой, связанные с отмыванием незаконно нажитых средств, могут негативно отразиться на обменных курсах валют; перевод крупных финансовых средств за рубеж и так далее может затруднить или нарушить деятельность национальных финансовых институтов, что в свою очередь только усилит нестабильность национальной экономики.

Необходимо признать, что в регионе законопослушание пока что не стало общепринятым правилом в сфере экономики. В правилах игры нередко используется так называемое теневое право, которое обесценивает официальное право и, соответственно, вносит дополнительную лепту в расширение теневого сектора экономики. Иначе говоря, теневая экономика тесно связана с преступностью, питает ее и провоцирует постоянное обострение криминогенной обстановки¹.

Теневизация в сфере экономики связана также с бытовой коррупцией, феноменом легитимации взяток и откатов в массовом сознании. В этом плане регион более подвержен подобному социальному криминалу в силу неконсолидированности общественного мнения и фрагментарности местных обществ. Такие общества характеризуются деформированной социально-экономической структурой, высоким уровнем коррупции, слабостью государственного аппарата.

Федеральные дотации и субсидии частично снимают напряжение в обществе, но провоцируют конкуренцию за доступ к ресурсам между различными кланами, влиятельными олигархическими структурами.

¹ Отчет о научно-практическом семинаре, проведенном Комитетом Государственной Думы Российской Федерации по безопасности и Национальным Антикриминальным и Антитеррористическим Фондом на тему: «Организованная преступность и экономика страны». URL: www.komitet2-16.km.duma.gov.ru/file.xp?idb=892222&fn (дата обращения: 03.06.2013).

Соответственно, растет число преступлений на почве борьбы за доступ к ресурсам.

3.2. Перспективы вывода экономики региона на новый уровень развития

Все изложенное выше отражает лишь одну сторону рассматриваемой проблемы. Однако существует и другая сторона. Так, по показателям масштабов строительства частных жилых домов, количества автомобилей на тысячу человек, доходов с частных хозяйств, уровня рождаемости, числа студентов на тысячу человек и так далее, северокавказские республики занимают одно из первых мест в Российской Федерации. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., «средние размеры жилья на человека в этом регионе заметно выше, чем в России в целом; вторая квартира есть у 3,5% россиян, в Москве таких 5,3 %, на Северном Кавказе - 6,2%»¹. Достаточно упомянуть, что продолжительность жизни в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии находится на уровне средне- и даже высокоразвитых стран Европы и превышает общероссийский показатель на 7-11 лет.

Важно учесть и фактор, на который обратил внимание В.А. Тишков. По его мнению, «выходцы из Северного Кавказа по своим навыкам и психологии оказались более подготовленными к рыночным реформам и к свободному стилю жизненного поведения»². Еще в советские времена выходцы из Северного Кавказа демонстрировали высокую социальную и территориальную мобильность, более высокую мотивированность и установку на успех в сфере предпринимательства³. По имеющимся данным,

¹ Тишков В.А. Кризис понимания России // Этнографическое обозрение Online. Март 2005. URL: <http://journal.iea.ras.ru/online> (дата обращения: 03.04.2013).

² Тишков В.А. Вперед, назад или в никуда? Северный Кавказ, проблемы и политика. URL: http://7gods.ru/about/Vpered_nazad_ili_v.html (дата обращения: 03.04.2013).

³ Там же.

в регионе доля тех, кто занят в частном бизнесе, включая индивидуальных предпринимателей, выше, чем в целом по России. Определенная часть официально считающихся безработными граждан национальных республик занята в теневой экономике.

Для решения стоящих перед ними проблем северокавказские республики располагают всеми необходимыми ресурсами: запасами железных, медных и хромовых руд, хлоридами, фосфоритами, асбестом и прочими ископаемыми. Однако их освоение не доведено до должного уровня. Ключевое место среди них занимают углеводородные ресурсы, нефть и газ, прежде всего в Чечне и Дагестане. Причем, чеченская нефть считается одной из лучших в СНГ и пригодна для производства авиационных масел. В целом ежегодное производство нефти в Дагестане составляет 360 тыс. тонн, газа - 780 млн. кубометров.

Суммарная потенциальная мощность гидроэнерготехнических ресурсов самой крупной республики Северного Кавказа – Дагестана составляет 6,3 млрд. кВт. Порт дагестанской столицы Махачкалы – единственный незамерзающий порт России на Каспии.

В регионе невооруженным глазом заметен высокий природный потенциал. В Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Дагестане, регионе Кавказских Минеральных Вод Ставропольского края имеются все возможности для развития рекреационных ресурсов международного значения. Этот потенциал, по мнению Института региональной политики, можно использовать для строительства в СКФО горнолыжных курортов. В свою очередь, развитие горнолыжных курортов поспособствует бурному развитию гостиничного и ресторанного бизнеса, а также транспортной инфраструктуры.

Высокий удельный вес сельского населения в Северокавказском федеральном округе не только накладывает негативный отпечаток на социально-трудовые условия жизни, но при более высоких темпах развития промышленности, транспортного комплекса, строительства в курортной зоне

может явиться резервом рабочих кадров для соответствующих отраслей экономики, что в свою очередь потребует разработки программ межтерриториальной трудовой миграции в пределах округа.

В этом направлении большие надежды на оздоровление экономической ситуации возлагаются на эффективность созданного Северо-Кавказского федерального округа и назначение полпредом Президента Российской Федерации в регионе удачливого бизнесмена и действовавшего в тот период губернатора Красноярского края А.Г. Хлопонина. Нет сомнений в том, что перед ним поставлена весьма трудно разрешимая задача. По этому поводу сам Хлопонин после своего назначения заявил: «Я не знаю ни одного человека в мире, который бы дал сейчас рецепт, как сделать так, чтобы на Кавказе все вдруг стало хорошо»¹.

Важно подчеркнуть, что в экономическом отношении каждая из северокавказских национальных республик в большей степени заинтересована в расширении тесных связей скорее с остальными регионами Российской Федерации, нежели с другими национальными республиками Северного Кавказа. Здесь решающую роль играет тот факт, что экономики этих республик, которые исторически сложились как механическое соединение различных, весьма слабо или вовсе не связанных между собой предприятий, большей частью не дополняют друг друга, а, наоборот, производя схожую продукцию, конкурируют друг с другом. В экономике региона слишком велика доля традиционных отраслей с низкой рентабельностью производства.

В этом направлении для республик ключевое значение имеет определение своего реального места в хозяйственной системе Российской Федерации, приоритетных направлений социально-экономического развития, реформирования системы производственных отношений, создания

¹ Южный федеральный. Хлопонин спасет Северный Кавказ особыми зонами и курортами? Комментарии. URL: http://www.u-f.ru/ru/Archive/2010/2/6/Article/ID_24729 (дата обращения: 08.05.2013).

действительной рыночной инфраструктуры. Одной из важнейших проблем региона является недостаточная готовность, и даже можно сказать, неготовность к социально-экономической модернизации. Тем не менее, именно модернизация существующих и создание новых предприятий, оснащенных передовыми технологиями, с учетом производственного и управленческого опыта, накопленного в наиболее продвинутых в социально-экономическом развитии регионах России, имеет ключевое значение. Немаловажную роль играет также хозяйственная специализация, призванная обеспечить разделение труда между отдельными субъектами и районами Северного Кавказа и их взаимодополняемость. Особое значение приобретают поиски внутренних резервов и новых источников развития для каждой республики, что возможно при проведении в жизнь реальной государственной политики на Северном Кавказе.

Еще до создания Северокавказского федерального округа на основе комплексного анализа опыта реализации на территории Южного федерального округа (ЮФО) Федеральной целевой программы «Юг России» был предложен комплекс мер по модернизации экономики региона, предполагающих применение электронного картографического представления информации о социально-экономическом положении южного макрорегиона (ГИС-технологий); оптимизацию финансового обеспечения программных мероприятий за счет применения дифференцированного подхода к финансированию объектов разного масштаба, статуса и значимости; совершенствование структуры расходования средств, выделяемых на программы, за счет сокращения доли «прочих затрат» и увеличения доли расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и капитальные вложения; внедрение матричной системы экспертизы, позволяющей еще на стадии отбора выявить проекты,

реализация которых даст возможность сформировать «полюсы экономического роста» в южном макрорегионе и др.¹.

На совещании по вопросам развития Северокавказского федерального округа, состоявшемся 23 января 2010 г. В.В. Путин, будучи премьер-министром России, назвал пять приоритетов социально-экономического развития Северного Кавказа. Во-первых, разработка комплексной стратегии развития по федеральному округу в целом, а на ее основе - четкие планы по каждому региону. Во-вторых, проработка вопроса создания особых экономических зон на территории федерального округа, региональных и индустриальных парков в каждом из субъектов Северного Кавказа, что должно привести к улучшению инвестиционного климата. В-третьих, формирование «специальных инвестиционных программ по развитию инфраструктуры Северокавказского округа и его субъектов». В-четвертых, улучшение качества жизни людей, для чего необходимо разработать и реализовать планы благоустройства городов и других населенных пунктов региона. В-пятых, наведение порядка «в государственном аппарате и во власти»².

С учетом этих установок в мае 2010 года в Ставрополе был обсужден проект «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» и в качестве программы экономического развития региона был утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации в сентябре того же года. Главной целью Стратегии было объявлено «обеспечение условий для опережающего развития реального сектора экономики в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, создания новых рабочих мест, а также для повышения уровня жизни населения». При этом запланирован

¹ Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтническом макрорегионе: подпрограмма по Югу России. URL: <http://adaptation.iea.ras.ru/reports/2006/subprogramme.pdf> (дата обращения: 11.07.2013).

² Владимир Путин назвал пять приоритетов развития Северного Кавказа. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=337399> (дата обращения: 03.06.2013).

переход в регионе «от политики стабилизации к политике форсированного роста, в рамках которой ключевыми направлениями государственной поддержки станут инвестиции в развитие экономики для постепенного обеспечения самодостаточного существования субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, а также содействие их интеграции в национальную и мировую экономику»¹. Экономику региона предполагается развивать в нескольких направлениях: легкая и пищевая промышленность, агропром и туризм. Во всех названных направлениях большое значение придается частно-государственному партнерству². В регионе должны появиться сборочные цеха, предприятия переработки сельхозпродукции, новые горнолыжные курорты, транспортные центры.

Как отмечал полпред Президента Российской Федерации в СКФО А. Хлопонин в интервью совместному выпуску газет «Российская газета» и «Северный Кавказ», Стратегия «это некая конструкция, на которую можно «наносить» дополнительные задачи, - всеобъемлющий, гибкий документ, который учитывает не только экономику, но и особенности межнациональных и межконфессиональных отношений, противодействие экстремизму»³.

Основными приоритетами развития округа должны стать энергетика, туризм, агропромышленный комплекс и все, что связано с инновациями и образованием. Он упомянул о создании особых экономических зон (ОЭЗ) на территории федерального округа. Еще в январе 2010 г. о необходимости создания таких зон в регионе говорил Премьер-министр России В.В. Путин.

¹ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. № 1485-р // Собрание законодательства РФ, 04.10.2010, № 40, ст. 5012.

² Там же.

³ Брежницкая Е. Ставим амбициозные задачи // Российская газета: Специальный выпуск — Северный Кавказ, 18 января 2013.

Может статься, что создание ОЭЗ является частью гораздо более крупного стратегического плана чиновников¹.

При этом туризму, в котором, по прогнозам правительства Российской Федерации, может быть создано более 100 тыс. новых рабочих мест, отводится ключевое место. Полпред предполагает создать в СКФО гигантскую туристическую зону, туркластера международного уровня, который, по его подсчетам, обойдется в 450 млрд. руб.² Основная идея проекта - создание сети горнолыжных курортов по модели государственно-частного партнерства. Всего на территориях Краснодарского края, Дагестана, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Кабардино-Балкарии планируется создать пять комплексов.

Инженерная и транспортная инфраструктуру создаваемых курортов будет обеспечиваться за счет средств двух ФЦП - «Юг России» и «Развитие транспортной системы России», самих регионов, банков, иностранных инвесторов. Все новые курорты, по замыслу полпреда, получают статус особых экономических зон. Компании-резиденты будут освобождены от уплаты налогов, за исключением НДС, а также получат льготные кредиты.

В рамках кластера «в частности, предусмотрена реконструкция аэропортов «Уйташ» в Махачкале, «Беслан», «Майкоп-Ханская», «Нальчик» и «Магас», железнодорожного парка морского порта «Махачкала»... До 2015 года запланировано ввести в эксплуатацию первые очереди курортов «Мамисон», «Архыз», «Матлас», провести проектно-изыскательские работы по остальным курортам, утвердить границы всех туристско-рекреационных ОЭЗ. На втором этапе (с 2016 по 2025 годов) должны заработать другие зоны отдыха.

Ожидается, что к концу реализации подпрограммы на горнолыжных курортах Северного Кавказа ежегодно будут отдыхать около 2,5 миллиона

¹ Хлопонин спасет Северный Кавказ особыми зонами и курортами? Комментарии. URL: http://www.u-f.ru/ru/Archive/2010/2/6/Article/ID_24729 (дата обращения: 03.08.2013).

² Создание туристкластера на Северном Кавказе обойдется в 450 млрд. рублей. URL: <http://www.radiomayak.ru/doc.html?id=190410> (дата обращения: 03.06.2013).

человек, на пляжных - около одного миллиона»¹. По мнению Хлопонина, реализация этих проектов обеспечит удвоение ВВП региона и приведет к активному его развитию. Предполагается, что в нем будет занято около ста тысяч человек². Впрочем, руководители северокавказских субъектов Российской Федерации также склонны возлагать на эти проекты подобные оптимистические надежды. Как отмечал в интервью «Российской газете» бывший до января 2012 года президентом Республики Дагестан М. Магомедов, «туристическую отрасль мы рассматриваем как одну из ключевых. Например, только развитие особых экономических зон «Матлас» и «Прибрежный кластер» приведет к созданию десятков тысяч рабочих мест, миллиардным налоговым поступлениям в бюджеты всех уровней»³.

При этом не исключается возможность сопротивления тех или иных руководителей отдельных республик определенным начинаниям А. Хлопонина, хотя они, во всяком случае на словах, выразили удовлетворение его назначением. К примеру, губернатор Ставропольского края В.В. Гаевский утверждал, что от создания СКФО для Ставрополья одни плюсы: более «полноводной» станет финансовая помощь из федерального бюджета. Форпост России, по словам губернатора, от благополучия которого зависит положение в целом на Северном Кавказе, готов взять новую высоту, став экономической доминантой в новом федеральном округе⁴. Более того, Гаевский уже предложил скульптору Зурабу Церетели построить памятник единства кавказских народов в Пятигорске.

Под контроль Хлопонина в регионе попадут огромные суммы из федеральных средств (помощь и государственные инвестиционные проекты). Кроме того, полпред будет участвовать в согласовании всех расходов республиканских бюджетов СКФО. По словам Хлопонина, предварительный

¹ Российская газета: Специальный выпуск — Северный Кавказ, № 5984 от 18 января 2013.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Южный федеральный. Хлопонин спасет Северный Кавказ особыми зонами и курортами? URL: http://www.u-f.ru/ru/Archive/2010/2/6/Article/ID_24729 (дата обращения: 08.09.2013).

подсчет затрат, которые республики округа хотели бы включить в стратегию, показал итоговую сумму в 500 млрд рублей. Полпред, окрестив бюджетную маниловщину «безумием», посоветовал главам республик «ставить конкретные реальные задачи по увеличению доходной части бюджета» и активнее кредитоваться¹. Можно не сомневаться, что за деньги центра в регионе попытаются зацепиться многие местные кланы.

Правительство России в свою очередь должно будет принимать систематические меры по поддержке бизнеса и повышению инвестиционной привлекательности Северного Кавказа. Как сообщил тогдашний Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, «набор инвестиционных предложений, который уже существует на Северном Кавказе, насчитывает примерно 5,5 млрд. евро, и поиск инвестиций для региона продолжается»¹. По словам главы государства, существование этих инвестиционных программ позволяет надеяться, что в регионе появятся сотни тысяч рабочих мест, а значит, начнется возрождение экономики. Д.А. Медведев призвал выходцев из северокавказских республик, покинувших пределы своей малой родины, оказывать ей посильную поддержку. Однако частный инвестор в регион придет лишь с условием, что его бизнес отгородят от неблагополучия СКФО стальным забором.

В свою очередь руководители национальных республик также предпринимают меры по оживлению и дальнейшему развитию экономики. Так, в качестве самых последних мероприятий в этом направлении можно привести опубликованную в начале апреля 2013 год «Инвестиционную декларацию Кабардино-Балкарии», подготовленную по поручению главы КБР А. Канокова. В документе определен целый комплекс мер, которые призваны стимулировать инвестиционную деятельность в республике. Предусмотрены равенство всех субъектов экономической деятельности, их

¹ Южный федеральный. Хлопонин спасет Северный Кавказ особыми зонами и курортами? URL: http://www.u-f.ru/ru/Archive/2010/2/6/Article/ID_24729 (дата обращения: 08.09.2013).

участие в подготовке решений, затрагивающих их интересы, прозрачность или общедоступность публичной информации, предоставление гарантий инвесторам в КБР, в частности предоставление налоговых льгот по уплате региональных налогов. Еще в 2011 году парламент КБР установил ставку налога на прибыль для предприятий малого и среднего бизнеса на минимальном уровне, упрощены процедуры, связанные с выдачей разрешительной документации¹. Определенные гарантии получили план расширения производства на фармацевтическом заводе Pharma International Company в Нальчике и проект линии по производству высокоточной медицинской техники на заводе «Севкавментген-Д»².

Как заявил ГТРК «Ставрополье» глава регионального Минэкономразвития Ставропольского края А. Хусточкин, Минэкономразвития Ставропольского края завершило реализацию шести крупных инвестиционных проектов, общей стоимостью 22 млрд. рублей. Министерство за последнее время рассмотрело более 2 тысяч предложений по реализации на территории края инвестпроектов. Суммарный объем инвестиций по ним оценивается примерно в 640 млрд. рублей. Как отмечал министр, в 2012 году запущен проект по созданию Южного нанотехнологического центра стоимостью более 1,3 млрд. рублей³.

Здесь следует отметить, что дело не в названиях, а в конкретном содержании предлагаемых проектов оживления экономики, способных обеспечить трудоспособное население округа рабочими местами. Те так называемые «особые зоны льготного налогообложения» не всегда и не обязательно давали нужный эффект. Об этом в частности свидетельствует негативный опыт такой зоны на территории Ингушетии в 1994-1999 годах. По сообщениям средств массовой информации, на руководство «Курортов

¹ Опубликована «Инвестиционная декларация Кабардино-Балкарии». URL: <http://www.stavropolye.tv/sfdnews/view/56009> (дата обращения: 08.09.2013).

² Там же.

³ Шесть крупных инвестпроектов реализовано на Ставрополье. 02.04.2013. URL: <http://www.stavropolye.tv/economy/view/55974> (дата обращения: 08.09.2013).

Северного Кавказа» за похищение 275,3 млн. бюджетных рублей заведено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст.159 ч.4 УК РФ («Мошенничество»)¹. Об этом же свидетельствует нашумевшее дело «товарища Билалова», связанное с мошенническими операциями братьев Билаловых при строительстве отдельных объектов сочинской олимпиады. Можно предположить, что данные факты являются лишь видимой частью реального положения дел в этой сфере.

Заместитель председателя экономического совета при президенте Республики Дагестан М. Чернышов на круглом столе на тему «Северный Кавказ: слабое звено или точка опоры», состоявшемся в марте 2013 года в Общественной палате Российской Федерации, выступил с критикой так называемых «мега-проектов» на Северном Кавказе, в частности грандиозных планов расширения горных курортов, считая, что они себя не оправдывают. По его мнению, трудно будет полагаться на наплыв желающих ехать на курорт в края, «где проводится контртеррористическая операция». К тому же сильно завышено число любителей горных лыж. Был подвергнут критике также проект Махачкалинского цементного завода. По словам Чернышова, в его стройку потрачено уже столько денег из федерального бюджета, что на них можно было бы заказать у Китая четыре таких завода. Можно согласиться с Чернышовым в том, что «не в мега-проекты надо вкладывать, а в людей»².

Разумеется, все сказанное не означает, что такие проекты не нужны, что всё и вся нужно оставить на самотек. Как представляется, они крайне необходимы для достижения реальной экономической модернизации региона, о единстве которого в настоящее время можно говорить скорее на основе общности стоящих перед всеми северокавказскими субъектами

¹ На руководство «Курортов Северного Кавказа» завели дело. 8 мая 2013. URL: <http://news.mail.ru/incident/13021103/> (дата обращения: 08.09.2013).

² Смиронов Л. О кавказской политике, которой нет // Северный Кавказ, 18 марта 2013.

Федерации трудно разрешимых проблем, нежели на основе взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодополняемости их экономик.

Туристический кластер задуман как один из самых амбициозных и многообещающих проектов, призванный служить своего рода локомотивом развития экономики всего региона. Как отмечал глава Карачаево-Черкесской Республики Р. Темрезев, создание три года назад «Северо-Кавказского федерального округа и разработка государственной программы развития СКФО до 2025 года позволили добиться синхронности развития северокавказских регионов. На первое место вышла экономическая составляющая... Госпрограмма стала своеобразной системой координат развития округа. В ней учтены горизонтальные связи между субъектами СКФО, которые веками складывались в экономической, социальной и духовной сферах. Поэтому многие проекты имеют статус межрегиональных. Укрепилась также экономическая вертикаль, так как разработан эффективный механизм государственной поддержки инвестиционной активности в регионах»¹.

Разумеется, от намеченных проектов и программ не следует ждать немедленного чуда. Но при надлежащей реализации они могут стать тем трамплином, с которого СКФО постепенно сумеет добиться среднероссийских темпов социального и экономического развития, а национальные автономии – преодолеть тяжелое и не совсем престижное положение дотационности и стать самодостаточными с экономической точки зрения субъектами Российской Федерации.

В этом направлении необходимо создать условия для развития местных сообществ или муниципалитетов, используя собственные местные человеческие и материальные ресурсы. К примеру, в качестве не альтернативы, а существенного дополнения должно внимание следовало бы уделить развитию агропромышленного комплекса, Здесь собирается 45%

¹ Карташова О. Умный идет в гору // Российская газета: Специальный выпуск – Северный Кавказ, 18 января 2013 г.

урожая винограда в Российской Федерации, более 10% зерна, плодов, ягод и овощей, а также более 5% сахарной свеклы¹. При этом рынки и магазины страны завалены фруктами и овощами из Турции, Израиля и других стран, а своими помидорами, капустой вскармливают коров и коз, а яблоки фермеры высыпают на свалки. Преимущественное внимание следовало бы уделить таким производствам как животноводство, овощеводство, виноградарство, садоводство. Особенность данной отрасли состоит в преобладании доли малых форм хозяйствования. Так, в 2012 году «в округе насчитывалось 68,1 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, на которые приходилось 64,1% сельскохозяйственной продукции»².

В этом же ряду можно выделить мебельное и обувное производство, которое довольно успешно развивается в Махачкале и ряде других населенных пунктов, т.е. отрасли, которые в наибольшей степени способны обеспечить условия для развития малого и среднего предпринимательства и т.д.

При всем сказанном, как представляется, применительно к Северному Кавказу нужно несколько скорректировать широко распространенное мнение, согласно которому большинство, если не все проблемы, в том числе терроризм, преступность, конфликтогенность, коррупция и так далее, объясняются исключительно бедностью, безработицей и другими сугубо экономическими факторами. Разумеется, социально-экономические условия весьма важны для обеспечения политической стабильности в обществе, но недостаточны. Можно назвать множество стран, которые значительно беднее, чем Северокавказский регион, но при этом не обременены проблемой терроризма и разного рода противоречиями и конфликтами. Другими словами, конфликтогенность, организованная преступность, терроризм не обязательно и не всегда являются спутниками бедности. Здесь,

¹ URL: <http://government.ru/docs/22702/> (дата обращения: 16.07.2013).

² Там же.

как будет показано в следующих разделах данной работы, не менее важную роль играют социокультурные, политико-культурные, этнонациональные, конфессиональные, политические и иные факторы.

Тем не менее, при анализе геополитических реальностей Северного Кавказа социально-экономический фактор ни при каких обстоятельствах нельзя отодвигать на задний план. Как показывает мировой опыт, существенное влияние на характер и содержание политического сознания общества оказывает уровень экономического развития и благосостояния населения. Поэтому очевидно, что для решения множества стоящих перед обществом проблем необходимо обеспечить условия для всемерного стимулирования экономического роста.

3.3. Политическая составляющая Северокавказского геополитического пространства

Для республик Северного Кавказа речь идет о таких судьбоносных вопросах, как сущность и характер новой государственности, государственно-политической системы. Это те аспекты, от решения которых зависит социальный, государственно-административный и политический облик региона. Проблема состоит в том, чтобы разработать и реализовать оптимальную для республик форму политической самоорганизации общества с учетом опыта тех субъектов Российской Федерации и новых постсоветских стран, которые доказали свою эффективность и жизнеспособность. Им важно определить свое место в хозяйственной системе Российской Федерации, приоритетные направления социально-экономического развития, реформирования системы производственных отношений, создания рыночной инфраструктуры.

С самого начала следует отметить, что за прошедшие со времени распада СССР годы во всех республиках региона произошли существенные изменения на пути разрыва с советским режимом и перехода к рыночной

экономике, политической демократии и правовому государству. Принятие новых конституций и создание на их основе новых государственно-политических институтов стали крупным шагом, определившим основные векторы развития в национальных республиках новой государственности на демократических началах. Сформировались и утвердились основополагающие принципы политической демократии и правового государства, такие как разделение власти на три ветви - законодательную, исполнительную и судебную, - парламентаризм, выборность высших органов государственной власти и др. В конституциях всех республик получили отражение права и свободы человека и другие принципы правового государства, зафиксированные в основополагающих международно-правовых документах. Все конституции в результате внесенных в них за последнее десятилетие изменений в должной мере соответствуют Конституции Российской Федерации. На этом основании можно утверждать, что по своей социально-политической сущности и форме государственного устройства все северокавказские национальные республики представляет собой демократические, правовые государственные образования с республиканской формой правления. В целом эти изменения дали толчок продвижению республик по пути демократического развития.

При всем том ситуацию в регионе с этой точки зрения невозможно оценить однозначно. Некоторые положения как конституций, так и действующих законов, в особенности их трактовка заинтересованными сторонами и реализация не всегда и не в должной мере отвечают общепринятым в мире демократическим принципам разделения властей, гарантии суверенитета избирательного корпуса, защиты прав и свобод человека и др.

Как известно, политическая демократия теснейшим образом связана с рыночной экономикой и гражданским обществом. Более того, политическая демократия немыслима без радикальной перестройки общественных отношений и перехода к рыночной экономике. Это вполне объяснимо, если

учесть, что определяющее влияние на характер политического сознания общества оказывает уровень экономического развития и благосостояния населения. При всех возможных здесь оговорках можно утверждать, что политическая демократия в собственном смысле слова темнейшим образом связана с довольно высоким уровнем экономического развития. Иначе говоря, жизнеспособность и эффективность демократии в значительной степени зависят от таких критериев как уровень жизни, процент ВВП, выделяемый на социальную сферу, прежде всего, здравоохранение, образование и науку, пенсионное обеспечение и др.

В рассматриваемом контексте особо важное значение имеет тот факт, что политические институты в регионе все еще не прошли переходный период, не прошли испытание временем. В силу комплекса факторов, связанных с особенностями социально-экономического и политического развития в регионе, политические партии и организации в большинстве своем представляют собой небольшие, зачастую аморфные группировки (за исключением КПРФ и сформированных в последние годы региональных организаций «Единой России») без определившейся социальной базы и четко сформулированных программ и идейных платформ. Например, если у партий, организаций и движений национальной окраски и имеются какие-либо политические программы, то в них самым причудливым образом сочетаются националистические, религиозные, либеральные, крайне консервативные и так далее установки и ориентации.

Однако в целом в основе трудностей и проблем почти всех политических партий, движений, организаций национальных республик лежат те же факторы, что и в основе трудностей и проблем большинства общероссийских партий, организаций и движений. Российское и в еще большей степени северокавказское общество пока что слабо структурировано. В нем весьма слабо очерчиваются или вовсе не просматриваются структурированные группы организованных интересов, блоков избирателей, объединяющихся в соответствии с более или менее

четко определившимися идеологическими и политическими симпатиями и антипатиями. Не случайным представляется отмеченный многими аналитиками и наблюдателями факт, что почти все российские политические партии, организации, движения группируются вокруг конкретных личностей, получивших известность благодаря своим действительным или мнимым заслугам и качествам. Это верно и применительно к северокавказским партиям, организациям и движениям.

Слабости эти еще более усугубляются теми негативными процессами, которые происходят в экономической и социальной сферах республик. Как отмечал М.М. Садыки еще в 1997 году применительно к Дагестану, «нет согласия по основополагающим вопросам государственного устройства, нарастают противоборство различных социально-политических сил и социальная напряженность в обществе. Нет единства внутри самих национальных движений. Там идет постоянная борьба за ориентиры и приоритеты развития... Очень медленно разворачивается процесс кристаллизации интересов крупных социально-классовых групп. Отсутствуют подлинные политические партии, призванные структурировать и отстаивать эти интересы. Разного рода организации, действующие на дагестанской политической арене, представляют собой верхушечные образования. Что касается среднего класса - этой основной опоры демократии, то он находится лишь на самой начальной стадии своего формирования»¹. С сожалением приходится констатировать тот факт, что к настоящему времени в этой сфере мало что сколько-нибудь серьезно изменилось. Одним из существенных недостатков большинства партий и движений является то, что они зачастую построены на мононациональной основе, хотя есть и такие партии или региональные отделения общероссийских партий и объединений, которые по составу являются многонациональными.

¹ Молодежь Дагестана. 16 мая. 1997.

Очевидно, что интересы формирования и институционализации демократической государственности предполагают осознание того, что во всех сложившихся демократиях партии являются неотъемлемыми инструментами политического процесса. Более того, без них просто невозможно представить современную демократическую государственно-политическую систему. Они сыграли немаловажную роль в процессе формирования и институционализации этой системы, и их становление в свою очередь стало частью этого процесса. В то же время они в значительной степени способствуют формированию политического сознания, политических установок, ориентаций, предпочтений, симпатий и антипатий людей.

При оценке объективных и субъективных факторов, лежащих в основе формирования парламентаризма в регионе, помимо позиций правящих кругов, преследующих свои собственные интересы, следует учесть также следующее обстоятельство. Как известно, демократическая государственно-политическая система не может быть эффективной и жизнеспособной без признания большинством граждан, основными общественно-политическими силами ее легитимности, без принятия ими базовых принципов и норм государственного устройства. Особое значение с данной точки зрения имеет также принятие большинством граждан, вне зависимости от их позиций по широкому спектру проблем, основополагающих демократических идей плюрализма, терпимости, парламентаризма, идей свободы и политического равенства, общепринятых правил политической игры и т.д. Партии, силы, их не признающие или нарушающие, по сути дела следует назвать не оппозиционными, а антисистемными.

Чтобы правильно понять сущностные характеристики и перспективы демократии в национальных республиках Российской Федерации в целом и северокавказских республиках в особенности, необходимо учесть также множество других факторов социокультурного, национально-исторического, политико-культурного, ценностного характера. Как показывает опыт всех

без исключения национальных республик Российской Федерации и большинства постсоветских независимых государств, важнейшим условием успеха социальных и экономических реформ является политическая стабильность, позволяющая реформировать общество без серьезных пертурбаций. Что касается большинства, если не всех национальных республик Северного Кавказа, то здесь бросается в глаза отсутствие сформировавшегося электората в современном понимании этого слова, корпуса избирателей, сознающих свои интересы и, соответственно, голосующих за конкретные идеи, политические программы, а не за отдельных личностей, представляющих этнические, тейповые, местнические, групповые, клановые и иные интересы.

Правовое государство и политическая демократия предполагают политические, юридические и иные гарантии гражданам, которые обеспечивали бы реальность декларированных в Конституции Российской Федерации и конституциях субъектов Федерации основополагающих прав и свобод человека, политический и идеологический плюрализм, разделение властей, призванных стать основой системы сдержек и противовесов и др. В национальных республиках – в одних в меньшей, а в других в большей степени - эти положения во многом остаются просто декларациями, служащими для прикрытия авторитарных методов политического управления. Зачастую институты, призванные реализовать декларируемые права и свободы, не всегда действуют, вернее не могут действовать независимо от исполнительной власти в лице, прежде всего, президента соответствующей республики. Можно утверждать, что Северный Кавказ по-прежнему остается одним из наиболее неблагополучных регионов России с точки зрения соблюдения прав и свобод человека. В ряде республик отсутствуют специальные правовые механизмы, призванные обеспечивать права и свободы граждан, их реальную гарантированность.

Как показывает опыт национальных республик Северного Кавказа, выборы сами по себе не всегда могут служить достаточным критерием

демократичности политического режима. Одним из таких критериев является наличие реальной, официально признаваемой властями оппозиции, способной наравне с правящей верхушкой конкурировать за власть и влияние в обществе и государстве. В большинстве национальных республик реальная гражданская оппозиция отодвинута на маргинальные позиции. В этом смысле интерес представляет высказывание спикера парламента Чеченской Республики, который заявлял, что в Чечне нет оппозиции, и вот почему: «Мы хлебнули этой демократии, которую нам преподнесли на блюдечке в 1990-е гг., когда нас пытались научить демократии, многопартийности, свободе обсуждения и т.д.... У нас, кавказцев, мусульман, свои подходы к демократии, свое понимание демократии и свои демократические традиции»¹.

В значительной степени это объясняется особенностями политической культуры народов Северного Кавказа, которая характеризуется приверженностью групповым, коллективистским ценностям и установкам, принципам этнического корпоративизма и клиентелизма. Большую роль в политической жизни даже по меркам остальной России играет персонализация политического процесса. Местный менталитет диктует своеобразное отношение людей к своим правителям. Порой их могут уважать и поддерживать не за политическую дальновидность, не за решения, от которых зависит судьба страны и ее народа, не за то, что те являются олицетворением государственности и гарантами безопасности, а за то, что они принадлежат к определенному этносу, клану, тухуму, тейпу.

Оценивая эти реалии, важно учесть, что формирование политической демократии, ее ценностей, институтов и отношений - это не одноразовый акт, а весьма сложный, трудный и никогда не прекращающийся процесс, требующий довольно длительного периода времени, измеряемого зачастую не одним и даже двумя поколениями. В этом вопросе можно согласиться с известным американским политологом, специалистом по формам

¹ Абдурахманов Д. У нас в Чечне оппозиции нет // Настоящее время, 25 сентября 2009.

государственного устройства, в том числе проблемам политической демократии, Р. Далем, который считал, что все существующие в мире политические режимы располагаются между двумя полюсами - автократией и демократией. Что касается политических режимов национальных республик Северного Кавказа, то они располагаются где-то в середине между этими двумя, казалось бы, противоположными полюсами. Можно утверждать, что эти режимы относятся к целому ряду характерных для многих стран современного мира форм государственного устройства, которые более или менее заметно отличаются от традиционных западных моделей демократии. Их называют полудемократиями или новыми демократиями, сочетающими в себе принципы, процедуры, установки как формальной демократии, так и авторитаризма.

И действительно, в большинстве республик, с одной стороны, имеет место процесс приспособления старых структур к новым условиям, стремясь при этом сохранить за собой как можно больший объем властных полномочий. С другой стороны, постепенно, преодолевая множество препятствий, утверждаются новые идеи, подходы, институты, механизмы и отношения. Как отмечает К.С. Гаджиев, «политические режимы национальных республик Северного Кавказа носят гибридный характер, причудливо сочетая те или иные элементы советского типа, современных вариантов авторитаризма и демократии. Формально в конституциях всех национальных республик получили отражение основополагающие принципы политической демократии и правового государства»¹.

При всем сказанном одна из ключевых проблем, тормозящих строительство в национальных республиках политической демократии и правового государства в собственном смысле этих понятий, состоит в том, что в силу известных причин господствующее положение в важнейших сферах общественной жизни, прежде всего в экономике большинства

¹ Гаджиев К. С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М., 2011. – С. 139.

северокавказских республик, заняли представители властных, банковско-коммерческих и иных структур, которые образуют своеобразные кланы (В данном случае это понятие используется без оценочных критериев). Здесь власть и собственность дополняют и усиливают друг друга. Действует принцип, согласно которому у кого власть, у того и собственность и, наоборот, у кого собственность, у того и власть.

Об обоснованности данного тезиса свидетельствуют следующие факты. В Адыгее (которая, правда входит в состав Краснодарского края, но фактически по базовым критериям неотъемлема от национальных республик СКФО) во властных структурах чрезмерно много выходцев из аула Уляп Красногвардейского района, уроженцем которого является президент А. Тхакушинов: М. Кумпилов стал главой правительства республики, его брат Т. Кумпилов работает заместителем министра финансов. Сам министр финансов Д. Долев тоже выходец из этого же аула¹.

В Карачаево-Черкесии ряд влиятельных карачаевских групп, сложившихся при М. Батдыеве и связанных друг с другом деловыми и родственными отношениями, продолжает оказывать большое влияние не только на вновь избранный парламент и органы местного самоуправления, но и на новую исполнительную власть. В правительстве и администрации президента важные роли играют глава администрации М. Каракетов и его родственник Б. Гочиев, руководящий министерством сельского хозяйства. На местном уровне можно отметить главу одного из самых важных районов - Карачаевского, которым является Э. Салпагаров, также родственник Б. Гочияева. Еще одной влиятельной фигурой является мэр Карачаевска С. Лайпанов, находящийся в родственных отношениях с группой Каитовых (представители деловой элиты, близкие к М. Батдыеву)². Эту систему в Карачаево-Черкесии один наблюдатель в телеинтервью РЕН-ТВ описал так:

¹ Кремль и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы федеральной власти: аналит. докл.

² Там же.

«приходит к власти Хубиев — во власти все Хубиевы до последнего человека, приходит к власти Эбзеев — во власти все Эбзеевы, приходит Батдыев — Батдыевы»¹.

Пример практически моноэтнической Чечни является, конечно, совершенно особым случаем, поскольку политический режим здесь был фактически сконструирован по обоюдному согласию Кремля и семьи Кадыровых с их сторонниками в процессе преодоления сепаратизма. И сконструирован он был в интересах сначала А. Кадырова, а затем его сына Р. Кадырова, получивших карт-бланш на формирование республиканской власти и право на контроль над силовыми структурами. Это привело к созданию достаточно узкой и сплоченной правящей группы, которая характеризуется своими «перекосами» (например, большая роль тейпа Беной и сторонников суфийского тариката Кадирийя). Типичными стали формирование власти на основе родственных связей (правительство возглавил двоюродный брат президента О. Байсултанов), опора на сторонников А. Кадырова (первый вице-премьер Х. Вайханов, вице-премьер и министр финансов Э. Исаев, управляющий делами С. Закриев и др.). При этом проводится целенаправленная политика по привлечению во власть молодежи (глава администрации президента М. Селимханов и др.), составляющей группу поддержки Р. Кадырова².

При всем том было бы не совсем корректным говорить о неких сплоченных кланах, которые представляли бы тот или иной этнос в целости.

Как правило, этносы весьма слабо консолидированы, и в их рамках возникает множество персонифицированных групп, которые, в свою очередь, постоянно нуждаются в союзниках, в том числе из других этносов. К примеру, в Ингушетии элита традиционно делится на множество небольших и довольно самостоятельных групп, основанных на родовых и

¹ Епифанцев А. Почему мы теряем Кавказ? 12 июля 2010 // <http://www.apn.ru/publications/article22987.htm> (дата обращения: 16.07.2013).

² Там же.

семейных узах. Как отмечал известный специалист по данному вопросу С. Арутюнов, этнократическая централизация, вертикальная структура власти на протяжении многих веков до русского завоевания Кавказа были чужды на Северном Кавказе. «Власть верховных князей, - писал он, - была отнюдь не абсолютной, а напротив, более символической, нежели реальной. Адыгское общество в своей западной части состояло как из демократических племен, в которых княжеская власть вообще была отменена, так и из аристократических племен с иерархией князей и дворян-уорков различных степеней Кабардинцы - восточные адыги, были более организованной силой, самой мощной на Кавказе, но и тут власть делилась между несколькими фамилиями, а верховный князь обладал скорее почетным, нежели реальным административным авторитетом»¹. Не существовало единой ингушской или чеченской власти. Общество делилось на племена-тухумы и роды-тейпы, властные решения, которые касались только отдельных крупных сел или их групп, принимались только на основе консенсуса старейшин, через советы (кхел). В Дагестане отдельные небольшие феодальные владения строились в основном на этнической основе, при этом охватывая лишь определенную часть того или иного этноса. Часть общин или джамаатов была связана с ханом, шамхалом, эмиром, уцмием вассальными формами зависимости, а другая довольно значительная часть джамаатов представляла собой так называемые вольные общества².

Кланово-клиентелистская система, по сути дела, не признает систему сдержек и противовесов, без которой невозможно представить взаимный контроль институтов власти. Хотя конституции всех национальных республик декларируют разделение власти на три ветви - законодательную,

¹ Арутюнов С. Этнократия или демократия? Традиции Северного Кавказа // Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе. URL: http://apsnyteka.narod2.ru/k/traditsiya_razresheniya_konfliktov_na_kavkaze_/index.html (дата обращения: 16.07.2013).

исполнительную и судебную, на практике этот принцип сплошь и рядом нарушается, поскольку главенствующее положение во властной системе занимает исполнительная ветвь во главе с президентом.

О подчиненном положении законодательной и представительной ветви власти национальных республик исполнительной власти, прежде всего, главе субъекта Федерации свидетельствует недавнее голосование в республиканских парламентах по вопросу о форме выбора глав республик. В принципе ни для кого не было секретом то, что, к примеру, Народное Собрание Республики Дагестан проголосует за вариант выбора главы республики парламентом, что в действительности означает сохранение действовавшей до этого процедуры назначения первого лица. На первый взгляд, парадоксом выглядит тот факт, констатировал в этой связи журналист из газеты «Настоящее время», что в вопросе о форме выборов главы Республики Дагестан – всенародным и тайным голосованием или путем голосования парламента, «все те, кто был раньше за всенародные выборы, сегодня высказываются за голосование через парламент, кто выступал за парламентскую форму – за всенародные выборы»¹. Что же такое произошло, чтобы мнения дагестанцев полностью изменились за небольшой промежуток времени, задается вопросом журналист. Ответ, по его мнению, очевиден: «власть поменялась. Те, кто у власти, не хотят всенародных выборов, а ушедшие жаждут реванша. Все, кто не у дел, оказались – за «демократию» и «честные выборы». Те, кто был за демократию, не против и парламентской формы голосования»².

Стало правилом, в соответствии с которым парламент Республики чуть ли не единогласно утверждает любого кандидата, назначаемого Кремлем. Вопиющий пример обоснованности этого тезиса дает тот факт, что на выборах президента М. Магомедова, которого годом с небольшим ранее с поста спикера депутаты по указанию тогдашнего президента Республики

¹ Бисавалиев М.И. Как же быть с президентом? // Настоящее время, 5 апреля 2013.

² Там же.

М.Г. Алиева единогласно отправили в отставку, теми же голосами утвердили президентом. В то же время заслуживает внимания и тот очевидный для всех тех, кто разбирается в властной системе Дагестана факт, что при системе всенародных выборов кандидат становится заложником местных кланов. Зато, будучи избранным, он оказывается не в ответе как перед народом, так и перед Москвой.

Инициаторы таких рокировок, возможно, не сознают или не хотят признать, что они еще сильнее отдаляют себя от простого народа, давая весомые аргументы тем, кто убеждают граждан в нелегитимности власти республики. Весьма эмоциональную и вместе с тем верную оценку такой политике дал М.И. Бисавалиев: этот акт «оскорбляет не тем, что нельзя проводить, а тем, что мы докатились до такого положения, когда стало невозможным свободное волеизъявление дагестанцев. Это страшное оскорбление для нас. Когда кучка бандитов терроризирует дагестанцев и федеральный Центр»¹.

Этим объясняется отчуждение власти от общества, ее закрытость. Применительно к большинству национальных республик региона можно говорить о дефиците или полном отсутствии должной легитимности правящих элит, даже об их морально-психологической делегитимации. В настоящее время трудно говорить о том, что они во многих республиках имеют серьезную социальную опору вне рамок созданных ими корпоративных сообществ. Большинство населения этих республик их не воспринимают как действительных представителей народа. Они не верят власти потому, что она «стала синонимом кричащего богатства на фоне общей бедности и безработицы, тотальной коррупции и насилия. Неприятие властей большей частью населения обнаруживается, прежде всего, на республиканском уровне, в отношении лиц, «словно прикипевших к своим креслам с начала 1990-х гг., «проевших» остатки республиканских экономик

¹ Бисавалиев М.И. Как же быть с президентом? // Настоящее время, 5 апреля 2013.

и торговавших с Москвой стабильностью в обмен на субсидии, чтобы тратить их в основном на свои особняки и образование своих детей»¹.

И так будет продолжаться до тех пор, пока не будут устранены названные выше причины. Изменить «вооруженное сознание» будет чрезвычайно сложно, и оно, по-видимому, еще не один раз даст о себе знать. Другими словами, несоблюдение присущих для рыночной экономики и политической демократии правил игры постоянно продуцирует конфликтность. Положение вещей усугубляется тем, что клановые и клиентелистские группы плохо поддаются контролю со стороны общества. Что касается правоохранительных органов, то они зачастую сами оказываются под контролем тех или иных кланов².

В этом направлении весьма серьезной задачей, стоящей перед национальными республиками, равно как и Россией в целом, стало преодоление зависимости общества в целом и экономики в частности от решений, принимаемых узкой группой некомпетентных политиков, глубокого кризиса духовной сферы, дефицита идеологических и ценностных ориентиров, гипертрофированной ориентированности на материальную выгоду в ущерб интересам общества и государства и других связанных с ними факторов. Как представляется, одна из главных причин, подталкивающих многих молодых людей принять «нетрадиционные» версии ислама, в том числе салафизм, ваххабизм и другие течения фундаментализма, является фактическая монополизация власти патронажно-клиентскими группами и кланами, которые в своих целях используют институты и представителей так называемого традиционного ислама.

Ошибочным представляется сложившееся мнение, согласно которому «в лес» идут главным образом и даже исключительно представители обделенных, нищенствующих слоев населения, безработные, разного рода

¹ Время новостей, 27 декабря 2007.

² Рашковский Е.Б. «Кавказский меловой круг»: трагические судьбы региона // Pro et Contra, 2002. – Т.7. №3; Урбан М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // Политические исследования, 2002. – №4.

преступники и т.д. Анализ состава незаконных вооруженных формирований или бандформирований показывает, что такие оценки не совсем соответствуют реальному положению вещей. Как отмечает профессор Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации К. Ланда, «боевики представляют собой весьма разнородную социальную группу. Среди них «есть идейные. Есть группа боевиков, рэкетирующих местных бизнесменов. Есть боевики, скажем так, второго уровня, которые взаимодействуют с местными чиновниками – клановыми лидерами, использующими их в своих целях как «запасной эшелон»¹. В последние годы имеет место тенденция ухода «в лес» или «в горы» отпрысков лиц, занимающих не последние места во властной иерархии, в том числе сотрудников правоохранительных органов, добившиеся серьезных результатов спортсмены и др.

Одним из весьма ощутимых проявлений глубокого кризиса власти в регионе является коррупция, пронизывающая все сферы общественной жизни, включая властные структуры. Общеизвестно, что коррупция стала чуть ли не родимым пятном российского общества и государственно-политической системы. Но в национальных республиках она просто зашкаливает. Как отмечали авторы монографии «Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира», на это указывают многочисленные факты расхищения федеральных бюджетных средств в процессе восстановления Чечни, «освоения» бюджетных денег в других республиках. Согласно результатам опроса, проведенного вышеупомянутым К. Ландой, среди дагестанской диаспоры в Москве, а также в крупных городах и Казбековском районе Дагестана, на вопрос: «Куда уходят средства федеральных дотаций, собираемых налогов и прочие виды финансовых вливаний в республику?» 75% опрошенных ответили, что они «разворовываются всеми, кто к ним причастен» и нашлось лишь 3,5%

¹ Ланда К. Дагестан в смертельном кольце. 18 января 2013. URL: <http://ansar.ru/person/2013/01/18/36704> (дата обращения: 11.03.2013).

идеалистов, которые думают, что эти деньги действительно идут на развитие республики»¹. И действительно, в условиях сверхвысокой клановости и коррупционности, огромные средства из федерального бюджета оседают в карманах тех, в руках которых сосредоточена реальная власть.

Здесь за постсоветский период коррупция и практически открытая торговля государственными должностями стали настолько естественным явлением, что большинством населения рассматриваются как неотъемлемая часть самого образа жизни, и перестали вызывать негативную реакцию и отторжение в обществе². Как отмечал Т. Толгуров, «так называемая «торговля должностями» приобрела такие масштабы, что каждый второй чиновник или сотрудник силовых структур должен в первую очередь думать о том, как «отбить» деньги, заплаченные за должность»³. И действительно, если тот или иной гражданин дает взятку для устройства на работу, то вполне объяснимо, что, получив искомую должность, он попытается возместить свои расходы за счет граждан, которых он призван защищать.

Факт коррупции в качестве важнейшего негативного фактора в жизни национальных республик признают как высшие руководители государства, так и в самих регионах. Во время своего визита в Дагестан в июне 2009 г. Д.А. Медведев указывал на «огромные масштабы коррупции, системные деформации в госуправлении, когда эффективность власти снижается, что ведет к утрате доверия и авторитета власти»⁴. То же самое он изложил в своем Послании Федеральному собранию в ноябре 2009 г., в котором отметил беспрецедентный «уровень коррупции, насилия и клановости» на

¹ Ланда К. Дагестан в смертельном кольце. 18 января 2013. URL: <http://ansar.ru/person/2013/01/18/36704> (дата обращения: 11.03.2013).

² Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира. Ставрополь, 2006. URL: m.vk.com/doc704697_138579786?hash=3f266599e4b138ea5b&dl (дата обращения: 12.08.2013).

³ Цит. по: Липина С. Социальные корни криминализации экономики регионов Северного Кавказа. Материалы международного научно-практического семинара. – М.: Издание Гос. Думы, 2009.

⁴ Известия, 11 июня 2009.

Северном Кавказе¹. На совещании по вопросам развития Северо-Кавказского федерального округа, состоявшемся 23 января 2010 г., тогдашний премьер-министр России В.В. Путин, заявив, что территориальные органы в регионе должны стать оплотом законности и порядка, с сожалением констатировал, что «сегодня они порой живут сами по себе отстраняются от проблем регионов, часто плодят коррупцию и некомпетентность, административные барьеры, участвуют в межклановых и деловых разборках и тем самым дискредитируют государственную власть»².

Особую опасность этот фактор приобретает в силу того, что коррупцией пронизаны правоохранительные органы. Именно коррупция является первопричиной характерного для региона милицейского-полицейского произвола. Бывший министр внутренних дел России Р.Г. Нургалиев вынужден был признать: «К сожалению, правоохранительные органы, призванные защищать общество от коррупции, сами оказались подверженными этой заразе. Уже стали обыденными такие явления, как повсеместное - причем не безвозмездное - обеспечение безопасности коммерческих структур сотрудниками милиции, а проще говоря, «крышевание». Милиционеры активно участвуют в спорах хозяйствующих субъектов, осуществляют силовую поддержку рейдеров. Порой за соответствующее вознаграждение принимается «нужное» уголовно-процессуальное решение, проводятся или прекращаются проверки в интересах коммерческих структур или отдельных лиц»³.

Если руководители государства говорят о коррупции в правоохранительных органах Российской Федерации как о системном феномене, то применительно к Северному Кавказу этот феномен проявляется в крайне одиозных формах. Этот факт вынуждены признать и сами руководители соответствующих республик. Придя к власти, М.Г. Алиев в одном из первых

¹ Время новостей, 13 ноября 2013.

² Владимир Путин назвал пять приоритетов развития Северного Кавказа. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=337399> (дата обращения: 12.08.2013).

³ Российская газета, 14 октября 2008.

своих интервью на посту президента называл проблему коррупции одной из самых серьезных для республики и, казалось, был полон решимости, если не переломить ситуацию, то хотя бы начать что-то делать. «Борьба с коррупцией», объявленная Алиевым, привела к тому, что только увеличились расценки за назначение на высокие должности. Дошло до того, что местные оппозиционные издания публикуют расценки на различные чиновничьи должности. И с приведенными цифрами мало кто спорит, кроме, разумеется, самих чиновников¹. За четыре года пребывания у власти Алиева криминогенная обстановка в Дагестане только ухудшилась. Так, на совещании в Министерстве внутренних дел по Республике Дагестан 15 июня 2009 г. еще продолжавший действовать в тот момент президент М.Г. Алиев заявил: «Я хотел, чтобы все участники совещания особое внимание обратили на то, что говорил Дмитрий Медведев, на то, что мешает эффективному противостоянию терроризму и религиозно-политическому экстремизму, - это коррупция, клановость, неэффективность работы органов власти. Эти три момента имеют прямое отношение ко всем органам власти, но в первую очередь - к работе правоохранительных органов Дагестана. Сколько людей работает в органах милиции, которые вообще не заслуживают того, чтобы здесь работать? Многие из них плохо исполняют служебные обязанности, некоторые вообще дискредитируют милицию. Поэтому замечание Президента Российской Федерации о клановости в органах исполнительной власти имеет прямое отношение и к Министерству внутренних дел»².

Особую тревожность вызывает тот факт, что коррупцией насквозь поражена вся система образования. Звучит парадоксально, но даже чтобы попасть в армию на срочную службу, нужно дать довольно солидную взятку. Дело дошло до того, что расценки на подобные услуги открыто публикуются на сайтах Интернета. Кстати говоря, стало модным и вполне обычным явлением, когда молодые люди, только что окончившие вуз или

¹ Независимая газета, 30 ноября 2009.

² Дагестанская правда, 14 июня 2009.

аспирантуру, стремятся устроиться преподавателями в вузы, поскольку дело это стало довольно выгодным. «Несколько сессий, и этих молодых преподавателей уже можно встретить в городе на шикарных иномарках». При этом, как показывают результаты опросов, проводимых среди студентов, большинство из них предпочитают заплатить деньги, нежели заниматься и учить предмет. Для сравнения, если вспомнить уровень образования и количество действительно образованных людей в советское время и посмотреть на реальную картину этого самого уровня сейчас, то, конечно, разница оказывается ощутимой¹.

Не удалось избежать этого и средствам массовой информации, которые нередко не брезгают продажей своих полос и эфирного времени для публикации и передачи заказных материалов. Расценки на эти неофициальные услуги периодически вывешиваются на сайте www.compromat.ru.

Сама система бюджетного финансирования Северного Кавказа является настолько непрозрачной, что дает серьезные основания полагать, что коррупция в регионе начинается в пределах Садового кольца². По мнению председателя Дагестанского отделения Антикоррупционного комитета Северного Кавказа С. Умарова, «ситуация, сложившаяся в регионе, является прямым следствием модели обеспечения лояльности северокавказских элит, сформированной федеральным центром еще в начале 90-х гг. прошлого века. Лояльность и нейтрализация сепаратизма для руководства национальных республик, как правило, являются гарантией отсутствия какого-либо контроля над расходованием бюджетных средств и политикой, проводимой в республиках. В свою очередь, безнаказанность

¹ Джамалдинов Р. Коррупция в дагестанских университетах — миф или реальность? // Свободная республика, 11 сентября 2009.

² Гаджиев К.С. О природе политических режимов национальных республик Северного Кавказа // Мир и политика, 2011. — №9.

чиновников во взаимоотношениях с федеральным центром доводит коррупцию на местном уровне до абсурдных масштабов»¹.

Нельзя сказать, что руководства республик вообще отстранились от проблемы коррупции и не принимают никаких мер по ее обузданию. С приходом Ю. Евкурова в Ингушетии по коррупционным делам были арестованы бывший министр молодежной политики, спорта и туризма И. Оздоев, бывший начальник управления ЖКХ республики А. Мержоев, глава ГУП «Дирекция целевых программ» Т. Арчаков. Появилось стремление к более объективному расследованию на шумевшего дела об убийстве оппозиционера М. Евлоева.

В Дагестане прокуратура выдвигала обвинения против двоюродного брата президента, заместителя министра сельского хозяйства О. Абдулмуслимова (в итоге он получил выговор) и министра природных ресурсов и окружающей среды Б. Магомедова. В Северной Осетии был обвинен бывший глава администрации президента и правительства С. Такоев, он был вынужден оставить свою работу, но дело в отношении него закрыли. В Кабардино-Балкарии было заведено уголовное дело в отношении заместителя руководителя налоговой инспекции Нальчика Р. Будаева. Здесь же был осужден бывший министр сельского хозяйства М. Ахохов, входивший одно время в окружение В. Кокова. В Адыгее было возбуждено уголовное дело против мэра Майкопа М. Черниченко.

Однако же, по мнению наблюдателей, борьба с коррупцией в республиках нередко используется для демонстрации центру положительных сдвигов с приходом новой власти и сведения политических счетов.

¹ Официальный сайт Мусы Садаева. Экономика, коррупция и экстремизм на Северном Кавказе. URL: http://sadaev.ru/archive/ekonomika_korruptiya_i_ekstremizm_na_severnom_kavkaze.html (дата обращения: 12.08.2013).

3.4. Особенности взаимоотношений федерального центра и северокавказских республик

В федеративном государстве с точки зрения приоритетов государственного единства определяющее значение приобретает проблема разрешения разного рода противоречий между федеральным центром и субъектами Федерации. Поэтому эффективность и действенность федеративного государства в экономической, социальной, политической и других сферах может быть обеспечена лишь в том случае, если неукоснительно соблюдается принцип теснейшего взаимодействия и сотрудничества всех уровней государственной власти, призванный успешно преодолевать противоречия, возникающие между федеральным, региональным и муниципальным уровнями государственной власти.

Как известно, территориальное верховенство государства - это его полная и исключительная власть в пределах территории, на которую распространяется его юрисдикция. Способность обеспечить территориальную целостность является важным условием обеспечения национально-государственного суверенитета. Поэтому в статье 67 Конституции Российской Федерации декларируется: «территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними... Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права»¹.

Именно федеральный центр играет ключевую роль в определении общего направления процессов трансформации, разработке общих рамок и критериев движения страны вперед, механизмов согласования действий различных регионов. Гарантия единства системы государственной власти,

¹ Конституция Российской Федерации, ст.67.

прав Российской Федерации состоит в том, что согласно части 4 статьи 78 Конституции «Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации обеспечивают в соответствии с Конституцией Российской Федерации осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории Российской Федерации»¹.

Государственное единство и целостность обеспечиваются общими для всей страны органами всех ветвей государственной власти. Ключевое значение с этой точки зрения имеет единство органов исполнительной власти. Согласно Конституции, федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Федерации составляют единую систему исполнительной власти во всей стране в пределах ведения Российской Федерации и совместного ведения Федерации и ее субъектов. Каждый субъект является составной и неотъемлемой частью Российской Федерации. Определяющее значение имеет тот факт, что границы между субъектами Федерации являются административными и, соответственно, они не вправе устанавливать таможенные границы, пошлины, сборы и иные препятствия для свободного перемещения людей, рабочей силы, товаров, услуг, финансовых и иных средств.

Однако Москва довольно долгое время не могла в должной мере определиться со своей политикой на Кавказе. На вопрос «Какой вы видите современную российскую политику на Кавказе?» военный историк, директор Центра военных и военно-исторических исследований Гуманитарного университета, президент Всероссийского фестиваля документального кино «Человек и война» В. Белолугов в интервью газете «Настоящее время» не без оснований дал такой ответ: «Если под политикой мы понимаем взвешенную деятельность, целью которой является достижение позитива с меньшими затратами, то политики нет, к сожалению. Еще с конца 1980-х гг., если взять ситуацию в Чечено-Ингушетии, центральное советское, а затем российское руководство не хотело замечать

¹ Конституция Российской Федерации, ст.78 ч.4.

того, что там творилось. А происходящее между 1991-1994 гг. вообще здравому смыслу не поддается: на территории субъекта России все вооружались, через территорию Чечни провозилось «левое» советское оружие, прокручивались «теневые» деньги и т.д. Это все происходило при непосредственном участии людей из Кремля... Руководство страны, политические партии, правозащитные организации этого не замечали И сегодня, к сожалению, мы видим, что на Кавказе нет российской позитивной политики на перспективу»¹.

К примеру, несмотря на то, что Республика Дагестан, которая занимает ключевое место на Северном Кавказе, с превращением в приграничное пространство приобрела еще большую геополитическую значимость, ее не баловали должным вниманием ни официальные федеральные власти, ни российские средства массовой информации, ни научные круги. Республика стала объектом пристального внимания центра лишь в результате развязывания чеченской войны, и то в контексте перспектив ее вовлечения в военные действия, а также в случаях чрезвычайных происшествий. «Оказавшийся в блокаде в результате чеченской войны Дагестан, - писал И. Максаков в феврале 1997 г., - в последнее время привлекает к себе внимание только во время громких и жестоких терактов на своей территории. Кроме того, ситуация в республике иногда служит поводом для московских политиков лишний раз заявить об угрозе развала России. В остальное время об этой крупнейшей северокавказской республике мало кто вспоминает, в то время как дагестанцы не устают призывать федеральный центр обратить внимание на бедственное положение своего региона»².

Как верно отмечают авторы аналитического доклада «Клановость и клиентелизм как база социальной конфликтности на Северном Кавказе», «продолжающаяся практика взаимного политического торга Центра и

¹ Приведено по: Курбанов Х. Политика без перспективы // Настоящее время, 17 июля 2009.

² Независимая газета, 11 февраля 1997.

кавказских элитных групп (кланов) приводит к внутреннему разложению элит и их дальнейшему отходу от интересов общества»¹. Такая политика приводит также к эрозии доверия к центру со стороны жителей Северного Кавказа. Недовольство народов Северного Кавказа Москвой в значительной степени объясняется тем, что, по их мнению, руководство государства не уделяет должного внимания положению дел в регионе, сквозь пальцы смотрит на злоупотребления и беззакония, творимые региональными властями. И действительно, независимо от политических пристрастий московских политиков, все они обращают остаточное внимание на решение межэтнических проблем, что создает серьезный конфликтный потенциал в регионе.

Существуют также данные, свидетельствующие о том, что многие северокавказские кланы, как принято говорить, «крышуются» из Москвы, что еще более осложняет борьбу с этим явлением. Возможно, не лишены оснований доводы аналитиков, по мнению которых в постсоветские годы сложилась коррупционная вертикаль, верхушка которой находится в Москве. Налажена откатная система, при которой за деньги решаются вопросы назначений на государственные должности: от милиционера до министра².

Складывается также впечатление, что, с точки зрения федерального центра отказ от поддержки этноклановых и иных патронажно-клиентелистских групп может создать серьезные риски дестабилизации ситуации. Однако ставшая привычной опора на формально лояльные

¹ Цветков О.М. Клановость и клиентелизм как база социальной конфликтности на Северном Кавказе. URL: <http://userdocs.ru/geografiya/6349/index.html?page=17> (дата обращения: 12.08.2013).

² См.: Гаджиев К.С. О природе политических режимов национальных республик Северного Кавказа // Мир и политика, 2011. – №9.

кавказские кланы и патронажно-клиентелистские группы отнюдь не дает желаемого результата¹.

Можно без всякого преувеличения утверждать, что власть многих региональных лидеров базировалась скорее на административном и хозяйственном ресурсах, нежели на мандате, полученном в результате всенародного волеизъявления. Суть вопроса заключается в том, что административные реформы, проведенные в 2000-х гг., не разрешили проблемы, определяющие характер и основные направления Северного Кавказа. В последние годы наблюдается стремление федерального центра как можно эффективнее контролировать деятельность властей национальных республик Северного Кавказа. В этом направлении наметилась тенденция к смене высших руководителей республик региона. В частности, были произведены замены президента Северной Осетии А. Дзасохова на Т. Мамсурова, президента Республики Дагестан М. Алиева на М. Магомедова, а его, в свою очередь, на Р. Абдулатипова, президента Кабардино-Балкарии В. Кокова на А. Канокова, президента Адыгеи Х. Совмена на А. Тхакушинова, президента Ингушетии Зязикова на Ю. Евкурова, президента Карачаево-Черкесии М. Батдыева на Ю. Эбзеева, а его, в свою очередь, на Р. Темрезова.

Но в целом такая ротация произведена в рамках уже сложившихся, но продемонстрировавших свою ущербность механизмов, консервирующих принцип равных и более равных во властных структурах этносов. При таком положении вещей замена руководителей республик сама по себе не решает проблем, связанных с отсутствием профессиональных команд управленцев, невозможностью сформировать дееспособное правительство. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего углубления реформы для обеспечения реального представительства во властной системе всех этносов

¹ Цветков О.М. Клановость и клиентелизм как база социальной конфликтности на Северном Кавказе. URL: <http://userdocs.ru/geografiya/6349/index.html?page=17> (дата обращения: 12.08.2013).

и создания условий для постепенной ликвидации кланово-клиентелистской системы, характеризующейся этническим уклоном.

В последние годы в результате политики глав ряда республик, действующих при поддержке Президента и Председателя Правительства Российской Федерации, положение дел несколько выправилось к лучшему¹. Тем не менее сохраняется множество проблем, которые пока что не находят должного решения. Инерция негативных явлений и тенденций прошлого, в особенности в аппарате власти, сила олигархических структур местного и федерального уровней и бытовая коррупция не позволяют добиться решительного перелома. Это не в последнюю очередь связано с влиятельными представителями федерального центра. Речь идет либо о высокопоставленных лицах отдельных ключевых федеральных ведомств, либо владельцах крупного бизнеса, а также руководителях влиятельных средств массовой информации². Как следствие, очевидны противоречия между политикой Президента и Премьер-министра России, с одной стороны, и реальной политикой множества «автономных» действующих лиц, у которых свои личные или корпоративные интересы в регионе, с другой.

Выше уже говорилось о том, что в настоящее время трудно назвать Северный Кавказ целостным хозяйственным комплексом, интегрированным в экономику остальной России, поскольку между отдельными республиками пока что в должной мере не установились тесные экономические связи. Более того, существующие противоречия между различными северокавказскими народами стали серьезным препятствием на пути формирования единого политического пространства.

¹ См.: Об этом более подробно см.: Халидов Д. Северный Кавказ: что делать? Системный анализ, назревшие меры и актуальные проекты. URL: <http://www.ansar.ru/library/23> (дата обращения: 12.08.2013); Кремль и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы федеральной власти: докл. Центра политических технологий. Апрель 2009. URL: politcom.ru/tables/doc1.doc (дата обращения: 18.07.2013).

² Кремль и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы федеральной власти: докл. Центра политических технологий. Апрель 2009. URL: politcom.ru/tables/doc1.doc (дата обращения: 18.07.2013).

На сравнительно небольшой территории мы имеем восемь (а до создания Северо-Кавказского федерального округа - десять) центров принятия политических решений. Причем политическая жизнь фактически замкнута на уровне каждого из отдельно взятых субъектов Федерации при недостаточном развитии над- и субрегионального уровней. Через них идут и перераспределяются денежные потоки из федерального центра. Это создает значительные трудности для их интеграции, что в свою очередь придает дополнительную значимость разработке научно обоснованных проектов развития связей в политической, экономической, культурной и иных областях между республиками и другими субъектами Федерации Северного Кавказа, а также создания сложной системы сдержек и противовесов.

Как отмечал А.А. Палчаев, «такая полицентричность, с одной стороны, представляет всем без исключения центрам значительную свободу политического маневра, а с другой – не дает ни одному из них возможность стать оплотом политической стабильности и экономической интеграции не только на региональном, но даже на субрегиональном уровне. Результатом отсутствия какого-либо единого центра принятия жизненно важных для региона решений является неспособность руководителей национальных республик разработать и тем более реализовать общие для всего региона программы социально-экономического и политического развития. Более того, часто имеет место ситуация, когда добившиеся самостоятельности субъекты федерации не справляются со стоящими перед ними проблемами и пытаются возложить ответственность за это на Москву. Естественно, притязания на больший объем полномочий требуют и большей ответственности, разумеется, в пределах своей компетенции»¹.

Здесь наиболее отчетливо прослеживается общероссийская тенденция, суть которой в том, что полицентричность на региональном уровне основана на моноцентризме на уровне республик, краев и областей. Соответственно,

¹ Палчаев А.А. Об изъянах национально-территориального устройства республик Северного Кавказа // Власть, 2012. – №3. – С. 43.

функционирование и развитие всех важнейших сфер общественной жизни, прежде всего экономики носят одномерный характер и жестко привязаны к административному центру. На субъектном уровне повторяется общероссийская ситуация, когда все и вся ориентированы на Москву.

Можно согласиться с В.А. Тишковым, по мнению которого необходимо разработать механизм «расслоения» власти по вертикали, распределения ее между уровнями региона в целом, отдельно взятого субъекта Федерации и муниципалитета¹, что должно создать необходимые условия для полицентричности, т.е. множества центров принятия решений и их реализации на каждом из этих уровней. Следует отметить, что у ряда руководителей государства есть понимание необходимости движения в этом направлении. Так, Д. Козак в интервью газете «Известия» заявил: «Поскольку в нашей огромной стране с большим количеством субъектов и муниципалитетов нереально централизованно обеспечить эффективную реализацию множества социально-экономических функций государства необходимо больше ответственности за их исполнение возложить на региональные и местные власти, преимущественно через институт «делегирования» федеральных полномочий. Это предполагает, что определение политики, установление правил остается за федеральным центром, а их исполнение возлагается на региональных и местных руководителей Границы юрисдикции контролирующих территориальных органов не должны совпадать с границами субъектов или муниципалитетов»².

Для окончательного решения данной проблемы представляется целесообразным разработать и осуществить широкомасштабную административную реформу, ориентированную на достижение двуетапной цели объединения всех нынешних северокавказских субъектов Федерации,

¹ Тишков В.А. Политический процесс и управление. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/politiches1.html> (дата обращения: 18.07.2013).

² Известия, 21 января 2005.

предоставив единому для всего региона центру широкие полномочия по разработке и реализации социально-экономических и политических программ, а также контролю за деятельностью властных структур каждого отдельно взятого регионального субъекта Федерации. Другая сторона этой цели - внутренняя децентрализация низовых административных образований, которые должны быть наделены самыми широкими властными или управленческими полномочиями по решению жизненно важных проблем соответствующих муниципальных и иных образований.

В этом направлении интерес представляет тот факт, что важнейшим фактором, обеспечивающим сложность и разнообразие северокавказских элит, является относительная самостоятельность института местного самоуправления. В большинстве районов и городов Дагестана, Карачаево-Черкесии и Чечни действует модель выборного главы муниципального образования, который может позволить себе не соглашаться с теми или иными решениями и распоряжениями руководителя соответствующей республики¹.

Как показывает практика целого ряда крупных муниципальных образований Республики Дагестан, таких как Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Майкопский и Кошехабльский районы в Адыгее, Карачаевский и Хабезский районы в Карачаево-Черкесии, Владикавказ в Северной Осетии и др., главы регионов вынуждены считаться с определенным уровнем независимости органов местного самоуправления.

Глава Республики Дагестан М.Г. Алиев на протяжении всех четырех лет пребывания у власти стремился подчинить своему контролю те или иные политические силы и структуры, а соответственно, и все политические процессы как на республиканском, так и на муниципальном уровне. Однако добившись этой цели в системе исполнительной власти и в Народном

¹ Кремль и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы федеральной власти: докл. Центра политических технологий. Апрель 2009. URL: politcom.ru/tables/doc1.doc (дата обращения: 18.07.2013).

Собрании, руководителем которого он являлся в течение многих лет, М.Г. Алиеву не удалось взять под свой контроль большинство органов местного самоуправления, а также региональные представительства федеральных структур. Об этом свидетельствуют неудачные попытки продвижения своих кандидатов на выборах местных глав. Так, в Кизлярском районе действующий глава Н. Еремеев крупно проиграл самостоятельному аварскому лидеру С. Муртазалиеву. В Цумадинском районе выборы выиграл двоюродный брат С. Муртазалиева М. Камилов, хотя М. Алиев пытался помешать и ему. Помочь своему кандидату Ш. Гаджимурадову выиграть выборы главы Цунтинского района М. Алиеву также не удалось. Главой остался сторонник С. Муртазалиева Г. Магдиев¹.

Аналогично президент Дагестана не смог добиться контроля над федеральными структурами. Эти должности занимают или влиятельные автономные игроки (С. Магомедов), или ставленники федерального центра. Большой резонанс получила скандальная история, когда власти Дагестана воспрепятствовали решению центра назначить главой управления Федеральной налоговой службы (ФНС) В. Радченко, помешав ему приступить к работе².

3.5. Об успехах и неудачах политического руководства республик

Итоги политики как федерального центра на Северном Кавказе, так и властей национальных республик за последние годы не представляется возможным оценить однозначно. Нельзя отрицать тот очевидный факт, что за последние годы в республиках региона - в одних вполне ощутимо, а в других в меньшей степени - достигнуты определенные успехи почти во всех сферах общественной жизни. Это подтверждает тот факт, что за

¹ Кремль и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы федеральной власти: докл. Центра политических технологий. Апрель 2009. URL: politcom.ru/tables/doc1.doc (дата обращения: 18.07.2013).

² Там же.

постсоветский период существенно изменился внешний облик городов Северного Кавказа, где идет массовое строительство, при всех возможных здесь оговорках поднялся жизненный уровень населения.

Опять же при некоторых оговорках, касающихся прежде всего обострения ситуации в ряде республик и активизации противоправной деятельности незаконных вооруженных формирований, в целом можно говорить о том, что в большинстве республик удалось удержать межнациональные противоречия в контролируемых пределах, выход за которые был бы чреват далеко идущими непоправимыми последствиями. После второй чеченской войны в некоторых республиках наблюдалась тенденция к ослаблению террористических и сепаратистских группировок. Особенно отчетливо эти перемены видны на примере Чеченской Республики. Президент Р. Кадыров переманил на свою сторону часть главарей незаконных вооруженных формирований и теперь они вошли во властные структуры, занимают влиятельные позиции в органах государственной власти и местного самоуправления. По имеющимся данным, подавляющее большинство населения республики поддерживают нынешний политический курс¹. Р. Кадыров, указывая на впечатляющие результаты восстановления Чечни, не без основания заявил делегации британского парламента, посетившей республику: «Позитивные изменения вы можете наблюдать всюду. Мы работаем сразу надо всем: боремся с терроризмом, решаем социальные вопросы, делаем все для улучшения благосостояния населения. В республике развиваются экономика, культура, спорт. Мы открыты для обсуждения любых проблем. У нас нет закрытых тем. Вы можете задавать любые вопросы»².

Этому не в последнюю очередь способствовали позитивные сдвиги в экономике страны, которые, естественно, в той или иной степени

¹ Снегирев Ю. Дагестан: милиционеров уничтожать, простых людей не трогать // Известия, 9 сентября. 2009.

² Время новостей, 29 марта 2010.

отражаются и на положении дел на Северном Кавказе. Здесь нельзя не согласиться с президентом Центра стратегических исследований и развития гражданского общества на Северном Кавказе А. Истамуловым, который писал: «Несмотря на тотальную коррумпированность всех органов власти, практически открытую торговлю должностями и еще более вопиющее казнокрадство, разного рода «джамааты» и просто банды головорезов перестали играть политическую роль и создавать угрозу сепаратизма и государственных переворотов»¹. Согласно Истамулову, сейчас «входной билет в «корпорацию Россия» может купить практически каждый. Президентом не стать, но должность в муниципалитете или паспортном столе по карману практически каждому жителю Быть частью Российского государства сейчас экономически выгоднее, чем сидеть в лесу и расставлять фугасы на проселочных дорогах без каких-либо перспектив карьерного роста Финансовые вливания стали определенной инъекцией от экстремизма и сепаратизма. Что касается Чечни, то здесь сыграла роль не только показательная жестокость военных, осуществлявших спецоперацию, но и понимание бесперспективности режима, созданного экстремистами»².

Как известно, проблемы борьбы с терроризмом занимают центральное место как в международно-правовых документах, так и в законодательстве многих стран. Существует довольно внушительный комплекс международно-правовых актов, направленных на противодействие всем формам и проявлениям экстремизма и терроризма, запрещение дискриминации по религиозному признаку. В этом направлении международное сообщество прилагает усилия по созданию условий для осуществления согласованных и результативных антитеррористических действий. Среди этих действий можно назвать, прежде всего, создание целого ряда

¹ Истамулов А. Экономика, коррупция и экстремизм на Северном Кавказе. URL: http://sadaev.ru/arhiv/ekonomika_korrupsiya_i_ekstremizm_na_severnom_kavkaze.html (дата обращения: 18.09.2013).

² Там же.

международных антитеррористических центров для борьбы с различными проявлениями экстремизма и терроризмом.

С учетом этих документов в Российской Федерации принят и действует целый комплекс законов и нормативно-правовых актов, направленных на профилактику, предотвращение, противодействие и борьбу с терроризмом. Среди них следует назвать следующие: Федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ (в редакции от 29 апреля 2008); Федеральный закон от 1 марта 2006 года «О противодействии терроризму» (в ред. Федеральных законов от 27 июля 2006 № 153-ФЗ; от 08.11.2008 N 203-ФЗ; от 22.12.2008 N 272-ФЗ; от 30.12.2008 N 321-ФЗ; от 27.07.2010 N 197-ФЗ; от 28.12.2010 N 404-ФЗ; от 03.05.2011 N 96-ФЗ; от 08.11.2011 N 309-ФЗ) и др.

В этих документах сформулированы и утверждены нормы и принципы определения экстремистских организаций и их деятельности, а также терроризма, основные формы, направления, методы, средства борьбы с этим злом. К примеру, в ст.3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 1 марта 2006 г. № 35-ФЗ говорится: «Терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Следует отметить также Указы Президента Российской Федерации, такие как «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» от 22 января 2001 года № 61; «О дополнительных мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» от 30 июня 2003 года № 715; «О центральных компетентных органах Российской Федерации, ответственных за выполнение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 17 июня 2003 года №680 и др.

Аналогичные законы и нормативно-правовые акты, определяющие принципы, формы и методы противодействия политическому и религиозному экстремизму и терроризму, приняты и реализуются в некоторых национальных республиках Северного Кавказа. Это, например, Закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» от 16 сентября 1999 года №15; Закон Карачаево-Черкесской Республики «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории КЧР» от 4 мая 2000 года № 6-РЗ; Закон Кабардино-Балкарской Республики «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» от 1 июня 2001 года и др.

Естественно, основой правовой базы в этой сфере является Конституция Российской Федерации. Она запрещает пропаганду и разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной и иных форм ненависти и вражды, создание и деятельность разного рода организаций, объединений, осуществляющих действия, направленные на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства¹.

Положения вышеприведенных документов в полной мере соответствуют установкам ключевых международных нормативно-правовых актов, которые признаются и ратифицированы Федеральным Собранием Российской Федерации. Речь идет, в частности, о Федеральных законах «О ратификации Европейской Конвенции о пресечении терроризма» от 7 августа 2000 года № 121-ФЗ; «О ратификации Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом» от 13 февраля 2001 года № 19-ФЗ; «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма» от 10 июля 2002 года N 88-ФЗ; «О ратификации Шанхайской

¹ Конституция Российской Федерации, ст. 13, 29 (дата обращения: 18.08.2013).

конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 10 января 2003 года № 3-ФЗ и др.

Комплекс мер в этом направлении принят и на уровне СНГ. Немаловажное значение имеет уже упомянутая Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятая 15 июня 2001 г. руководителями Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан. Она призвана регулировать взаимодействие правоохранительных ведомств и спецслужб государств - участников СНГ в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, обеспечить обмен информацией, проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий, мер по пресечению поставок вооружения и боеприпасов террористическим группировкам, их финансирования и т.д. В ст. 3 Конвенции констатируется: «Стороны принимают такие меры, которые могут оказаться необходимыми, в том числе в соответствующих случаях в области национального законодательства, для обеспечения того, чтобы деяния, указанные в пункте 1 статьи 1 настоящей Конвенции, ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по соображениям исключительно политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера и влекли наказание сообразно степени их тяжести»¹.

Нельзя не признать тот факт, что реализуя положения и установки этих документов, усилиями федеральных и региональных властей удалось предотвратить ряд конфликтов, которые могли иметь далеко идущие негативные последствия как для региона в целом, так и для отдельно взятых национальных республик. Так, в Дагестане имело место несколько случаев серьезного межнационального противостояния, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств могли привести к конфликтам,

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. URL: <http://www.medialawca.org/document/-2056> (дата обращения: 18.08.2013).

чреватым непредсказуемыми последствиями для целостности республики. Тогда усилиями республиканских властей, общественных и национальных организаций удалось избежать худшего развития сценария, но отнюдь не исчезли лежащие в их основе причины.

После разгрома незаконных вооруженных формирований, вторгшихся на территорию Дагестана из Чечни в августе-сентябре 1999 года, сепаратистским и террористическим силам был нанесен существенный урон. Постепенно один за другим уничтожены почти все наиболее влиятельные фигуры в их руководстве, такие как А. Масхадов, З. Яндарбиев, Ш. Басаев, С. Радиев и др. Такую же участь постигли так называемый эмир Кабардино-Балкарии А. Астемиров, арабский командир Абу-Халед, идеолог боевиков С. Бурятский, второй по рангу после Д. Умарова главарь бандформирований А. Тазиев, известный под псевдонимом «Магас». В этом ряду успехом российской дипломатии является распоряжение Государственного секретаря США в июне 2010 г. во время пребывания в Вашингтоне Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о внесении лидера так называемого Кавказского эмирата Доку Умарова в перечень, предусмотренный указом президента США №13224, целью которого является преследование террористов, а также поддерживающих террористов и помогающих в организации терактов¹. В этой связи напомним, что Умаров признал свою причастность к подрыву поезда «Невский экспресс» в 2009 г., когда погибло 28 человек, а также к взрывам 29 марта 2010 на станциях Московского метрополитена «Лубянка» и «Парк культуры», унесшим жизни 40 человек. По данным Следственного комитета России, установлены, ликвидированы или нейтрализованы исполнители и организаторы этих терактов Магомедали

¹ США внесли Доку Умарова в список террористов. URL: <http://www.inosmi.ru/usa/20100624/160832286.html> (дата обращения: 18.07.2013).

Вагабов – один из лидеров диверсионно-террористического подполья, Алиев, Щацаев, Магомеднабиев, Рабаданов и Исагаджиев и др.¹

В то же время драматические события - захват заложников в театре на Дубровке в октябре 2002 г., взрывы самолетов в августе 2004 г., захват школы в Беслане в сентябре 2004 г., атака на Нальчик в октябре 2005 г., перестрелки в Черкесске в декабре 2006 г., две террористические акции в Московском метрополитене в феврале 2010 г. и другие - служили серьезными напоминаниями о том, что политическое насилие в регионе не было преодолено. В конце 2000-х гг. официальная версия об улучшении ситуации подвергалась сомнению, поскольку положение на Северном Кавказе оставалось взрывоопасным.

К тому же нередко жертвами атак террористов или иных сил становятся представители средств массовой информации и правоохранительных органов, правозащитники, чиновники разных уровней государственной власти и др. Убиты глава администрации Владикавказа К. Пагиев и пришедший на смену ему в 2008 году В. Караев. Громкие убийства произошли в 2007 г. в КЧР - известного политика и депутата местного парламента И. Крымшамхалова, главы туристической фирмы «Барс» Б. Байрамкулова, главы Красногвардейского района М. Кудоева и др. В марте 2008 г. был убит глава ГТРК «Дагестан» Гаджи Абаширов. 2 сентября 2008 г. смертельную рану получил журналист исламской телекомпании «ТВ-Чиркей» А. Алишаев, который придерживался антиваххабитских позиций. В 2009 г. в Чечне были убиты правозащитницы Н. Эстемирова и З. Сайдулаева.

Нельзя отрицать, что власти национальных республик Северного Кавказ при активной поддержке федерального центра и под его руководством добились определенных успехов в борьбе с терроризмом и

¹ СК РФ: установлены все организаторы и исполнители терактов в московском метро. URL: <http://www.forbes.ru/news/65549-sk-rf-ustanovleny-vse-organizatory-i-ispolniteli-teraktov-v-moskovskom-metro> (дата обращения: 18.08.2013).

организованной преступностью¹. Тем не менее, было бы преждевременно говорить об окончательном решении этого вопроса. Как показывает правоприменительная практика, в этой сфере все еще существуют проблемы, требующие большей четкости законодательных положений, усиления административно-управленческой и контрольно-надзорной деятельности, обеспечения неотвратимости наказания, соразмерного тяжести содеянного виновным.

Имеющийся потенциал мер правового противодействия терроризму не всегда используется в полной мере в силу недостаточной эффективности правоприменительной деятельности, а также в связи с существующими пробелами в законодательном регулировании борьбы с терроризмом, что требует дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы с учетом международного и зарубежного опыта. Следует учесть и то, что, несмотря на единодушие стран - членов ООН в оценке опасности терроризма, с сожалением приходится констатировать, что выстроить адекватную систему противодействия терроризму пока не удается.

В целом руководителям Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестана не в полной мере удалось продемонстрировать свою способность предпринимать решительные действия, да и просто контролировать ситуацию в собственных республиках, оказывать эффективное противодействие действиям террористических и криминальных группировок.

Нельзя не отметить тот факт, что в борьбе с радикальным исламом часто без разбору причисляются к экстремистам все несогласные с политикой властей и официального муфтията, преобладает запретительный, карательный принцип. В соответствии с этим принципом преследуются и подвергаются уголовным наказаниям и те мусульмане, которые, разделяя не

¹ Ханбабаев К.М. Российский опыт политико-правового регулирования системы противодействия экстремизму и терроризму. URL: <http://www.ekstremizm.ru/metodika/item/179-rossiyskiy-opyt> (дата обращения: 18.06.2013).

традиционные, а салафитские или ваххабитские взгляды, не имеют отношения к террористическим действиям.

При этом упускается из виду тот факт, что те, кто считает себя защитниками «чистого ислама», далеко не однородны. Среди них есть те, кто уже перешел черту закона, но есть и те, кто воспринимает «чистый ислам» как противовес официальным тарикатам, служителей которых обвиняют в коррупции. Как представляется, к исламистам и ваххабитам нередко причисляют все протестные группы населения. Особое беспокойство вызывает тот факт, что под гребенку борьбы с экстремизмом и терроризмом, как правило, подпадают представители светской оппозиции, чья критика в большей степени направлена в адрес республиканских властей по самому широкому кругу вопросов, не имеющих прямого отношения ни к исламу, ни к терроризму.

Лишить социальной базы действительно экстремистские и террористические группы можно лишь разработав комплекс мер, прежде всего, социально-экономического и политического характера. Ключевое значение в этом плане имеют меры, направленные на разработку и внедрение альтернативных идеологических и богословских конструкций.

В спорах и дискуссиях о богословских вопросах служители традиционного ислама в силу своей слабой подготовленности проигрывают салафитам. Вся религиозная исламская литература, вышедшая в свет за постсоветский период, носит сугубо догматический и апологетический характер, и зачастую непонятна простому человеку. В этом плане обращает на себя внимание определенный дефицит хорошо подготовленных исламских богословов, способных предложить сообществу верующих идеи, разработанные с учетом происходящих в современном мире широкомасштабных изменений, аргументировано отстаивать, тем более, распространять их среди населения в качестве альтернативы идеям салафизма или ваххабизма.

Для противовеса фундаменталистским версиям ислама необходимо на основе лучших мировых аналогов создать собственную версию тарикатов, соответствующих российским реалиям, менталитету народов России мусульманского вероисповедания. И действительно, как писал М. Султанов-Барсов, «почему нельзя обобщать и адаптировать к современным условиям требования мусульманской веры, догматы ислама? Ведь их буквальное восприятие и есть источник раздоров между мюридами и салафитами, которые одинаково верно выполняют фарз и сунну, но заикливаются на ряде второстепенных вопросов и продолжают бесконечно враждовать. Но, позвольте, если нельзя обобщать догматы, находить закономерности природы и с их помощью наносить недостающие штрихи к картине мира, в чем же тогда научность мусульман?»¹.

Учитывая тот факт, что распространению религиозно-политического экстремизма, особенно в молодежной среде, способствуют крайняя коррумпированность и произвол правоохранительных органов, возникает императивная необходимость системной борьбы с этими явлениями, хотя следует признать, что это весьма трудно разрешимая задача, требующая много усилий, средств и времени.

Как представляется для этой цели немаловажное значение имеет подготовка высокообразованных служителей культа, что в свою очередь предполагает создание новых исламских центров и усовершенствование работы уже существующих, призванных осуществлять подготовку мусульманских священнослужителей в духе джадидизма. В этом направлении целесообразно оказывать всестороннюю поддержку совершенствованию религиозного образования в Российской Федерации в строгом соответствии с государственными образовательными стандартами.

Создается впечатление, что пока что весьма слабо разработана обоснованная и эффективная государственная программа противодействия

¹ Султанов-Барсов М. В Дагестане доминируют религиозные тенденции // Настоящее время, 13 ноября 2009.

экстремизму и терроризму, учитывающая всю полноту факторов, порождающих эти явления. Нет должного понимания того, казалось бы, очевидного факта, что одними карательными мерами и просто декларациями властей о принятии профилактических мер по удержанию молодежи от «ухода в лес», или же амнистии боевиков, изъявивших желание вернуться к мирной жизни, и даже создания рабочих мест проблему не устранить.

Из проведенного в данной главе исследования вытекают следующие выводы:

Очевидно, что среди внутренних факторов, в значительной степени обуславливающих конфликтогенность Северокавказского региона в целом и каждого из региональных субъектов Российской Федерации, особо важное место занимают слабость экономики, нерешенность множества ключевых социальных проблем. Располагая необходимыми условиями и ресурсами для решения этих проблем, по уровню экономического развития и по большинству социальных показателей регион остается одним из самых отсталых в Российской Федерации. К тому же в многонациональных республиках приватизация была проведена по клановым, этническим, номенклатурным и иным принципам. Это привело по сути дела к монополизации представителями отдельных этнонациональных групп множества предприятий и даже отраслей экономики.

На Северном Кавказе весьма велика доля теневой экономики. Здесь может быть больше, чем в других регионах России, она определяет процесс формирования и распределения доходов, развитие экономики в целом. По имеющимся данным, сегодня до половины оборота товаров и услуг в республиках приходится на теневой сектор экономики. Практически невозможно начать свое дело, не будучи членом определенного клана, тейпа, группировки. Находится в неудовлетворительном состоянии инфраструктура воспроизводства человеческого капитала, не определены стратегические

задачи для социальной сферы в целом. Бичом для северокавказских республик стала безработица.

При всем том необходимо внести более или менее существенные коррективы в весьма популярное убеждение в том, что чуть ли не все проблемы, в том числе терроризм, преступность, конфликтогенность, коррупция и т.д. определяются бедностью, безработицей и другими сугубо экономическими факторами. Однако можно назвать множество стран, да и регионов Российской Федерации, которые значительно беднее, чем северокавказский Северный Кавказ, но не обременены проблемой терроризма и разного рода противоречиями и конфликтами.

При оценке этой ситуации необходимо признать, что в регионе речь идет о полномасштабном системном кризисе, который охватывает все сферы общественной жизни, прежде всего социально-экономическую, духовную, политическую. Имеет также место сращивание клановых и властных структур, проникновение организованной преступности в структуры государственной власти. Этим объясняется тот факт, что народ по большому счету не принимает борьбу с терроризмом и организованной преступностью как свою борьбу, рассматривая ее как разборки между клановыми группировками.

Комплекс накопившихся социальных, экономических и политических проблем, в должной мере не продуманная политика Москвы в сфере взаимоотношений федерального центра и регионов и межэтнических отношений, произвол правоохранительных органов в сочетании с местными особенностями и другие факторы обусловили масштаб и последствия системного кризиса политических режимов и связанных с ними кланово-корпоративных сообществ.

Этим объясняется дефицит или полное отсутствие в глазах народа должной легитимности правящих элит во всех без исключения национальных республиках Северного Кавказа. Можно говорить даже о морально-психологической делегитимации правящих элит. При этом

северокавказские элиты демонстрируют виртуозное мастерство в политических интригах на местном и федеральном уровнях, а также при распределении поступающих от федерального центра финансовых потоков.

Было бы преждевременно утверждать, что федеральному центру удалось окончательно определить формы своего представительства в регионе и гарантированного обеспечения представительства Северного Кавказа, в том числе и этнических общностей, на уровне федеральных органов власти.

При таком положении вещей не может быть и речи о серьезных подвижках в решении кардинальных проблем, стоящих перед регионом, прежде всего, терроризма, коррупции, клановости, организованной преступности и т.д., разъедающих саму ткань государственности. Эти антиобщественные явления, то как бы переходя в латентное состояние, то как бы неожиданно и агрессивно вылезая на поверхность, продолжают оставаться серьезной угрозой социальной и политической стабильности в регионе, национальной и региональной безопасности, единству и территориальной целостности Российской Федерации. Естественно, в этом направлении ключевое значение имеют разработка и реализация национальной стратегической программы, основанной не на охвате какой-либо одной, например, отдельно взятой социально-экономической, или политической, духовной и др. сфер, а на системном охвате всех без исключения ключевых составляющих Северного Кавказа как внутреннего геополитического пространства России. Представляется целесообразным расширить и укрепить органы государственной власти, представляющие федеральный центр в регионах. Речь идет, прежде всего, о правоохранительных и контролирующих органах, а именно, ФСБ, судебной системе, прокуратуре, полиции, счетной палате и др., их комплектовании как можно большим числом лицами, не ангажированными связями с местными этно-клановыми и иными структурами.

Заключение

При поисках ответов на поставленные в работе вопросы автор исходил из того основополагающего факта, что Северный Кавказ является составной, неотъемлемой частью Российской Федерации. В течение последних почти двух столетий положение вещей сложилось таким образом, что в настоящее время у региона не существуют какие бы то ни было альтернативы тем связям и отношениям, которые у его народов сложились с Россией. Северный Кавказ к настоящему времени стал неотъемлемой интегральной частью Российской Федерации. Регион имеет важное стратегическое значение для обеспечения ее национальной безопасности, защиты ее национальных интересов.

В то же время можно утверждать, что регион выступает в качестве генератора таких процессов и событий внутри- и внешнеполитического характера, которые создают прямую угрозу национальным интересам и безопасности в целом России, и в особенности – народов самого Северного Кавказа. Не будет преувеличением мысль о том, что здесь испытывается на прочность российская государственность. Не случайно Президент России В.В. Путин подчеркивал, что действия федеральных сил на Северном Кавказе во время второй чеченской войны 1999 года определялись не только необходимостью подавить гнездо терроризма, но и тем фактом, что тогда «речь шла о существовании самой Российской Федерации и ее государственности»¹.

Предпринята попытка скорректировать характерный для определенной части научного сообщества, публицистов, политических и государственных деятелей соблазн приписать все беды северокавказских республик на почве исламского, этнического и иного радикализма и экстремизма исключительно

¹ Интервью Президента РФ В. Путина телеканалу TF-1 (Франция). 12 июля 2006 г. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/12/1133_type63379_108509.shtml (дата обращения: 18.07.2013).

внешним факторам, или «мировой закулисе». Однако проблемы региона не решить без осознания того факта, что никакие внешние факторы не способны разбалансировать положение дел в стабильном, неуклонно развивающемся, уверенном в свое будущее благополучном по всем жизненно важным стандартам обществе.

Национальная безопасность, будучи сложной, многоплановой и открытой системой, охватывает внутривнутриполитическую, геополитическую, экономическую, военную, этнонациональную, региональную, информационную и иные сферы, в силу чего угрозы национальной безопасности России приобретают многофакторный характер. Наряду с традиционными, все более возрастающую роль играют внутренние источники угроз национальной безопасности, связанные с состоянием самого общества и национальной экономики, подрывом господствующей системы ценностей, традиций, принципов, национальных идеалов и целей, обострением межнациональных, межконфессиональных и иных противоречий и конфликтов и т.д.

В этом контексте Северный Кавказ рассматривается в качестве самостоятельного внутреннего геополитического пространства Российской Федерации. В качестве факторов, обуславливающих приоритеты национальной безопасности Российской Федерации в регионе, выделены социально-экономическая, политическая, этнонациональная и конфессиональная сферы общественной жизни, которые могут переходить друг в друга и создавать различные комбинации: этнополитика и геополитика, геополитика и геоэкономика, конфессиональный фактор в контексте геополитических реальностей и так далее. Их геополитическая значимость для Северного Кавказа определяется тем фактом, что их границы простираются как на север в самой России, так и за государственные границы в южном направлении в Закавказье и на Ближний и Средний Восток. Тем самым внутривнутрирегиональные реалии оказываются под постоянным давлением внешних факторов. В то же время события и процессы в регионе оказывают

заметное влияние на развитие ситуации в масштабах, выходящих далеко за рамки непосредственно прилегающих к нему территорий.

Касаясь вопроса о конфессиональном факторе, сделан вывод, что в настоящее время одним из приоритетов политики Российской Федерации является нейтрализация угрозы национальной безопасности на ее южных рубежах со стороны политизированного исламского фундаментализма, служащего идеологической и политико-религиозной основой различных форм экстремизма и терроризма. Особенно большую угрозу государственному единству представляет слияние исламского фундаментализма вахабитского толка с этносепаратизмом.

Другая не менее серьезная угроза территориальному единству, суверенитету и национальной безопасности Российской Федерации таится в нерешенности этнонационального вопроса. Этот вопрос играет ключевую роль в определении границ и контуров Северного Кавказа как самостоятельного внутреннего геополитического региона Российской Федерации. Множество других составляющих, имеющих более или менее существенное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности и государственного единства Российской Федерации, по сути дела вытекает из него или же теснейшим образом связано с ним.

В этой связи положение более или менее существенно усугубляется тем, что этногеополитическое пространство Северного Кавказа, в результате целого комплекса проанализированных в работе факторов, не имеет четко обозначенных границ. Они не заканчиваются на южной государственной границе Российской Федерации, а простираются на территорию как Азербайджана и Грузии, так и Ближнего и Среднего Востока. Иначе говоря, здесь в наиболее очерченной форме проявляется взаимосвязь между геополитикой и этнополитикой. В итоге, любое обострение ситуации в Закавказье самым непосредственным образом отражается на положении дел в России. Более того, она оказывается автоматически вовлеченной в любые

конфликты, например, между Грузией и Абхазией или между Южной Осетией и Грузией.

Из проведенного исследования вытекает вывод, что среди внутренних факторов, в значительной степени обуславливающих конфликтогенность Северокавказского региона, особо важное место занимают слабость экономики, нерешенность множества ключевых социальных проблем, злоупотребления властей при приватизации государственной собственности, проведенной по клановым, этническим, номенклатурным и иным критериям, монополизация представителями отдельных этнонациональных групп множества предприятий и даже отраслей экономики, разгул теневой экономики и т.д.

Суть проблемы состоит в том, что бедственное положение экономики и социальной сферы является частью или одним из проявлений широкомасштабного системного кризиса, который охватывает все сферы общественной жизни. Другими его проявлениями являются клановость, беспрецедентно высокий уровень коррупции, пронизывающей всю властную структуру сверху вниз, сращивание клановых и властных структур, проникновение организованной преступности в структуры государственной власти и т.д. Этим объясняется дефицит или полное отсутствие в глазах народа должной легитимности правящих элит во всех без исключения национальных республиках Северного Кавказа. Можно говорить даже о морально-психологической делегитимации правящих элит. В результате народ по большому счету не принимает борьбу с терроризмом и организованной преступностью как свою борьбу, рассматривая ее как разборки между клановыми группировками.

При таком положении вещей не может быть и речи о серьезных подвижках в решении кардинальных проблем, стоящих перед регионом. Консервация такого положения представляет собой серьезную угрозу как национальной и региональной безопасности, так и единству и территориальной целостности Российской Федерации. Естественно, в этом

направлении ключевое значение имеют разработка и реализация национальной стратегической программы, основанной не на охвате какой-либо одной, например, отдельно взятой социально-экономической, или политической, духовной и др. сфер, а на системном охвате всех без исключения ключевых составляющих Северного Кавказа как внутреннего геополитического пространства России.

Список использованных источников и литературы

Литература:

1. Акаев В.Х. Кавказ в контексте геополитики. – Грозный, 2006.
2. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе. Этноконфессиональная толерантность. – М., 2007.
3. Алиева В.Ф. Демографические процессы в современном Дагестане. – М., 2007.
4. Арухов З.С. Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. – Махачкала, 2006.
5. Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски. Трансформация регионального этнополитического пространства. – М., 2011.
6. Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005.
7. Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000.
8. Василенко И.А. Политическая глобалистика. – М.: Логос, 2000.
9. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2003.
10. Гаджиев К.С. Геополитика. – М. 1997.
11. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России. Контуры нового миропорядка. – М., 2011.
12. Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М., 2011.
13. Гаджиев К.С. Новая большая игра на Кавказе. Вчера, сегодня, Завтра. – М., 2012.
14. Гаджиев Р. Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. – Грозный, 2004.

15. Гусаев М.М. Религиозный фактор в кавказской геополитике. Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества. – Махачкала, 2002.
16. Гусейнов А.Г. Социальные конфликты Северного Кавказа: сущность и пути урегулирования. Регион.
17. Гусейнов В.А. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. – М., 2002.
18. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов н/Д, 2003.
19. Дзадзиев А.Б. Демографические процессы в республиках Северного Кавказа в межпереписной период 1989—2002 гг. // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: ежегодный докл. – М., 2003.
20. Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ, 2002.
21. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Д., 2003.
22. Добаев И.П. Кавказский макрорегион в фокусе геополитических интересов мировых держав: история и современность. Ростов н/Д, 2007.
23. Добаев И.П. Современный терроризм: региональное измерение. – Ростов н/Д., 2009.
24. Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность. – Ростов н/Д., 2004.
25. Дружинин А.Г. Юг России конца XX – начала XXI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов н/Д., 2005.
26. Дугин А.Г. Основы геополитики. – М., 2000.
27. Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. – М., 1999.
28. Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. – М., 2003.
29. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 1988.

30. Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. – Ростов н/Д., 1999.
31. Кремль и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы федеральной власти: аналит. докл.
32. Липина С. Социальные корни криминализации экономики регионов Северного Кавказа. Материалы международного научно-практического семинара. – М.: Издание Гос. Думы, 2009.
33. Липина С.А. Стратегические приоритеты социально-экономического развития республик Северного Кавказа: пути и методы их достижения. – М., 2010.
34. Магарамов Э.М. Современная геополитическая ситуация на Северном Кавказе: проблемы национальной и региональной безопасности России. Автореф. дис.к. полит.н. по специальности 23.00.02 - Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. – Махачкала, 2007.
35. Малащенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М. 2001.
36. Малышева Д.Б. Исламский фундаментализм в современном мире // Постиндустриальный мир. – М., 1999.
37. Мишин В.Е. Безопасность Северного Кавказа в условиях глобализации. Автореф. канд. полит, н. по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. – Пятигорск, 2005.
38. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование: в условиях стратегической нестабильности. – М., 1999.
39. Поздняков Э.А. Геополитика. – М., 1995.
40. Проблемы геополитики и Северный Кавказ. – Ставрополь, 2001.
41. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2003.
42. Пути мира на Северном Кавказе: независимый экспертный докл. под рук. В.А. Тишкова. – М., 1999.

43. Саидов А.А. Основные проблемы трансформирующейся политической системы Республики Дагестан: Автореф. / Рост. гос. ун-т .- Ростов н/Д , 2003.
44. Санглибаев А.А. Этнополитические процессы на Северном Кавказе на современном этапе. Автореф. д. полит.н. по специальности 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. – Ставрополь, 2008.
45. Северный Кавказ в условиях глобализации. – Майкоп, 2001.
46. Северный Кавказ: геополитика, история, культура. – М.-Ставрополь, 2001.
47. Северный Кавказ: Проблемы экономики и политики. – М., 2008.
48. Сорокин К.Э. Геополитика современного мира и геостратегия России. – М., 1996.
49. Тугуз Х.И. Региональная федерация: Юг России и проблемы развития // Федерализм на Юге России. – Ростов н/Д, 2003.
50. Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под ред. П.А. Цыганкова. – М., 2012.
51. Харченко В.А. Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления. Автореф. докторской дис. д. полит. н. по специальности ВАК 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. – Бишкек, 2011.
52. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – М., 1998.
53. Христенко В.Б. Межбюджетные отношения и управление региональными финансами: опыт, проблемы, перспективы. – М.: Дело, 2002.
54. Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М., 2007.
55. Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. – М., 2000.

56. Черноус В.В. Кавказ в системе евразийской безопасности: от биполярности через атлантизм к глобальной безопасности. – Ростов н/Д., 2004.
57. Читаев Ш.В. Геополитический потенциал Северо-Кавказского региона. Автореф. К.пол.н. по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и глобального развития. – М., 2009.
58. Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика. – М., 2005.
59. Юсупова Г.И. Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России. Автореф. дис. к.ф.н. по специальности 09.00.13 – Религиоведение, философская антропология, философия культуры. – Махачкала, 2009.

Периодические издания:

Журналы:

60. Авксентьев В.А., Шаповалов В.А. Стабилизация этносоциальных и этнополитических отношений на Северном Кавказе как условие устойчивого развития региона // Вестник отдела социально-политических проблем Кавказа ЮНЦ РАН. – 2005, Вып. 1.
61. Авыюцкий В. Конфессиональная геополитика на Юге России и Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ, 2003. – № 5.
62. Вайханов Х.Х. Национальная безопасность России на региональном уровне: геополитико-конфликтологический подход. Южно-российское обозрение. Выпуск 61. – Ростов н/Д., 2010.
63. Гаджиев К.С. Национализм и ислам на Кавказе: идеологическое измерение // Россия и мусульманский мир, 2011. – № 2.
64. Гаджиев К.С. О природе политических режимов национальных республик Северного Кавказа // Мир и политика, 2011. – №9.
65. Гаджиев К.С. Об эндогенных факторах фрагментации идентичности России // Мировая экономика и международные отношения, 2013. – №4.

66. Геополитическая модель Северного Кавказа (круглый стол) // Научная мысль Кавказа, 2000. – №2.
67. Голунов С. Безопасность пограничных пространств // Международные процессы, 2007. Том 5. – №2.
68. Давыдов В.Н. Этнополитические конфликты на Северном Кавказе: региональный фактор // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология, 2004. – №1.
69. Добаев И. П. Роль и место исламского радикализма в геополитике Кавказа // Научная мысль Кавказа, 2002. – № 4.
70. Киселева Н.Н., Орлянская А.А. Региональные модели развития сельской местности в Северокавказском федеральном округе // Современные проблемы науки и образования, 2012. – № 6.
71. Ланда К.Г. Трансграничное сотрудничество: Дагестан в международных связях России // Современные проблемы науки и образования, 2009. – №3.
72. Лопашенко Н.А. Экономическая преступность как угроза экономической и иной опасности // Уголовное право, 2000. – №1.
73. Малашенко А.В. Фактор ислама в российской внешней политике // Россия в глобальной политике, 2007. – №2.
74. Мирский Г. Цивилизация бедных // Отечественные записки, 2003. – №5.
75. Митрохин Л.Н. Религия и нация // Наука и религия, 1989. – №3.
76. Мусаева Л.З., Шамилев С.Р., Шамилев Р.В. Особенности расселения сельского населения субъектов КФО // Современные проблемы науки, 2012. – №5.
77. Научная мысль Кавказа: Научный и общественно-теоретический журнал – Ростов н/Д.: Северо-Кавказский научный центр высшей школы, 2000. – № 2.
78. Палчаев А.А. Конфликтогенный потенциал национально-территориального устройства Северного Кавказа // Власть, 2012. – №1.

79. Палчаев А.А. Об изъянах национально-территориального устройства республик Северного Кавказа // Власть, 2012. – №3.
80. Рашковский Е.Б. «Кавказский меловой круг»: трагические судьбы региона // Pro et Contra, 2002. – Т.7. №3.
81. Сайдумов Д.Х. О некоторых итогах реализации концепции государственной национальной политики Чеченской Республики // Вестник Академии наук Чеченской Республики, 2012. – № 1.
82. Сиван Э. «Радикальный ислам»: причины и последствия террористического насилия // Internationale Politik, 1997. – №8.
83. Сиверцев М. Перспективы исламской геополитики в регионе Северного Кавказа // Россия и мусульманский мир: бюл. реферативно-аналит. инф. – М., 1993. – № 9.
84. Смирнов А.Н. Этнические контуры северокавказской геополитики // Мировая экономика и международные отношения, 2000. – №5.
85. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этническое обозрение, 2000. – №2.
86. Тишков В.А. Конфликты и федерализм. Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе. Общая оценка ситуации и природы конфликтов // Казанский федералист, 2002. – №2.
87. Урбан М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // Политические исследования, 2002. – №4.
88. Ханбабаев К. Геополитический потенциал Дагестана и ключевое направление его реализации // Южно-российское обозрение, 2005. – №30.
89. Ханбабаев К.М. Ислам и проблемы обеспечения национальной безопасности в Южном федеральном округе // Южнороссийское обозрение, 2005. – №30.
90. Ханбабаев К.М. Исламский радикализм на Северном Кавказе: Идеология, цели, пути финансирования // Свободная мысль, 2007. – №3.

91. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Политические исследования, 1994. – № 1. – С. 33-48.

Газеты:

92. Погонцева К. Отток русскоязычного населения отбросил экономику Северного Кавказа на много лет назад // Российская газета, 17 июня 2008.
93. Путин В.В. Наша общая задача - превратить Северный Кавказ в процветающий край // Советская Адыгея, 30 марта 2004.
94. Сергеев Н. Боевики убивали как-то по-полицейски // Коммерсант, 8 апреля 2013.
95. Смиронов Л. О кавказской политике, которой нет // Северный Кавказ, 18 марта 2013.
96. Абдурахманов Д. У нас в Чечне оппозиции нет // Настоящее время, 25 сентября 2009.
97. Аль-Каф, Апрель 1998.
98. Бисавалиев М.И. Как же быть с президентом? // Настоящее время, 5 апреля 2013.
99. Брежицкая Е. Ставим амбициозные задачи // Российская газета: Специальный выпуск — Северный Кавказ, 18 января 2013.
100. Время новостей, 27 декабря 2007.
101. Время новостей, 29 марта 2010.
102. Время новостей, 13 ноября 2013.
103. Дагестанская правда, 13 июля 2006.
104. Дагестанская правда, 14 июня 2009.
105. Джамалдинов Р. Коррупция в дагестанских университетах — миф или реальность? // Свободная республика, 11 сентября 2009.
106. Джамбулаев Дж. ФАП – атрибут сельской жизни // Дагестанская правда, 3 апреля 2013.
107. Известия, 21 января 2005.

108. Известия, 11 июня 2009.
109. Известия, 31 мая 2010.
110. Карташова О. Умный идет в гору // Российская газета: Специальный выпуск – Северный Кавказ, 18 января 2013 г.
111. Курбанов Х. Политика без перспектив // Настоящее время, 17 июля 2009.
112. Магомедов Ш. Реформой вертикали по экстремизму // Настоящее время, 17 июля 2009.
113. Михайлин Д. Ваххабизм – не просто зло, это смертоносное зло // Российская газета, 28 сентября 1999.
114. Молодежь Дагестана. 16 мая. 1997.
115. Независимая газета, 17 января 1992.
116. Независимая газета, 23 августа 1993.
117. Независимая газета, 11 февраля 1997.
118. Независимая газета, 26 августа 1998.
119. Независимая газета. 30 ноября 2009.
120. Просчеты на границе отражаются на всей системе национальной безопасности // Страна.гу, 29 декабря 2004.
121. Российская газета, 14 октября 2008.
122. Российская газета, 13 августа 2010 г.
123. Российская газета: Специальный выпуск — Северный Кавказ, № 5984 от 18 января 2013.
124. Смиронов Л. О кавказской политике, которой нет // Северный Кавказ, 18 марта 2013.
125. Снегирев Ю. Дагестан: милиционеров уничтожать, простых людей не трогать // Известия, 9 сентября. 2009.
126. Сухов И. Кавказская контурная карта // Время новостей, 7 июня 2010.
127. Тишков В.А. Вперед, назад или в никуда? Северный Кавказ: проблемы и политика // Независимая газета, 22 января 1998.

Иностранная литература и периодические издания:

128. Abdel-Malek, A. Foundations and Fundamentalism // Народы Азии и Африки. – М., 1990.
129. Al-Azm Sadik J. Islamic Fundamentalism Reconsidered: A Critical Outline of Problems, Ideas and Approaches // South Asia Bulletin, Comparative Studies of South Asia / Africa and the Middle East, 1993. – vol. XIII, №18.
130. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso Editions, 1983.
131. Arkoun M. Islam et democratie. Quelle democratie? Quele Islam? // Cites, 2002. – PUF 12.
132. Cohen S.B. Geography and Politics in Divided World. – London, 1964.
133. Esposito J.L. The Islamic Threat. – N.Y., 1992.
134. Fuller G.E. The Future of political islam. – N.Y., 2003.
135. Goldenberg, Suzanne, Pride of Small Nations: The Caucasus and Post-Soviet Disorder. – London: Zed Books, 1994.
136. Islamophobia: A Challenge For Us All (Runnymede Trust). – L., 1997.
137. Lieven A. Nightmare in the Caucasus // The Washington Quarterly. – Winter, 2000.
138. Parker G. Geopolitics. Past, Present and Future. – London and Washington, 1998.
139. Smith A.D. Culture, Community And Territory: The Politics of Ethnicity and Nationalism // International Affairs, 1996. Vol. 72. – No 3.
140. Smith A.D. Gastronomy or Geology? The Role of Nationalism in the Construction of Nations // Nation and Nationalism, 1995. – Vol. 1. № 1.
141. Smith A.D. The ethnic origins of nations. – Oxford, 1986.
142. Tash, Abdul Qatar. Islamophobia in the West // The Washington Report November/December, 1996.
143. Voll J.O. Fundamentalism in the Sunni Arab World: Egypt and the Sudan. In.: Fundamentalisms Observed. Chicago, 1991.

Источники:**Статистические:**

144. Вычисления на основе экспертных оценок и данных из: Регины России: стат. сб. 2008.
145. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат.сб. / Росстат. М., 2010.
146. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат.сб./ Росстат. – М., 2011.
147. Регионы России: Социально-экономические показатели, 2012: Стат, сб. Росстат, 2012.
148. Регионы России: Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008.
149. Северный Кавказ: итоги переписи // Дагестанская правда, 5 апреля 2012.
150. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России, 2011: Стат.сб. Росстат. – М., 2011.
151. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011. Стат.сб./ Росстат. – М., 2011.

Нормативно-правовые акты:

152. Декларация о государственном суверенитете РСФСР // Сборник документов, принятых первым – шестым съездами народных депутатов Российской Федерации... – М., 1992.
153. Закон СССР «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» от 10 апреля 1990 г. № 1421-І.
154. Конституция Кабардино-Балкарской Республики.
155. Конституция Республики Дагестан.
156. Конституция Республики Северная Осетия-Алания.
157. Конституция Российской Федерации.
158. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. Федеральный выпуск, 19 мая 2009.

159. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. № 1485-р // Собрание законодательства РФ, 04.10.2010, № 40.
160. Послание президента Республики Дагестан Муху Алиева Народному собранию Республики Дагестан, 2007 г. // Дагестанская правда, 28 июня 2007.
161. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ.
162. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 1 марта 2006 года.

Интернет-источники:

163. 20 самых дотационных регионов России. 02/11/2011. URL: <http://www.online812.ru/2011/11/02/006/> (дата обращения: 03.06.2013).
164. Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтническом макрорегионе: подпрограмма по Югу России. URL: <http://adaptation.iea.ras.ru/reports/2006/subprogramme.pdf> (дата обращения: 11.07.2013).
165. Арутюнов С. Этнократия или демократия? Традиции Северного Кавказа // Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе. URL: http://apsnyteka.narod2.ru/k/traditsiya_razresheniya_konfliktov_na_kavkaze (дата обращения: 18.06.2013).
166. Арухов З. Глобальная геостратегия США на Кавказе: Дагестан под прицелом. URL: <http://evrazia.org/article/1923> (дата обращения: 08.09.2013).
167. Асанова А.З. Совершенствование нормативно-правовой базы по вопросам государственного финансового контроля за исполнением

- бюджетов дотационных субъектов Российской Федерации // Финансы и кредит, 2012. – №2. URL: <http://www.uecs.ru/uecs-38-382012/item/1092-2012-02-29-05-59-02> (дата обращения: 08.09.2013).
168. Бекряшев А.К. Теневая экономика и экономическая преступность. URL: <http://znanie.podelise.ru/docs/93319/index-1380.html?page=13> (дата обращения: 08.08.2013).
169. В Москве и Дагестане раскрыта крупнейшая в России сеть по производству фальшивых денег, 18 декабря 2012. URL: http://isroil.info/set/news_set/kavkaz/2697 (дата обращения: 03.06.2013).
170. В Росстате определили национальный состав Ставропольского края. URL: <http://www.perepis-2010.ru/news/detail.php?ID=7990> (дата обращения: 17.09.2013).
171. Владимир Путин назвал пять приоритетов развития Северного Кавказа. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=337399> (дата обращения: 12.08.2013).
172. Возрождение полиэтничности в Ингушетии, 15 сентября 2010. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/articles/25463.html> (дата обращения: 17.09.2013).
173. Глава Англиканской церкви выступил за введение Шариата, 8 февраля 2008 // URL: http://www.abubakr-mescidi.com/modules/news/article_storyid_455.html (дата обращения: 10.10.2013).
174. Дегоев В.В. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности. URL: <http://www.inci.ru/vestnikii/vest19.html> (дата обращения: 08.09.2013).
175. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. URL: <http://www.terralegis.org/terra/act/b252.html> (дата обращения: 31.05.2013).

176. Демографические процессы и динамика расселения русских в республиках Северного Кавказа, 11 мая 2002. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/21892/> (дата обращения: 17.09.2013).
177. Дзадзиев А.Б. Демографические процессы в республиках Северного Кавказа в межпереписной период 1989 – 2002 гг. URL: <http://www.viu-online.ru/science/publ/buletten10/page10.html> (дата обращения: 31.05.2013).
178. Добаев И. Вернутся ли русские на Северный Кавказ? 31 марта 2008. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/vernutsa_li_russkiye_na_severnyj_kavkaz_2008-03-31.htm (дата обращения: 31.05.2013).
179. Епифанцев А. Почему мы теряем Кавказ? 12 июля 2010 // <http://www.apn.ru/publications/article22987.htm> (дата обращения: 16.07.2013).
180. Законы шариата в Англии? 8 Февраля 2008 г. // URL: <http://www.liveinternet.ru/users/kraftman/post66234869> (дата обращения: 10.10.2013).
181. Интервью Президента РФ В. Путина телеканалу TF-1 (Франция). 12 июля 2006 г. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/12/1133_type63379_108509.shtml (дата обращения: 18.07.2013).
182. Истамулов А. Экономика, коррупция и экстремизм на Северном Кавказе. URL: http://sadaev.ru/arhiv/ekonomika_korruptsiya_i_
183. Кремль и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы федеральной власти: докл. Центра политических технологий. Апрель 2009. URL: politcom.ru/tables/doc1.doc (дата обращения: 18.07.2013).
184. Ланда К. Дагестан в смертельном кольце. 18 января 2013. URL: <http://ansar.ru/person/2013/01/18/36704> (дата обращения: 11.03.2013).

185. Маркедонов С.М. Безопасность России на Северном Кавказе после признания Абхазии и Южной Осетии. URL: <http://www.apn.ru/publications/article20722.htm> (дата обращения: 03.06.2013).
186. Мусаева Л.З., Шамилев С.Р., Шамилев Р.В. Особенности расселения сельского населения субъектов СКФО // Современные проблемы науки, 2012. – №5. URL: www.science-education.ru/105-6914 (дата обращения: 03.06.2013).
187. На руководство «Курортов Северного Кавказа» завели дело. 8 мая 2013. URL: <http://news.mail.ru/incident/13021103/> (дата обращения: 08.09.2013).
188. На юге Дагестана не спадает национальное движение лезгин из-за разделенности народа, 23 февраля 2013. URL: <http://flnka.ru/digest-analytics/page,1,1,1425-html> (дата обращения: 17.09.2013).
189. Опубликована «Инвестиционная декларация Кабардино-Балкарии». URL: <http://www.stavropolye.tv/sfdnews/view/56009> (дата обращения: 08.09.2013).
190. Осторожно: фальшивые деньги! 24.01.2013. URL: <http://07kbr.ru/2013/01/24/ostorozhno-falshivye-dengi/> (дата обращения: 03.06.2013).
191. Отчет о научно-практическом семинаре, проведенном Комитетом Государственной Думы Российской Федерации по безопасности и Национальным Антикриминальным и Антитеррористическим Фондом на тему: «Организованная преступность и экономика страны». URL: www.komitet2-16.km.duma.gov.ru/file.xp?idb=892222&fn (дата обращения: 03.06.2013).
192. Официальный сайт Мусы Садаева. Экономика, коррупция и экстремизм на Северном Кавказе. URL: http://sadaev.ru/archive/ekonomika_korruptiyai_ekstremizm_na_severnom_kavkaze.html (дата обращения: 12.08.2013).
193. Передерий С.В. Демографические проблемы на юге России. URL: <http://www.za->

nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1469&Itemid=39
(дата обращения: 08.08.2013).

194. Разоблачена крупнейшая сеть по производству фальшивых денег. 18.12.12. URL: http://www.topnews.ru/news_id_54933.html (дата обращения: 03.06.2013).
195. Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира. Ставрополь, 2006. URL: m.vk.com/doc704697_138579786?hash=3f266599e4b138ea5b&dl (дата обращения: 12.08.2013).
196. Рейтинг дотационности регионов РФ - ожидает ли Россию изменение политики межбюджетных отношений? // REGNUM, 23.01.2007. URL: <http://www.regnum.ru/news/771063.html> (дата обращения: 03.06.2013).
197. СК РФ: установлены все организаторы и исполнители терактов в московском метро. URL: <http://www.forbes.ru/news/65549-sk-rf-ustanovleny-vse-organizatory-i-ispolniteli-teraktov-v-moskovskom-metro> (дата обращения: 18.08.2013).
198. Создание туристкластера на Северном Кавказе обойдется в 450 млрд. рублей. URL: <http://www.radiomayak.ru/doc.html?id=190410> (дата обращения: 03.06.2013).
199. Социальный атлас российских регионов. URL: <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/settlement/> (дата обращения: 10.09.2013).
200. Султанов-Барсов М. В Дагестане доминируют религиозные тенденции // Настоящее время, 13 ноября 2009.
201. США внесли Доку Умарова в список террористов. URL: <http://www.inosmi.ru/usa/20100624/160832286.html> (дата обращения: 18.07.2013).
202. Тишков В.А. Вперед, назад или в никуда? Северный Кавказ, проблемы и политика. URL: http://7gods.ru/about/Vpered_nazad_ili_v.html (дата обращения: 03.04.2013).

203. Тишков В.А. Кризис понимания России // Этнографическое обозрение Online. Март 2005. URL: <http://journal.iea.ras.ru/online> (дата обращения: 03.04.2013).
204. Тишков В.А. Политический процесс и управление. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/politiches1.html> (дата обращения: 18.07.2013).
205. Тишков В.А. Русское население республик Северного Кавказа. URL: http://www.valerytishkov.ru/russkoe_na.html (дата обращения: 31.05.2013).
206. «Туран»: Причина бунта в Губе – бедность и безысходность, царящие в Азербайджане. URL: <http://panorama.am/ru/politics/2012/03/05/azerbaijan-guba-turan/> (дата обращения: 17.09.2013).
207. Халидов Д. Северный Кавказ: что делать? Системный анализ, назревшие меры и актуальные проекты. URL: <http://www.ansar.ru/library/23> (дата обращения: 12.08.2013).
208. Ханбабаев К.М. Российский опыт политико-правового регулирования системы противодействия экстремизму и терроризму. URL: <http://www.ekstremizm.ru/metodika/item/179-rossiyskiy-opyt> (дата обращения: 18.06.2013).
209. Хлопонин спасет Северный Кавказ особыми зонами и курортами? Комментарии. URL: http://www.uf.ru/ru/Archive/2010/2/6/Article/ID_24729 (дата обращения: 03.08.2013).
210. Цветков О.М. Клановость и клиентелизм как база социальной конфликтности на Северном Кавказе. URL: <http://userdocs.ru/geografiya/6349/index.html?page=17> (дата обращения: 12.08.2013).
211. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. URL: <http://www.medialawca.org/document/-2056> (дата обращения: 18.08.2013).

212. Шесть крупных инвестпроектов реализовано на Ставрополье.
02.04.2013. URL: <http://www.stavropolye.tv/economy/view/55974> (дата обращения: 08.09.2013).
213. <http://government.ru/docs/22702/> (дата обращения: 16.07.2013).